Б1 02/4
305936
Б ср/1

Г 1 02/4 б.ф

Николай

Дар 2483
21 янв. 1910 г.

Г 1 02/4

УЧРЕЖДЕНІЕ

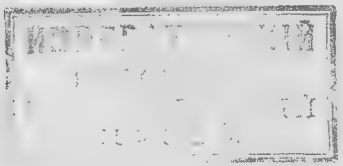
ПО ПРИНЯТІЮ И НАПРАВЛЕНІЮ ПРОШЕНІЙ И ЖАЛОБЪ, ПРИНОСИМЫХЪ НА

ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ

1810—1910 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Составилъ С. Н. Писаревъ.



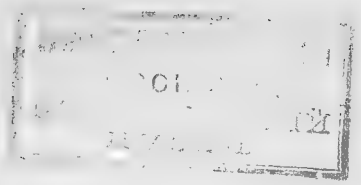
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Т-ВО Р. ГОЛИКЕ И А. ВИЛЬБОРГЪ. ЗВЕНИГОРОДСКАЯ, 11.
1909.

Печатать.

Статсъ-Секретарь Баронъ Будбергъ.

9го Июня [illegible] года.

Гос. [illegible]
Инвент. 305436
193 г.



„Въ сердцахъ Царей владычествуетъ
милость,
Какъ аттрибутъ Всевышняго — и та
Земная власть всѣхъ ближе къ власти
Бога,
Которая и правый судъ творитъ
И милуетъ...“

Шекспиръ.

„Зачѣмъ нужно, чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самаго закона? Затѣмъ, что законъ — дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что то жестокое и не братское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона не далеко уйдешь; нарушитъ же или не исполнитъ его никто изъ насъ не долженъ; для этого то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ въ одной полномощной власти“.

Пушкинъ.

1550—1810 гг.

ВВЕДЕНІЕ.

Первый Русскій Царь, Іоаннъ Грозный, „видя государство въ великой тоскѣ и печали отъ насилія сильныхъ и отъ неправды, умыслилъ привести всѣхъ въ любовь“.[1] Полагая корень всего зла во владычествѣ бояръ и въ ихъ полномъ безразличіи къ народному благу, Онъ предпринялъ рядъ мѣръ, чтобы прекратить ихъ самовластіе и насадить правду и порядокъ. И одною изъ первыхъ—было учрежденіе Челобитнаго Приказа въ 1550 году подъ главенствомъ любимца Царя, Алексѣя Адашева, которому Онъ довѣрялъ болѣе всѣхъ. Іоаннъ позвалъ его къ себѣ и, тутъ же пожаловавъ его въ Окольничіе, сказалъ ему:

„Слышалъ Я о твоихъ добрыхъ дѣлахъ и теперь взыскалъ тебя для помощи души Моей. Поручаю тебѣ принимать челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разбирать ихъ внимательно. Не бойся сильныхъ и славныхъ, не смотри и на ложныя слезы бѣднаго, клевещущаго на богатыхъ, ложными слезами хотящаго быть правымъ; но все разсматривай внимательно и приноси къ Намъ истину, боясь суда Божія. Избери судей правдивыхъ изъ бояръ и вельможъ“.[2]

Царь не могъ сдѣлать лучшаго выбора. Адашевъ былъ одною изъ немногихъ свѣтлыхъ личностей, если не единственною, среди тѣхъ, которыя окружали Престолъ; нельзя привести какого бы то ни было отзыва современниковъ не въ пользу этого человѣка, представлявшаго собою лучшій образецъ гуманиста XVI вѣка. „Былъ онъ общей вещи зѣло полезенъ и отчасти, въ нѣкоторыхъ нравѣхъ, ангеломъ подобенъ“ пишетъ о немъ Князь Курбскій.[3]

Но миновала лучшая пора правленія Іоанна. Наступило мрачное время недовѣрія и гоненій, Адашевъ сталъ лишнимъ и былъ отправленъ воеводою на окраину Россіи. „Сей знаменитый временщикъ“—говоритъ Карамзинъ—„явился вмѣстѣ съ добротою Царя и погибъ съ нею“.

Надо думать, что и значеніе Приказа, съ паденіемъ Адашева, лишилось той роли, къ которой онъ предназначался. Умалилось Установленіе, долженствовавшее „приносить къ

Царю истину“ и вновь развернулась во всю ширь знакомая картина злоупотребленій добраго стараго времени. Вотъ, напримѣръ, какое наставленіе даетъ Стольникъ Колонтаевъ своему слугѣ, отправляя его въ Москву хлопотать по дѣламъ у разныхъ должностныхъ лицъ: „Пришедши къ дьяку, въ хоромы не входи, прежде развѣдай, веселъ ли дьякъ, и тогда войди, побей челомъ крѣпко и грамотку отдай; приметъ дьякъ грамотку прилежно, то дай ему три рубля, да обѣщай еще, а куръ, пива и ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухѣ. За Прошкинымъ дѣломъ сходи къ подьячему Степкѣ Ремезову и попроси его, чтобъ сдѣлалъ, а къ Кириллѣ Семенычу не ходи; тотъ проклятый Степка все къ себѣ въ лапы забралъ; отъ моего имени Степки не проси: я его, подлаго вора, чествовать не хочу; понести ему три алтына денегъ, рыбы сушеной да вина, а Степка жаждущая рожа и пьяная“. [4]

Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ уже менѣе интересовался обращаемыми къ нему челобитными и до Его благовоззрѣнія восходили только тѣ немногія, по которымъ бояринъ, управлявшій Приказомъ, да дьякъ не въ силахъ были сами учинить расправу. Тѣмъ не менѣе Царя осаждали челобитчики; „какъ Государь куды пойдетъ, въ походехъ и на праздники, бьютъ челомъ всякія люди“, гласитъ лѣтопись. Били же челомъ въ такихъ выраженіяхъ:

„Царю, государю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа руси бьетъ челомъ горькая вдова Григорьевская жена Желябужскаго Ѳедорица. Въ прошломъ государь, во 121 году, дала я, государь, дочеришко свое Таньку замужъ за Ѳедора Иванова сына Нащокина, и нынѣ, государь, грѣхомъ моимъ тотъ Ѳедоръ дочеришко мое Таньку убилъ до смерти, а тѣло ея лежитъ не погребено, а сынишко, государь, мой Ивашка на твоей государевѣ службѣ подъ Смоленскомъ, опричь его вступиться некому, Милостивый государь, царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всеа русіи, покажи милость, пожалуй меня горькую вдовицу, призри на мои сиротьи бѣдныя слезы своимъ царскимъ милостивымъ призрѣніемъ, вели, государь, сынишка моего Ивашка съ своей государевой службы от-

пустити не на многое время къ Москвѣ погребсти тѣло дочеришка моего. Царь, государь, смилуйся пожалуй!“ [5]

Царь Алексѣй Михаиловичъ проявлялъ къ челобитнымъ болѣе интереса, чѣмъ его Предшественникъ и Самъ слушалъ ихъ съ боярами въ Челобитномъ Приказѣ. И самый Приказъ увеличился въ своемъ составѣ. Кромѣ Окольничаго Боярина, завѣдывавшаго имъ, въ немъ состояли два дьяка вмѣсто одного, подьячіе, сторожа да ходоки. Царь съ боярами постановлялъ рѣшенія, дьяки тутъ же помѣчали ихъ на тѣхъ челобитныхъ, а ходоки относили ихъ въ подлежащіе Приказы, для свѣдѣнія, откуда онѣ доставлялись на площадь противъ Царскаго Двора; здѣсь подьячіе оглашали публично состоявшіяся повелѣнія и возвращали просителямъ ихъ челобитныя, дабы они имѣли возможность незамедлительно требовать исполненія Царской Воли. [6]

Коренныя преобразованія всего государственнаго строя Россіи, задуманныя и осуществленныя Петромъ Великимъ, не принесли тѣхъ плодовъ, которыхъ Онъ ожидалъ. Новая административная машина дѣйствовала плохо, отдѣльныя части ея механизма работали вяло и врозь. Правда, учрежденія были новы, но люди и нравы остались тѣ же; подъ нѣмецкимъ платьемъ пребывали во всей своей неприкосновенности прежняя россійская лѣнь, недобросовѣстное отношеніе къ Государеву дѣлу и безпредѣльное лихоимство. „Всѣ судьи криво ѣдутъ и за гривенное дѣло полтину берутъ“, говоритъ Посошковъ, — одна изъ немногихъ свѣтлыхъ личностей того времени, мыслитель и писатель, вышедшій изъ народа. „Всемилостивѣйшій Государь, развѣ хочешь Ты быть Императоромъ одинъ, безъ подданныхъ. Всѣ мы воруемъ; только одинъ больше и примѣтнѣе другихъ“, съ добродушнымъ цинизмомъ

возражаетъ одинъ изъ первыхъ сановниковъ Государства, Генералъ-Прокуроръ Ягужинскій Петру, когда Онъ, разгнѣванный повсемѣстнымъ взяточничествомъ и казнокрадствомъ, велитъ написать указъ, что „всякій воръ, который украдетъ настолько, чего веревка стоитъ, безъ замедленія долженъ быть повѣшенъ“.[7] Даже Сенатъ — правая рука Императора — долженствовавшій наблюдать за искорененіемъ всякой неправды во всѣхъ государственныхъ установленіяхъ, часто навлекалъ на себя Его упрекъ въ волокитѣ и стремленіи ограничить свою дѣятельность только писаніемъ указовъ, а не наблюденіемъ за ихъ исполненіемъ. Дѣло дошло до того, что въ 1715 г. пришлось учредить при Сенатѣ особую должность Генеральнаго Ревизора, который доносилъ бы Государю о сенатскихъ упущеніяхъ.[8] Неудивительно поэтому, что, приближаясь къ концу царствованія, Петръ не могъ не прійти къ скорбному заключенію, что созданный имъ государственный механизмъ не удовлетворяетъ своему назначенію. Требовалась серьезная помощь въ видѣ такого органа, чрезъ посредство котораго можно было бы поддерживать неусыпный надзоръ за дѣятельностью коллегій и канцелярій и бороться съ царящими въ нихъ злоупотребленіями и непорядками. На выручку явился все тотъ же Посошковъ, писавшій въ своемъ разсужденіи „О Скудости и Богатствѣ“ слѣдующее: „ради самыя твердости въ судахъ и во всякомъ правленіи надлежитъ учинить особливую Канцелярію, въ которой бы правитель былъ самый ближній и вѣрный Царю. Еже бы онъ былъ око царево, вѣрное око, иже бы надъ всѣми судьями и правителями былъ вящій, и за всѣми правителями смотрѣлъ властительно и никого бъ онъ, кромѣ Бога, да Его Императорскаго Величества не боялся. А въ той Канцеляріи приходъ былъ бы самый свободный и тутъ бы изобиженный искалъ обороны“. Мысль Посошкова пришлась во время и совпала съ замыслами Петра.

И вотъ, 9 Апрѣля 1720 г.,[9] Государь, „соболѣзнуя о подданныхъ“, изволилъ повелѣть опредѣлить при Сенатѣ особаго человѣка, „персону знатную“, получившую позднѣе, въ 1722 г., названіе Генералъ-Рекетмейстера,[10] а къ нему Секретаря, для

Высочайшій Указъ Императора Петра I Генералъ-Рекетмейстеру.
(Сенатскій Архивъ).

пріема челобитныхъ на коллегіи и канцеляріи въ волокитѣ и неправосудіи. Связанный особенною, весьма сложною, присягою,[11] онъ располагалъ широкими полномочіями своею властью предписывать этимъ учрежденіямъ рѣшать дѣла въ установленный закономъ срокъ, ходить самому къ Президентамъ коллегій и указывать имъ на допускаемыя ими въ этомъ отношеніи упущенія, а также требовать отчета въ точномъ исполненіи исходящихъ отъ него предписаній. Что же касается жалобъ на неправосудныя рѣшенія, то таковыя онъ долженъ былъ вносить въ Сенатъ. Императора же онъ не могъ безпокоить докладомъ челобитныхъ и только въ тѣхъ случаяхъ, когда подавались жалобы на неисполненіе рекетмейстерскихъ предписаній, ему вмѣнялось въ обязанность доводить объ этомъ до свѣдѣнія Его Величества.

Едва ли, однако, такая постановка дѣла принятія и разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ прошеній отвѣчала основной цѣли — искорененію злоупотребленій, во имя которой былъ созданъ новый органъ. Прежде всего, устраненіе Монарха отъ ознакомленія съ приносимыми Ему жалобами не давало никакой гарантіи, что Генералъ-Рекетмейстеръ, предоставленный самъ себѣ, будетъ судьею болѣе праведнымъ, чѣмъ тѣ, которыхъ съ такою откровенностью аттестовалъ Императору Ягужинскій.

Затѣмъ, сфера воздѣйствія рекетмейстерской власти оказалась строго ограниченною дѣлами судебнаго и административнаго характера. Между тѣмъ, разнообразіе поводовъ, побуждающихъ подданныхъ обращаться къ своему Государю, далеко не укладывается въ эти узкія рамки. Ходатайства о помилованіи, просьбы о матеріальной помощи, домогательства наградъ и множество другихъ, все это не подлежало вѣдѣнію Рекетмейстера. И хотя жизнь указала имъ иной путь — чрезъ посредство всемогущаго Кабинетъ-Секретаря Макарова, все же это явленіе было лишь практическимъ восполненіемъ недостатка новаго закона.

И, наконецъ, должность Генералъ-Рекетмейстера, призваннаго властно надзирать за дѣятельностью такихъ сановниковъ,

какъ Президенты коллегій, была положена лишь въ бригадирскомъ рангѣ и оплачена оберъ-секретарскимъ жалованьемъ.

Извѣстіе объ учрежденіи новаго органа для пріема челобитныхъ медленно проникло въ среду населенія, и неоднократно приходилось подтверждать запретъ, подъ страхомъ строжайшихъ наказаній, лично обращаться къ Императору, Которому повсюду докучали просители „не дая нигдѣ покою“, и докучали, притомъ, ходатайствами, не всегда достойными вниманія. Для примѣра можно привести челобитную Бахмутскаго гарнизоннаго лѣкаря Ивана Иванова сына Гарлинга, который писалъ:

„Державнѣйшій Царь Государь милостивѣйшій.

Внынешнемъ году Марта въ 21 числѣ, Бахмутскаго ботолиона подпоручикъ Иванъ Ивановъ сынъ Макъшеевъ называлъ мене нижепоименованнаго раба Вашего шпигомъ и ѳискаломъ, и въ томъ мене обругалъ и обѣзчестилъ, и при томъ былъ свидетелъ бохмутскаго ботолиона прапоршикъ Козма Ѳилиповъ сынъ Короблинъ.

Всемилостивѣйшіі Государь, прошу Вашего Величества, да повелитъ Ваше Державство оного подпорутчика Макъшеева вбохмутскою канцелярию сыскать ивтомъ моемъ спионъствѣ и ѳискалъствѣ допросить, а по допросу своі милостивы указъ учинить, а ежели вчемъ запиратца будетъ и втомъ допросить вышеписаннаго свидетеля“. [12]

Послѣдующая эпоха, вплоть до воцаренія Императора Александра I, не внесла ничего новаго въ учрежденіе рекетмейстерской части. Лишь все чаще и чаще раздаются напоминанія не въ мѣру докучнымъ просителямъ, чтобы они не дерзали утруждать Особу Монарха своими всеподданнѣйшими ходатайствами, минуя Рекетмейстера, да въ царствованіе Императора Павла вдвое увеличивается штатъ Канцеляріи рекетмейстерскихъ дѣлъ. [13] Зато съ большею опредѣлительностью

намѣчается разграничительная черта между подвѣдомственными Рекетмейстеру дѣлами и тѣми, которыя къ Петру восходили чрезъ Кабинетъ-Секретаря. Поперемѣнно эти послѣднія переходятъ изъ Кабинета въ Верховный Тайный Совѣтъ и вновь въ Кабинетъ.[14] При Аннѣ Леопольдовнѣ была, впрочемъ, сдѣлана попытка создать при Высочайшемъ Дворѣ самостоятельную должность Рекетмейстера,[15] въ полковничьемъ рангѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ находился при Дворѣ безотлучно для пріема и доклада тѣхъ челобитныхъ, которыя, по словамъ указа, касались „до собственной резолюціи“ Правительницы, но попытка эта успѣха не имѣла, такъ какъ назначенный на должность Придворнаго Рекетмейстера Подполковникъ Фенинъ, не взирая на наказъ поступать, какъ надлежитъ „доброму, вѣрному и присяжному человѣку“, успѣлъ въ теченіе одного года настолько подорвать къ себѣ довѣріе, что былъ взятъ подъ стражу, а самая должность упразднена.

Ѣкатерина II, вступивъ на Престолъ, рѣшила Лично принимать всеподданнѣйшія прошенія. Однако, вскорѣ пришлось отъ этого отказаться, ибо, какъ разсказываетъ Сама Императрица, въ одинъ изъ праздниковъ, во время шествія Ея Величества со всѣмъ штатомъ къ обѣднѣ, просители пресѣкли Ей путь, ставъ полукружіемъ на колѣна съ письмами въ рукахъ.[16] Поэтому уже на слѣдующій годъ Она опредѣлила къ пріему и разсмотрѣнію прошеній, неподвѣдомственныхъ Генералъ-Рекетмейстеру, трехъ лицъ, впослѣдствіи получившихъ наименованіе Статсъ-Секретарей, Тайнаго Совѣтника Олсуфьева и Дѣйствительныхъ Статскихъ Совѣтниковъ Теплова и Ѣлагина, и дала имъ подробную инструкцію, обнаруживавшую Ея особую заботу о челобитчикахъ.[17] Этимъ тремъ лицамъ прежде всего вмѣнялось въ обязанность поступать съ просителями „кротко,

терпѣливо и снисходительно". Принявъ прошенія, они должны были войти въ словесныя объясненія съ подателями для полученія необходимыхъ дополнительныхъ свѣдѣній. Если просьбы касались вѣдомствъ, то надлежало просителей туда направить, давъ имъ нужныя указанія, причемъ, въ случаяхъ затрудненій и волокиты со стороны должностныхъ лицъ, слѣдовало оказывать на нихъ воздѣйствіе путемъ переговоровъ съ ихъ начальствомъ. Ходатайства, подлежавшія докладу Императрицѣ, повергались Ея Величеству въ формѣ краткихъ выписокъ съ приложеніемъ подлинныхъ прошеній, причемъ Собственноручныя резолюціи, въ копіяхъ, сообщались просителямъ. Если же Высочайшее рѣшеніе заключало въ себѣ какую либо неясность, должно было безъ стѣсненія вторично докладывать Ея Величеству. Запечатанные же пакеты, предназначенные въ Собственныя руки, представлялись безъ промедленія Государынѣ.

Теплова и Елагина, назначенныхъ въ 1767 г. Сенаторами, смѣнили Генералъ-Маіоръ Стрекаловъ и Коллежскій Совѣтникъ Козицкій. Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ лицъ [18] — Козминъ, Соймоновъ, Пастуховъ, Поповъ, Камеръ-Юнкеръ Храповицкій, любимый и довѣренный Статсъ-Секретарь Императрицы, талантливый стихотворецъ, другъ знаменитыхъ писателей того времени, молодой и острый человѣкъ, и, наконецъ, поэтъ Державинъ, котораго, впрочемъ, Государыня не очень жаловала, говоря про него, что „онъ ходитъ съ такими просьбами, какими бабы разжалобили тещу и жену его". [19] Собственными дѣлами Ея Величества, а также и принятіемъ прошеній завѣдывали еще Завадовскій и Графъ Безбородко, поручившій впослѣдствіи всеподданнѣйшій докладъ челобитныхъ своему молодому секретарю Трощинскому, который настолько понравился Императрицѣ своими блестящими способностями, что на одномъ изъ докладовъ Она надѣла ему, не взирая на его небольшой чинъ, орденъ Св. Владиміра II степени, говоря, что не привыкла видѣть у Себя докладчиковъ, не украшенныхъ приличными регаліями.

Обычная снисходительность Императрицы къ челобитчикамъ шла лишь до тѣхъ поръ, пока не злоупотребляли Ея

Всемилостивѣйшій Государь!

Посвящая всю жизнь мою на ревностнѣйшее служеніе вашему Императорскому величеству, колико почту себя щастливымъ, ежели къ тому, по мѣрѣ силъ моихъ, удостоенъ буду. При Московскомъ Университетѣ, по случаю всемилостивѣйшаго повелѣнія вашего величества, тамошнему Директору фонъ-визину присудствовать въ Сенатѣ, находится нынѣ мѣсто его праздномъ.

Всеподданнѣйшее прошеніе (XVIII вѣкъ).

Повели, всеавгустѣйшій Монархъ
въ званіи семъ испытать вѣрноподданническое мое усердіе. Должность
сія не утомитъ посильныхъ способностей
моихъ: ибо ревность моя къ Тебѣ,
Государь, паче и паче укрѣпитъ ихъ,
а милосердіе Твое ободритъ меня.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю
щастіе быть во всю мою жизнь.

всемилостивѣйшій Государь!
вашего императорскаго величества

Вѣрно подданный

декабря „15-дня
„1796. года.

милосердіемъ, и кляуза всегда получала достойное возмездіе. Однажды какая то жена маіора Бухарова осмѣлилась утруждать Ея Величество неправою жалобою на Сенатъ. Жалоба, разумѣется, была оставлена безъ послѣдствій, сама же Бухарова, какъ гласилъ Высочайшій указъ, „въ удовольствіе Нашего Сената“, была выдана ему головою. И, вотъ, „Сенатъ въ общемъ Собраніи, призвавъ Бухарову, прочиталъ ей Именный указъ. По выслушаніи котораго, она ставъ на колѣни и признавая вину свою, со слезами въ преступленіи просила прощенія. Потомъ отъ Собранія объявлено ей, что хотя она за неправое на Сенатъ челобитье подвергала себя тому, что по законамъ положено, но Сенатъ, подражая Ея Императорскому Величеству материнскому милосердію къ подданнымъ и сохраняя долгъ человѣколюбія, то ее Бухаровой преступленіе ей прощаетъ, съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ она впредь отъ несправедливыхъ прошеній и противныхъ законамъ поступковъ удержалась. О чемъ и опредѣлилъ Октября 16-го дня донесть Ея Величеству всеподданнѣйшимъ рапортомъ, принеся въ немъ отъ Сената за Высочайшую милость, оказанную въ защищеніе отъ несправедливыхъ челобитчиковъ, всеподданнѣйшую благодарность“. [20]

Императоръ Павелъ I, въ желаніи оказывать подданнымъ всевозможное правосудіе и открыть имъ „всѣ пути и способы, дабы гласъ слабаго и угнетеннаго былъ услышанъ“, тотчасъ по воцареніи разрѣшилъ всѣмъ являться во Дворецъ со словесными и письменными просьбами. Для разбора и доклада ходатайствъ у него, какъ и у Екатерины Великой, состояло нѣсколько Статсъ-Секретарей. [21] Самымъ довѣреннымъ изъ нихъ былъ извѣстный своею гуманностью, бывшій судебный дѣятель, писатель и масонъ, Лопухинъ, проводившій и на этомъ

поприщѣ свои человѣколюбивыя воззрѣнія. „Во всю бытность мою при Дворѣ одинъ предметъ мой былъ—служить Государю вѣрно, гдѣ только представляется случай, соблюдать пользу Государства и человѣчества вообще; и милость Государеву сохранять, доколѣ то будетъ угодно Единому Источнику милости непреложной", говоритъ Лопухинъ въ своихъ Запискахъ. [22] Онъ не боялся спорить съ Императоромъ, когда считалъ, что справедливость того требуетъ. По его словамъ, „въ Государѣ безпримѣрно сочетались всѣ противныя одно другому свойства; только острота ума и щедрость безпредѣльная являлись въ Немъ при всѣхъ случаяхъ неизмѣнно. Пылкость гнѣва Его никогда не имѣла послѣдствій невозвратныхъ. Къ строгости Онъ побуждался стремленіемъ правды и порядка". Далѣе Лопухинъ добавляетъ: „при рѣдкомъ Государѣ, больше какъ при Павлѣ I, можно было бы сдѣлать добра, если бы окружавшіе Его руководствовались усердіемъ къ отечеству, а не выгодами собственной корысти".

Что „пылкость гнѣва Его не имѣла послѣдствій невозвратныхъ" доказываетъ слѣдующій случай. Нелединскій, самый блестящій докладчикъ изъ всѣхъ Статсъ-Секретарей, явился однажды съ цѣлою кипою всеподданнѣйшихъ прошеній. Императоръ былъ гнѣвенъ. На первое же доложенное ходатайство послѣдовала строгая резолюція. Что дальше, то хуже. Нелединскій, видя, что просителямъ, правымъ и неправымъ, грозитъ бѣда, доложилъ кое какъ, наспѣхъ, принесенныя прошенія и ушелъ съ твердымъ намѣреніемъ какъ нибудь потомъ поправить дѣло.

Прошло недѣли двѣ.

Явившись опять къ Императору, онъ, между другими дѣлами, вновь докладываетъ одно изъ рѣшенныхъ въ предыдущій разъ ходатайствъ. Докладываетъ и видитъ, что Государь смотритъ ему прямо въ глаза.

— „Вы кончили? Отложите".

И, вопреки обыкновенію, никакой резолюціи!

Нелединскій берется за второе, тоже рѣшенное, опять тотъ же вопросъ, никакого рѣшенія и „отложите".

Нелединскій начинаетъ смущаться, путаться, и въ головѣ уже одна только мысль: въ какую губернію Сибири онъ поѣдетъ изъ Дворца послѣ доклада.

Наконецъ докладъ пришелъ къ концу.

Императоръ вдругъ всталъ и порывисто обнялъ Нелединскаго: „Благодарю Васъ, сударь, Вы знаете сердце вашего Государя".

„И никогда, за все время моей службы, — добавляетъ Нелединскій,—не было болѣе милостивыхъ рѣшеній!"

Но бывало и иначе.[23] Гвардіи унтеръ-офицеръ Д., по бѣдности, просилъ опредѣлить его къ штатскимъ дѣламъ, угрожая, въ случаѣ отказа, вовсе выйти въ отставку.

Резолюція послѣдовала такого содержанія: „отказать и посадить подъ арестъ".

Нѣкій титулованный камергеръ, находя, что служба, въ которой онъ состоялъ, ниже его талантовъ, просилъ опредѣлить его къ иностраннымъ дѣламъ. Ему приказано объявить, чтобы „былъ, гдѣ велятъ. Также сказать, что Его Величество считаетъ его не больно способнымъ къ дипломатической части".

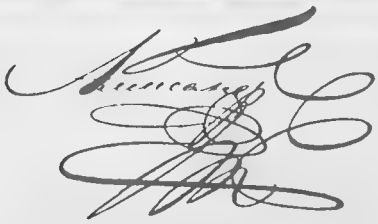
Чтобы открыть подданнымъ еще болѣе широкій доступъ къ Царскому правосудію и милосердію, на одномъ изъ оконъ нижняго этажа Зимняго Дворца былъ поставленъ желтый желѣзный ящикъ съ прорѣзаннымъ отверстіемъ для опусканія въ него прошеній. Они вынимались Статсъ-Секретарями, докладывались, и Государь немедленно клалъ на нихъ резолюціи. Иныя, неосновательныя, иногда почтою возвращались подателямъ „съ наддраніемъ", причемъ съ нихъ взыскивались деньги за пересылку, иногда же публиковались въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ съ мотивированными отказами, въ назиданіе и всеобщее свѣдѣніе, какъ напримѣръ:

„Вологодской губерніи, деревни Вецковой, крестьянину Иванову, просившему позволенія собирать на украшеніе состоящей тамо церкви Живоначальныя Троицы, дается знать, чтобы онъ упражнялся въ работахъ, ему приличныхъ, а не ханжилъ".[24]

Это, однако, не помогало, и въ 1799 г. Государь издалъ Указъ „дабы недѣльными просьбами Его Величество не утру-

ждали“ и что „всякъ, дерзнувшій по двукратной просьбѣ еще утруждать Его Императорское Величество, имѣетъ быть посаженъ въ тюрьму на мѣсяцъ“. Основательныя же жалобы вызывали тщательныя разслѣдованія и просмотръ Самимъ Государемъ подлинныхъ дѣлъ. Лица заинтересованныя постарались поскорѣе отдѣлаться отъ ненавистнаго имъ ящика. Средство было избрано весьма простое и быстрое—въ него опустили нѣсколько обращеній къ Монарху, изложенныхъ въ недостойныхъ выраженіяхъ.

И ящикъ былъ снятъ.



1810—1884 гг.

КОММИСІЯ ПРОШЕНІЙ.

ГЛАВА I.

Вступленіе на Престолъ Императора Александра I сопровождалось необычайнымъ подъемомъ общественнаго настроенія. Вся образованная Россія горячо привѣтствовала „свое Солнце“, какъ называли новаго Монарха современники.

„Императоръ Александръ“, — писалъ впослѣдствіи знаменитый прусскій министръ фонъ Штейнъ въ одномъ дружескомъ письмѣ, — „постоянно дѣйствуетъ блестящимъ и прекраснымъ образомъ: нельзя достаточно изумляться тому, до какой степени этотъ Государь способенъ къ преданности дѣлу, къ самопожертвованію, къ одушевленію за все великое и благородное“. [25]

„Въ душѣ Его много идеально прекраснаго; Онъ любилъ добро и постигалъ его“, — говорилъ, много лѣтъ спустя, объ Александрѣ I поэтъ Жуковскій.

Краснорѣчивымъ выразителемъ общихъ упованій явился митрополитъ Платонъ, обратившійся къ Императору, во время Священнаго Коронованія, съ такими словами:

„Предстанетъ лицу Твоему пространнѣйшая въ свѣтѣ Имперія, которую едва ли когда видѣла Вселенная, и будетъ отъ мудрости Твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ своемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства“.

Какъ бы въ отвѣтъ на эти надежды общества новое царствованіе заявило себя цѣлымъ рядомъ мѣръ, которыя не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія. Почти ежедневно оглашались указы, уничтожавшіе насиліе и произволъ, — суровую память недавняго прошлаго. Достаточно вспомнить, что однимъ изъ первыхъ дѣлъ молодого Государя было упраздненіе Тайной Экспедиціи, такъ долго наводившей ужасъ на все населеніе.

Преемнику Императора Павла досталось тяжелое наслѣдье.

„Непостижимо, что происходитъ“, — писалъ Онъ своему воспитателю Лагарпу, — „всѣ грабятъ, почти не встрѣчаешь честнаго человѣка... Болѣе всего мнѣ доставляетъ заботъ и труда согласовать частные интересы и ненависти и заставить другихъ содѣйствовать единственной цѣли — общей пользѣ“.

Рос. Библіотека Б-ка
Инвент. №
193 г.

„Дѣла тогда (при вступленіи на Престолъ) были крайне запутаны по отсутствію всякихъ началъ въ Управленіи", — говорилъ Онъ позднѣе Брату Своему Николаю.

Вслѣдствіе такого положенія вещей Императоръ, въ первый же годъ по воцареніи, объединилъ вокругъ Себя своихъ друзей — Кочубея, Строганова, Новосильцова и Чарторыйскаго, дарованіямъ и безкорыстію которыхъ Онъ вполнѣ довѣрялъ, и въ этомъ интимномъ комитетѣ приступилъ къ систематической работѣ надъ реформою безобразнаго зданія управленія Имперіи („réforme de l'édifice informe du gouvernement de l'Empire"). [26]

„Весь разумъ ихъ плана состоялъ въ томъ", — писалъ впослѣдствіи Сперанскій, — „чтобы сообщить дѣйствію Правительственной Власти болѣе достоинства и истинной силы", [27] причемъ всѣ намѣченныя преобразованія должны были совершиться въ строгомъ соотвѣтствіи „съ истиннымъ народнымъ духомъ" („d'après le véritable esprit de la Nation"). [28]

При такой исходной точкѣ Правительство не могло, конечно, миновать вопросъ объ упорядоченіи пріема и разсмотрѣнія прошеній, приносимыхъ на Высочайшее Имя. Русскій народъ, издревле привыкшій искать защиты у подножія Престола и всегда видѣвшій въ этомъ свое неотъемлемое право, давно уже нуждался въ томъ, чтобы его обращенія къ Монарху восходили на Высочайшее благовоззрѣніе по единому строго опредѣленному пути, не подвергаясь различнымъ случайнымъ вліяніямъ, неизбѣжнымъ при установившемся раздѣленіи обязанностей принятія и доклада прошеній между Генералъ-Рекетмейстеромъ и цѣлымъ рядомъ Статсъ-Секретарей. Реформа въ этой области представлялась тѣмъ болѣе назрѣвшею, что существовавшіе тогда органы Монаршаго Милосердія далеко не удовлетворяли своему назначенію. Должность Генералъ-Рекетмейстера, учрежденная для принятія всеподданнѣйшихъ жалобъ по дѣламъ, подвѣдомственнымъ Правительствующему Сенату, какъ и надо было ожидать, съ теченіемъ времени утратила всякое значеніе. Облеченное этою властью лицо, благодаря малому классу должности и скудному жалованью,

не могло имѣть никакого авторитета и къ тому же настолько плохо было обставлено въ дѣловомъ отношеніи, что прошенія залеживались по 20 и 30 лѣтъ.[29] Что же касается Статсъ-Секретарей, которые принимали и докладывали прошенія о дарованіи Милостей и изъятій изъ закона, то и тутъ дѣло обстояло не лучше. Правда, при Императорѣ Александрѣ I обязанность эта была возложена на Михаила Никитича Муравьева, имя котораго произносилось современниками съ уваженіемъ; но этотъ человѣкъ лишній разъ доказалъ ту истину, что высокое умственное развитіе и благородныя душевныя качества не всегда идутъ рука объ руку съ сильною волею и талантомъ борца на государственномъ поприщѣ.

Муравьевъ, обучавшій Императора, въ бытность Его Наслѣдникомъ, русскому языку, впослѣдствіи Тайный Совѣтникъ, Сенаторъ, Членъ Россійской Академіи, Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія, извѣстенъ въ исторіи русскаго просвѣщенія какъ преобразователь Московскаго Университета. Не менѣе извѣстно было его имя и въ литературныхъ кругахъ, какъ автора многихъ прозаическихъ и стихотворныхъ произведеній въ сентиментально-философскомъ родѣ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ проповѣдывалъ любовь къ человѣчеству и необходимость господства закона, обуздывающаго деспотизмъ. Въ нѣсколько приподнятомъ, по обычаю той эпохи, тонѣ характеризируетъ его поэтъ Батюшковъ:

„При встрѣчѣ съ нимъ казалось, что снова посѣтилъ землю одинъ изъ тѣхъ свѣтильниковъ философіи, которые нѣкогда рождались подъ счастливымъ небомъ Аттики для утѣшенія и назиданія человѣчества“.[30]

Невзирая, однако, на эти высокія качества Муравьева, его дѣятельность по принятію и докладу прошеній едва ли могла удовлетворять отзывчиваго къ народнымъ нуждамъ Монарха. Цѣлый рядъ всеподданнѣйшихъ выписокъ, представлявшихся Муравьевымъ Императору при личныхъ докладахъ и доходившихъ до 8000 въ годъ, не даетъ ни одного яркаго штриха и не указываетъ на то, чтобы онъ удѣлялъ достойное вниманіе этой отрасли своей дѣятельности и былъ способенъ

на обобщеніе проходившихъ предъ его умственнымъ взоромъ отдѣльныхъ случаевъ, которые истинно государственному разуму могли бы дать много указаній, въ особенности полезныхъ въ то кипучее время коренныхъ преобразованій. Кромѣ того, сохранившіеся доклады его преемника, Статсъ-Секретаря Молчанова, замѣстившаго его съ 1807 г., открыли, что многія сотни прошеній лежали безъ всякаго движенія въ теченіе 5—6 лѣтъ. А между тѣмъ обращенія на Высочайшее Имя поступали въ изобиліи [31] и затрагивали разнообразные вопросы, обнажая нерѣдко самыя наболѣвшія язвы современныхъ порядковъ.

Наряду съ этимъ, новыя установленія,—Министерства,—замѣнившія собою былыя коллегіи и предназначенныя создать иную атмосферу, способную оздоровить обветшалый строй, на первыхъ порахъ ничѣмъ себя не проявили. Измѣнилось лишь названіе, существо же осталось то же. Губернаторы попрежнему превышали свою власть или благодушно бездѣйствовали; Прокуроры умножали свое благосостояніе на счетъ подсудимыхъ и беззаконіе проявлялось повсюду настолько откровенно, что даже ревизующіе Сенаторы—эта послѣдняя надежда Власти на раскрытіе злоупотребленій—должны были искать защиты у подножія Престола отъ самихъ ревизуемыхъ. Такъ напримѣръ, Сенаторъ Руничъ, производя слѣдствіе по жалобѣ на Ирбитскій Городовой Магистратъ, пріостановилъ ревизію и обратился съ ходатайствомъ на Высочайшее Имя, чтобы указать на затрудненія, „каковыя тамошнее начальство дѣлаетъ; почему находилъ онъ нужнымъ“, какъ гласитъ его прошеніе, „оградить его чиновниковъ отъ разныхъ притѣсненій и положить тамошнему начальству преграды распоряженіями своими отнимать возможность къ скорѣйшему окончанію дѣла“. [32] Напрасно Государь высказывалъ пожеланіе, „чтобы законы и указы повсюду исполнялись неизмѣнно, чтобы бѣдные и угнетаемые находили въ судахъ защиту и покровительство, чтобы правосудіе не было помрачено ни пристрастіемъ къ лицамъ, ни мерзкимъ лихоимствомъ, Богу противнымъ и Ему ненавистнымъ“; [33] традиціи минувшаго вѣка еще не утратили своей силы и большинство чиновниковъ, не исключая и высшихъ,

принадлежали къ людямъ стараго закала. „Министры“,—писалъ Карамзинъ вскорѣ послѣ учрежденія Министерствъ,—„основавъ бытіе свое на развалинахъ коллегій, стали между Государемъ и народомъ“. [34]

При такомъ положеніи вещей однимъ изъ немногихъ средствъ для Монарха узнавать правду были восходившія къ Нему всеподданнѣйшія прошенія и жалобы. Такъ, несомнѣнно, думалъ и Императоръ Александръ; объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ отданныхъ Имъ приказовъ: „Я знаю, что полиціи, во время Моихъ путешествій чрезъ мѣста ихъ вѣдомства, воспрещаютъ подаваніе прошеній ко Мнѣ въ Собственныя руки. Таковое дѣйствіе полицій, въ нѣкоторой мѣрѣ удаляющее отъ Моего свѣдѣнія нужды жителей обозрѣваемыхъ Мною частей Государства, никогда не могло быть согласнымъ съ Моимъ желаніемъ“. [35]

Столь ясно выраженный Государемъ взглядъ на значеніе всеподданнѣйшихъ прошеній не могъ, конечно, не выдвинуть на первую очередь вопросъ о безотлагательномъ учрежденіи новаго органа Монаршаго Милосердія, который болѣе удовлетворялъ бы своему назначенію, чѣмъ существовавшіе въ то время.

Поэтому, когда въ 1808 г. молодой Сперанскій занялся, по Высочайшему повелѣнію, составленіемъ „Плана Государственнаго Образованія“, то, въ числѣ прочихъ мѣръ къ водворенію „порядка и единообразія дѣлъ государственныхъ“, онъ предположилъ учредить, въ составѣ обновленнаго Государственнаго Совѣта, особую Коммисію для пріема и разсмотрѣнія прошеній, приносимыхъ на Высочайшее Имя.

Мысль его была принята—и Коммисія Прошеній, съ обнародованіемъ 1 Января 1810 г. Высочайшаго Манифеста о преобразованіи Государственнаго Совѣта, получила свое бытіе. [36]

ГЛАВА II.

Учреждая Коммисію Прошеній“, — писалъ спустя нѣсколько лѣтъ одинъ изъ ея Предсѣдателей, — „Правительство имѣло въ виду не только средство отвращать въ частныхъ случаяхъ послѣдствія неосновательнаго приговора или иного неправильнаго дѣйствія; главною его цѣлію было установить, въ нѣкоторомъ смыслѣ, безпрестанный надзоръ за отправленіемъ суда, за наблюденіемъ законовъ и справедливости въ высшихъ мѣстахъ судебныхъ и правительственныхъ и жалобы просителей должны для сего служить указаніемъ. Сообразно съ предназначеніемъ столь важнымъ предполагалось соединить ее съ Государственнымъ Совѣтомъ, какъ съ первымъ въ Имперіи мѣстомъ, удостоеннымъ особенной довѣренности Монарха“. [37]

Поэтому, въ средѣ подвѣдомственныхъ ей дѣлъ первыми были поставлены жалобы на администрацію и суды.

Если онѣ приносились на дѣйствія Министерствъ, то отъ этихъ послѣднихъ Коммисія обязана была просить объясненія и, въ уважительныхъ случаяхъ, полагать свое заключеніе о мѣрахъ исправленія. Если же жалобы подавались на рѣшенія Департаментовъ Правительствующаго Сената, то она имѣла право требовать чрезъ Министра Юстиціи подлинныя тяжебныя производства.

Въ обоихъ случаяхъ законъ предписывалъ, чтобы заключенія Коммисіи были „рѣшительны“ и не состояли бы единственно въ отсылкѣ дѣлъ на разсмотрѣніе въ подлежащее мѣсто. [38]

Уваженныя жалобы вносились затѣмъ въ Государственный Совѣтъ, [39] тѣ же, по которымъ не былъ еще вполнѣ исчерпанъ законный путь, оставлялись безъ послѣдствій. [40]

Учрежденіе Коммисіи ввело въ кругъ ея вѣдомства также назначеніе денежной помощи отъ Монаршихъ щедротъ, пожалованіе наградъ и разсмотрѣніе проектовъ.

Просьбы о пособіи законъ раздѣлялъ на два рода: отъ лицъ иногородныхъ и отъ жителей С.-Петербурга. По первымъ дважды въ годъ составлялась особая вѣдомость, подносившаяся

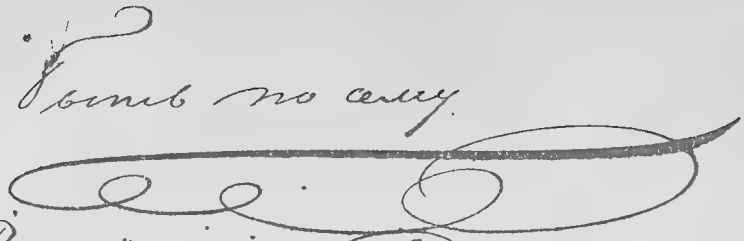
на Высочайшее утвержденіе съ испрошеніемъ потребной суммы изъ смѣтныхъ остатковъ Министерства Финансовъ, [41] причемъ общая годовая цифра, въ первое время существованія Учрежденія, колебалась между 10.000—15.000 р. на ассигнаціи, отдѣльныя же выдачи бывали не менѣе 50 руб. и не болѣе 600 руб.

Въ худшихъ условіяхъ находились Петербуржцы. [42] Ихъ прошенія должны были ожидать учрежденія въ С.-Петербургѣ особаго благотворительнаго общества, на которое предполагалось возложить заботу о неимущихъ столичныхъ обывателяхъ. Общество это было основано въ 1817 г. въ составѣ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и тогда, наконецъ, ходатайства получили законное направленіе.

Просьбы о наградахъ повергались Коммисіею на Высочайшее благоволеніе по особымъ представленіямъ вѣдомствъ.

Съ проектами дѣло обстояло проще: негодные оставлялись безъ дѣйствія, всѣ же прочіе передавались въ подлежащія вѣдомства для разсмотрѣнія ихъ спеціалистами. [43]

Въ составъ Коммисіи Прошеній входили: Предсѣдатель, назначавшійся Высочайшею властью изъ числа Членовъ Государственнаго Совѣта, чѣмъ, единственно, и выражалась связь ея съ этимъ послѣднимъ; Члены, число которыхъ, первоначально, не было установлено, и Статсъ-Секретарь, бывшій одновременно Членомъ Коммисіи. Къ числу его обязанностей относились пріемъ прошеній, распредѣленіе ихъ между Членами и докладъ Государю заключеній Коммисіи, а также тѣхъ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, которыя онъ признавалъ наиболѣе важными или требовавшими безотлагательнаго разрѣшенія. Неопредѣленность указаній относительно того, какія именно всеподданнѣйшія прошенія Статсъ-Секретарь могъ лично повергать на Высочайшее благоволеніе, не внося въ Коммисію, вскорѣ создала положеніе вещей, при которомъ онъ началъ отмежевывать себѣ все болѣе и болѣе обширное поле дѣятельности, часто докладывая Государю ходатайства, подлежавшія, въ сущности, предварительному коллегіальному обсужденію. Архивъ Коммисіи хранитъ многія доказательства,



Быть по сему.

Ведомость всеподданнѣйшимъ
прошеніямъ на Высочайшее Имя при-
сланныя отъ вдовъ и сиротъ разнаго
званія, вне петербурга живущихъ, со
справками собранными о поведеніи и
состояніи просительницъ, и о служ-
бѣ мужей и отцовъ ихъ.

За первую и вторую половины 1816 года.

Заглавный листъ всеподданнѣйшей вѣ-
домости о единовременныхъ пособіяхъ,
съ подлинною резолюціею Императора
Александра I.

Родионъ Кошелевъ

убѣждающія, что эта законодательная недомолвка стала залогомъ быстраго усиленія вліянія Статсъ-Секретаря на теченіе дѣлъ въ новомъ Установленіи.

Первымъ Предсѣдателемъ Коммисіи Государь избралъ Оберъ-Гофмейстера Родіона (Иродіона) Александровича Кошелева.

Опредѣленный еще Императрицею Екатериною къ внуку Ея Александру Павловичу въ качествѣ „кавалера“,[44] Кошелевъ, служившій тогда въ Конномъ полку, вскорѣ весьма сблизился съ Великимъ Княземъ. Будучи старше Его болѣе чѣмъ на 25 лѣтъ,[45] онъ быстро овладѣлъ расположеніемъ Его Высочества, чему много способствовала присущая обоимъ склонность къ мистицизму. Преданный этому послѣднему всею душою, объѣздивъ Европу ради знакомства съ Сведенборгомъ, Экарстгаузеномъ и другими выдающимися дѣятелями мистическаго движенія, Кошелевъ безъ труда могъ увлечь въ модное тогда ученіе мягкую натуру своего Августѣйшаго друга и пріобрѣсти на Него прочное вліяніе.

Съ воцареніемъ Императора Павла I онъ не утратилъ, подобно многимъ людямъ Екатерининскаго времени, своего положенія; напротивъ, будучи женатъ на сестрѣ одного изъ самыхъ близкихъ къ Монарху лицъ, масона Плещеева, онъ былъ возведенъ въ 1796 г. въ званіе Камергера и покинулъ военную службу. Это дало ему возможность постоянно находиться при Дворѣ, вблизи Наслѣдника Престола, и шире развить свою масонскую дѣятельность. Такимъ образомъ, не занимая еще никакой видной должности, онъ пріобрѣлъ большое общественное значеніе.

Послѣ смерти Павла I особое покровительство ему оказывала Вдовствующая Императрица; его салонъ объединилъ все, что было вліятельнаго въ Петербургѣ; постепенно онъ сбли-

зился съ извѣстнымъ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода Княземъ А. Н. Голицынымъ и сдѣлалъ этого „богохульника и опаснаго, но любезнаго безбожника“ [46] своимъ ревностнымъ послѣдователемъ и однимъ изъ самыхъ религіозныхъ людей вѣка. По словамъ одного изъ современниковъ, [47] Кошелевъ успѣлъ совершенно овладѣть умомъ и волею этого человѣка, управлялъ имъ „какъ дядька“ и даже сопровождалъ его на доклады къ Государю. Отношенія съ Голицынымъ, къ которому Императоръ питалъ большое довѣріе, еще болѣе приблизили Кошелева ко Двору и упрочили расположеніе къ нему Государя. Ему было отведено помѣщеніе въ Царскосельскомъ Дворцѣ близъ Царскихъ покоевъ [48] и Государь часто бывалъ у него, иногда по три вечера подрядъ развивая передъ нимъ „le système providentiel“ избавленія Россіи отъ французовъ. [49] Когда Родіонъ Александровичъ бывалъ боленъ, Его Величество нерѣдко заходилъ къ нему и былъ принимаемъ совершенно безцеремонно. [50]

Въ это время назрѣвала уже идея Коммисіи Прошеній. Вполнѣ естественно, что Монархъ, заботясь, чтобы эта послѣдняя дѣйствительно выполнила свое назначеніе, невольно обратилъ взоръ на Кошелева, которому Онъ могъ довѣрить новое дѣло въ сознаніи, что человѣкъ, удостоенный Его дружбы, будетъ приносить къ Нему одну только истину. Кошелева начали постепенно подготовлять къ будущему высокому положенію: въ 1808 г. ему пожаловали чинъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника, въ слѣдующемъ—возвели въ Оберъ-Гофмейстеры, а 17 Января 1810 г. назначили Членомъ Государственнаго Совѣта и Предсѣдателемъ Коммисіи Прошеній.

Но предсѣдательствовалъ онъ не долго. Тяжелая семейная утрата и прирожденныя мистическія наклонности его души окончательно замкнули его въ самомъ себѣ и побудили навсегда отказаться отъ служебной дѣятельности. Въ 1812 г. онъ вышелъ въ отставку, покинувъ также и Государственный Совѣтъ для того, чтобы предаться частной жизни и всецѣло посвятить себя проповѣди масонства въ средѣ своихъ Петербургскихъ послѣдователей, гдѣ онъ главенствовалъ до самой смерти. [51]

Никогда не неся дѣйствительной службы, Кошелевъ, конечно, не сумѣлъ бы наладить порученное ему новое Установленіе и дать его дѣлопроизводству надлежащій ходъ. Ему нужно было содѣйствіе опытнаго и талантливаго чиновника— и таковой былъ найденъ въ лицѣ Правителя дѣлъ Комитета Министровъ, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Петра Степановича Молчанова.[52]

Сынъ помѣщика, по окончаніи образованія въ Благородномъ Пансіонѣ при Московскомъ Университетѣ, онъ поступилъ, какъ и многіе дворяне того времени, первоначально въ военную службу въ Л. Гв. Преображенскій полкъ фурьеромъ, но черезъ 2 года вышелъ въ отставку съ чиномъ Капитана. Затѣмъ, въ теченіе болѣе 10 лѣтъ, Молчановъ нѣсколько разъ мѣнялъ вѣдомства и, наконецъ, въ 1805 г., былъ назначенъ Оберъ-Прокуроромъ вновь образованнаго въ Москвѣ 8 Департамента Правительствующаго Сената. Здѣсь, повидимому, онъ быстро создалъ себѣ имя талантливаго организатора, ибо вскорѣ, когда въ Комитетѣ Министровъ понадобилось образовать Канцелярію, къ этому привлекли Молчанова, уже въ качествѣ Правителя дѣлъ Комитета. Одновременно, за смертью въ 1807 г. Статсъ-Секретаря Муравьева, Государь возложилъ на него докладъ Себѣ всеподданнѣйшихъ прошеній.

Молчановъ былъ человѣкомъ весьма обходительнымъ, умнымъ и благороднымъ, обладавшимъ „зеркальною“ памятью.[53] Въ короткое время онъ пріобрѣлъ довѣріе Императора и, въ бытность Статсъ-Секретаремъ у принятія прошеній, слылъ, по словамъ Князя Вяземскаго, всемогущимъ дѣльцомъ, котораго боялись Министры. И точно, силу его испыталъ на себѣ Министръ Юстиціи Дмитріевъ, лишившійся портфеля изъ за недоразумѣній съ Молчановымъ. Вліяніе его достигло высшаго предѣла, когда, за отъѣздомъ Государя за границу, внутренними дѣлами оффиціально сталъ заправлять престарѣлый Предсѣдатель Комитета Министровъ и Государственнаго Совѣта, Генералъ-Фельдмаршалъ Князь Н. И. Салтыковъ, въ дѣйствительности же—Молчановъ, правая рука Князя.[54]

Однако, Тарпейская скала была близка отъ Капитолія!

Блестящая и быстрая карьера Молчанова и довѣріе Государя, благодаря которому онъ оказывалъ вліяніе на дѣла цѣлаго государства,[55] конечно, создали ему тьму недоброжелателей. Противъ него началась кампанія, повидимому, не безъ участія Аракчеева, которому было выгодно устранить съ своей дороги такого человѣка. Сама судьба, до сихъ поръ только баловавшая Молчанова, отвернулась отъ него и представила его врагамъ прекрасный случай его погубить.

Походъ начался издалека.

Въ 1813 г. управлявшій Военнымъ Министерствомъ Князь Горчаковъ заключилъ контрактъ на поставку провіанта для арміи. Договоръ былъ утвержденъ Комитетомъ Министровъ. Вскорѣ пошли слухи, что въ этомъ дѣлѣ были злоупотребленія, причемъ молва указывала, какъ на главныхъ виновниковъ, на Князя Горчакова и на Молчанова, который, въ качествѣ Управлявшаго дѣлами Комитета, составилъ неправильный журналъ. Сплетня получила такую огласку, что въ 1816 г. была учреждена коммисія подъ предсѣдательствомъ будущаго Министра Юстиціи Князя Д. И. Лобанова-Ростовскаго, которая нашла, что, дѣйствительно, все дѣло „на явномъ ущербѣ казны основанное, соглашено было между дѣйствовавшими лицами", вслѣдствіе чего Молчановъ, по Высочайшему повелѣнію, въ 1817 г. былъ преданъ суду Общаго Сената Собранія".[56]

„Чуднѣе всего то",—говоритъ Адмиралъ Шишковъ въ своихъ запискахъ,—„что изъ трехъ, составляющихъ коммисію, членовъ, Баронъ Кампенгаузенъ, главнѣйшій обвинитель Князя Горчакова, засѣдалъ самъ въ Комитетѣ Министровъ, самъ подписалъ разрѣшеніе Горчакову на подрядъ, и теперь съ такою ревностью обвиняетъ его за то!"

Съ своей стороны, Баронъ Кампенгаузенъ аттестовалъ Предсѣдателя слѣдственной коммисіи Князя Лобанова-Ростовскаго, человѣкомъ, котораго горячее усердіе часто заводило слишкомъ мѣшаться въ дѣла тяжебныя.[57] А по мнѣнію другого современника, — писателя Греча, — Князь Лобановъ въ настоящемъ дѣлѣ увлекся „мнимою справедливостью".

Но какъ бы то ни было, Молчановъ былъ свергнутъ съ высоты, на которой стоялъ. Хотя онъ, по словамъ Графа Мордвинова, и доказалъ, что слѣдственная коммисія или не читала бумагъ, послужившихъ основаніемъ къ обвиненію, или не такъ ихъ поняла, увлекшись желаніемъ обвинить, все же дѣло пошло своимъ ходомъ, который, какъ извѣстно, въ тѣ времена былъ не слишкомъ то скоръ. Напрасно подсудимый обращался къ Государю. Графъ Аракчеевъ не допустилъ до Его Величества присланныя Молчановымъ въ свое оправданіе письменныя доказательства, возвративъ ихъ при весьма любезномъ письмѣ, въ которомъ смиренно заявлялъ, что онъ „тѣмъ менѣе находитъ приличнымъ у себя ихъ оставить, что никакого не имѣетъ права заключать или судить о дѣлахъ своихъ сотоварищей“.[58] Дѣло тянулось 10 лѣтъ. Наконецъ, въ 1828 г., Сенатъ постановилъ: довести до Высочайшаго свѣдѣнія, что со стороны обвиняемаго никакихъ упущеній не было и что онъ находился подъ судомъ невинно. При этомъ одинъ изъ Сенаторовъ полагалъ донести Государю рапортомъ, что Молчановъ „былъ привлеченъ безъ всякаго законнаго повода“, другіе же настаивали „повергнуть на Монаршее правосудіе 10-лѣтнее Молчанова претерпѣніе отъ несправедливыхъ противъ него дѣйствій“.

Это правосудное рѣшеніе Сената имѣло для Молчанова лишь нравственное значеніе. Съ надломленными силами, потерявъ зрѣніе, онъ прожилъ еще три года и подъ конецъ испыталъ послѣднюю насмѣшку судьбы—смерть отъ разразившейся въ Петербургѣ холеры, которой страшился и отъ которой бѣжалъ изъ столицы.

По случаю смерти „этого добраго и умнаго слѣпца“ Пушкинъ, который зналъ его хорошо, писалъ: „онъ и Дельвигъ были для меня необходимы, чтобы я вполнѣ чувствовалъ счастіе жизни. Смерть ихъ сдѣлала изъ меня какого то автомата“.

ГЛАВА III.

Января 25 1810 г. въ Зимнемъ Дворцѣ, въ залѣ собраній Комитета Министровъ, Коммисія Прошеній открыла свое первое засѣданіе.

„Были прочтены правила изъ Манифеста“,— гласитъ журналъ, — „затѣмъ Молчановъ представилъ вѣдомость дѣламъ за 1809 г., объяснивъ существовавшій порядокъ ихъ разрѣшенія и вообще родъ прошеній, которыя поступали. Затѣмъ было рѣшено составлять 4 журнала: 1) по жалобамъ на Департаменты Сената, 2) по прошеніямъ о милостяхъ и наградахъ, ибо о нихъ бываютъ отдѣльныя, два раза въ годъ, всеподданнѣйшія представленія, 3) по прошеніямъ разнаго рода и 4) по тѣмъ, о коихъ рѣшено собирать справки. Затѣмъ были слушаны доклады.

„Затѣмъ были заслушаны 2 дѣла, относившіяся до Комитета Министровъ, и было рѣшено таковыя внести въ оный. Затѣмъ разсмотрѣны прошенія разнаго содержанія, въ особый журналъ внесенныя, и, наконецъ, 121 просьба о пособіи—постановлено препроводить въ то Общество, о которомъ въ Образованіи Государственнаго Совѣта упоминается, когда таковое откроется“.

Тотчасъ послѣ открытія дѣйствій Коммисіи въ ея Учрежденіи стали обнаруживаться существенные пробѣлы, допущенные при составленіи Манифеста 1 Января 1810 г.

Ближайшимъ изъ нихъ, создавшимъ немалыя практическія затрудненія, оказалось умолчаніе относительно дальнѣйшей судьбы должности Генералъ-Рекетмейстера. Былъ ли это просто редакціонный промахъ, или какія либо особыя соображенія руководили законодателемъ, сказать трудно, однако несомнѣнно, что совмѣстное съ Коммисіею Прошеній существованіе этого должностного лица отнынѣ становилось безцѣльнымъ. По всеподданнѣйшемъ докладѣ объ этомъ Статсъ-Секретаремъ Молчановымъ, Государь, въ 25 день Іюля 1810 г., Высочайше повелѣлъ Генералъ-Рекетмейстеру самому не разсматривать болѣе находившіяся въ его производствѣ дѣла, а внести ихъ въ Коммисію, которая входила въ обсужденіе только

самыхъ важныхъ, передавая прочія Министру Юстиціи. Начавшаяся такимъ образомъ ликвидація рекетмейстерскихъ дѣлъ тянулась 8 лѣтъ и фактически закончилась въ Маѣ 1818 г., когда Генералъ-Рекетмейстеръ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Ключаревъ сдалъ послѣднюю пачку въ Архивъ Кабинета Его Императорскаго Величества.

Вслѣдъ затѣмъ выяснилось, что и самый кругъ вѣдомства Коммисіи былъ очерченъ далеко не согласно съ требованіями, предъявлявшимися жизнью къ новому Установленію. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было допустить, чтобы всѣ нужды просителей исчерпывались только тѣми четырьмя рубриками, которыя были опредѣлены для нихъ закономъ. Едва ли къ этому сводились и пожеланія Самого Монарха, всегда стремившагося открыть населенію свободный доступъ къ Царскому Милосердію.

Дѣйствительно, съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности Коммисія Прошеній вошла въ соприкосновеніе съ имѣвшимъ широкое общественное значеніе вопросомъ объ упорядоченіи участи внѣбрачныхъ дѣтей. Человѣчность, съ которою Императоръ Александръ вообще относился къ своимъ подданнымъ, сказалась и тутъ въ осязательной формѣ. Уже въ самомъ началѣ Его царствованія тогда еще дореформенный Государственный Совѣтъ имѣлъ сужденіе по этому предмету и намѣтилъ основныя положенія, находившіяся въ полной гармоніи съ гуманными вѣяніями новаго вѣка. Вопросъ разсматривался какъ съ точки зрѣнія святости таинства брака,—причемъ высказывалась увѣренность, что разрѣшеніе узаконенія дѣтей послѣдующимъ вѣнчаніемъ ихъ родителей лишь умножитъ количество брачущихся,—такъ равно и съ точки зрѣнія интересовъ несчастнорожденныхъ, которые, будучи ни въ чемъ не повинными, должны нести всѣ отрицательныя послѣдствія факта своего рожденія, представлявшіяся особенно тяжелыми въ то время въ виду глубокой розни, существовавшей между отдѣльными классами населенія. Поэтому было установлено общее правило, по которому отецъ, женившійся на матери своихъ добрачныхъ дѣтей, получалъ право ихъ

узаконить съ Высочайшаго, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, соизволенія.

Первоначально прошенія объ этомъ разсматривались въ Государственномъ Совѣтѣ, но, послѣ учрежденія Коммисіи Прошеній, ея Статсъ-Секретарь и Государственный Секретарь Сперанскій, предварительно согласившись, вошли со всеподданнѣйшимъ докладомъ о сосредоточеніи подобныхъ дѣлъ въ Коммисіи, за исключеніемъ только тѣхъ, по которымъ требовались законодательныя разъясненія. 16 Апрѣля 1810 года на это послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Однако, приведенное выше правило относилось только къ дворянамъ. Но Коммисія пошла дальше и 15 Іюня 1811 г. испросила Высочайшее повелѣніе о распространеніи права узаконенія на всѣ сословія, а въ 1820 году ей удалось исходатайствовать даже узаконеніе дворянином сына женщины, бывшей ранѣе замужемъ за крѣпостнымъ человѣкомъ.

Количество ходатайствъ объ устройствѣ участи добрачныхъ дѣтей доходило, въ среднемъ, до 45 въ годъ, причемъ за время съ 1810 г. по 1825 г. было узаконено болѣе 1200 человѣкъ. Эта цифра не можетъ не быть признана значительною, если принять во вниманіе, что въ послѣдующее царствованіе она исчислялась не болѣе какъ единицами.

Передача въ Коммисію Прошеній дѣлъ объ узаконеніи была первымъ шагомъ къ расширенію круга ея вѣдѣнія. Вслѣдъ за этимъ, уже съ большею свободою, новое Установленіе стало принимать къ своему разсмотрѣнію и другія ходатайства, не предусмотрѣнныя ея Учрежденіемъ. Потянулись вереницы отставныхъ служилыхъ людей и ихъ вдовъ —о дарованіи имъ пенсій, ибо вопросъ о пенсіонномъ обезпеченіи тогда еще не былъ упорядоченъ; присужденные къ наказаніямъ просили о смягченіи ихъ участи; уволенные отъ службы за упущенія доказывали свою правоту; жаждавшіе службы домогались должностей; промышленники искали покровительства; писатели, художники и ученые несли плоды своихъ трудовъ. Явно выходя изъ предѣловъ формальнаго закона, но въ существѣ широко выполняя свою задачу, Коммисія Прошеній и ея Статсъ-Се-

кретарь все это принимали къ разсмотрѣнію, отстраняя вздорное и доводя до свѣдѣнія Монарха лишь то, что заслуживало Его Милосердія.

Вообще, годовое поступленіе всеподданнѣйшихъ прошеній въ теченіе царствованія Императора Александра I не превышало обыкновенно 6000, причемъ, конечно, большинство заключало въ себѣ ходатайства о денежномъ пособіи. Соотвѣтственно, не велико было и число входящихъ и исходящихъ бумагъ—отъ 1500 до 2500 ежегодно; личные всеподданнѣйшіе доклады Статсъ-Секретаря были принимаемы Государемъ не болѣе 2-хъ разъ въ мѣсяцъ, засѣданія же Коммисіи происходили 1 разъ въ недѣлю.

Для того, чтобы болѣе свободно развить свою дѣятельность, Коммисія Прошеній и ея Статсъ-Секретарь принуждены были вступить въ борьбу съ великимъ зломъ того времени—страстью къ сутяжничеству и возбужденію неосновательныхъ ходатайствъ. Еще до учрежденія Коммисіи Молчановъ испросилъ Высочайшее повелѣніе, по которому повѣренные, не допускавшіеся и ранѣе къ подачѣ всеподданнѣйшихъ прошеній отъ имени частныхъ лицъ, могли приносить таковыя только по уполномочію отъ крестьянскихъ обществъ и то при условіи представленія довѣренности, ибо безъ этого, какъ говорилось въ указѣ, отверзался „путь клеветамъ и доносамъ, кои правиламъ Нашимъ и духу времени Нашего противны“. [59] Въ дополненіе, Коммисія Прошеній съ своей стороны распубликовала, съ Высочайшаго соизволенія, соотвѣтствующія статьи своего Учрежденія, дабы оградить себя отъ неосновательныхъ всеподданнѣйшихъ жалобъ и просьбъ.

Цѣль, однако, достигнута не была. Приходилось прибѣгать къ высылкѣ изъ С.-Петербурга ходатаевъ по дѣламъ. Какъ гласило Высочайшее повелѣніе, состоявшееся по поводу одного такого дѣла—„причина подобному упражненію (писанію прошеній) въ столь обширномъ видѣ, естественно не можетъ быть иная кромѣ охоты заводить ябеды изъ корысти, слѣдовательно, терпѣть въ столицѣ занимающагося подобными упражненіями съ одной стороны вредно для общаго спо-

койствія, а съ другой единственно служитъ къ разоренію просителей. [60]

Не менѣе досаждали и сами просители. Являясь на пріемы къ Статсъ-Секретарю, они отымали его время нелѣпыми объясненіями и своимъ поведеніемъ иногда принуждали его принимать мѣры, чтобы оградить себя отъ ихъ посѣщеній. На трехъ изъ нихъ Молчановъ даже жаловался Государю: на польку, которая, по его словамъ, „безпрестанно ко мнѣ приходитъ, совершенно неистовымъ образомъ кричитъ и бранится при множествѣ просителей", на какого то неизвѣстнаго калмыка, „по безобразному поведенію котораго видно, что онъ совершенно лишенъ ума" и, наконецъ, на нѣкоего Коллежскаго Регистратора „впрочемъ тихаго и заслуживающаго призрѣнія".

Высочайше повелѣно: польку продержать въ полиціи „для укрощенія"; калмыка посадить въ сумасшедшій домъ, а чиновника водворить въ богадѣльню.

Полька успокоилась, калмыкъ тотчасъ же выздоровѣлъ, о чемъ и было донесено Статсъ-Секретарю, а Коллежскій Регистраторъ, черезъ 8 мѣсяцевъ пребыванія въ богоугодномъ заведеніи, запросился на свободу, предпочтя лучше терпѣть нужду, нежели подвергаться „призрѣнію" въ богоугодныхъ заведеніяхъ того времени. Во всякомъ случаѣ, Молчанова эти лица болѣе не безпокоили.

Изъ дѣлъ, производившихся въ новомъ Учрежденіи, Государь удѣлялъ особое вниманіе всякаго рода жалобамъ по судебнымъ и административнымъ дѣламъ и ходатайствамъ крестьянъ. Въ первый годъ существованія Коммисіи было принесено около 300 жалобъ и уважено немногимъ менѣе одной трети, не считая тѣхъ, по которымъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ ускореніи затянувшагося производства.

Крестьянскія дѣла всегда имѣли предметомъ отыскиваніе свободы или защиту отъ помѣщичьяго произвола. Зная, какъ трудно было въ тѣ времена крѣпостному человѣку добиться справедливаго возстановленія своихъ нарушенныхъ правъ, Государь проявлялъ особую заботу о возможномъ облегченіи

этимъ людямъ доступа къ Монаршему правосудію. Поэтому, когда Комитетъ Министровъ повергъ на Высочайшее воззрѣніе докладъ о томъ, чтобы воспретить сельскимъ обывателямъ обращаться со всеподданнѣйшими жалобами, минуя мѣстныхъ Губернаторовъ, Его Величество изволилъ положить слѣдующую резолюцію:

„Ежели бы могъ Я быть увѣренъ, что губернаторъ доставитъ всякое удовлетвореніе безпомощному крестьянину, то сужденіе Комитета было бы основательно; но, къ сожалѣнію, примѣры были сему противные, и многія уже просьбы, принесенныя Мнѣ, оказались справедливыми, хотя мѣстное начальство и не доносило Министру о противузаконныхъ дѣйствіяхъ помѣщиковъ. Сверхъ того извѣстно Мнѣ, что были случаи, гдѣ крестьяне, жалующіеся на помѣщиковъ, въ замѣну удовлетворенія, были наказаны". [61]

Если жалоба поступала на волокиту въ дѣлѣ, уже заведенномъ въ судѣ, Министру Юстиціи Высочайше вмѣнялось въ обязанность предписывать разсмотрѣть таковое внѣ очереди; если же это была просьба о защитѣ отъ незаконнаго утѣсненія со стороны владѣльца, то наряжалось слѣдствіе чрезъ высшихъ чиновъ мѣстной администраціи. Однажды, для наблюденія за дознаніемъ, даже былъ посланъ Лично Государемъ Камеръ-Юнкеръ Танѣевъ — чиновникъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, впослѣдствіи ею управлявшій. Статсъ-Секретарь у принятія прошеній, отъ Имени Его Величества, входилъ въ переговоры съ помѣщиками о выкупѣ крѣпостныхъ, и къ чести дворянства слѣдуетъ замѣтить, что владѣльцы, въ большинствѣ случаевъ, шли навстрѣчу Монаршему пожеланію и добровольно дарили свободу своимъ людямъ, за что всегда имъ изъявлялось Высочайшее благоволеніе, а иногда жаловались „хорошіе" подарки, какъ гласили Высочайшія резолюціи.

Ходатайства о помилованіи не были предусмотрѣны Учрежденіемъ Коммисіи Прошеній; тѣмъ не менѣе эта послѣдняя и Статсъ-Секретарь часто входили въ ихъ разсмотрѣніе и докладывали Государю, минуя Министра Юстиціи. Отношеніе

къ нимъ Его Величества было двоякое. Когда виновный впадалъ въ преступленіе подъ вліяніемъ порыва, легкомыслія или нужды, Милость изливалась широко, и самые доклады Статсъ-Секретаря излагались въ мягкой формѣ, своеобразнымъ языкомъ того вѣка: такъ, объ одномъ офицерѣ, разжалованномъ въ солдаты, говорилось, что онъ подвергся наказанію „за шалости", а про другого, что онъ осужденъ „за поступокъ съ ассесоромъ въ танцовальномъ собраніи". Но гдѣ былъ нарушенъ долгъ службы или употреблено во зло довѣріе, оказанное провинившемуся, снисхожденія не было, не взирая на высокое положеніе, происхожденіе или предстательство лицъ, даже близкихъ къ Престолу. Напримѣръ, Генералъ отъ Инфантеріи, Баронъ М., имѣвшій несчастіе навлечь на себя гнѣвъ Государя и подвергшійся высылкѣ изъ столицы, ходатайствовалъ о прощеніи. На это „Его Императорское Величество, не удостоивъ изъявить Высочайшаго соизволенія, повелѣть соизволилъ сообщить господину М., что Его Величество ни всегда Личнаго неудовольствія на него не имѣлъ, чему доказательствомъ было употребленіе его въ службѣ, но что Его Величество не можетъ оставить безъ должнаго возмездія поступки его, которыми обратилъ онъ во зло сдѣланную ему довѣренность".

Въ другомъ случаѣ, несмотря на предстательство Императрицы Матери, Коммисія отвѣтила состоявшему при Ея Величествѣ Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Вилламову: „удовлетворить не можно".

Искавшіе должностей и служебныхъ преимуществъ находили себѣ откликъ только тогда, когда основывали свои домогательства на какихъ либо заслугахъ. Поэтому, ходатайство вдовы Сенатора Ч. о пожалованіи ея сына въ Флигель-Адъютанты, по Высочайшему повелѣнію, было отклонено и просительницѣ объявлено, что „Штабсъ-Ротмистръ Ч. можетъ достигнуть сего поста впредь службою своею, которая Его Величеству извѣстна". Не имѣла успѣха и слѣдующая просьба Князя Д. о пожалованіи ему чина Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника:

„Великій Государь! Ты благъ и правосуденъ.
Я двадцать лѣтъ служу, безвинно обойденъ.
Тронись... и дай мнѣ чинъ—сей даръ Тебѣ не труденъ.
Двѣ строчки напиши—и буду я блаженъ".

Государь строго наблюдалъ, чтобы данное Имъ обѣщаніе всегда было приводимо въ исполненіе. Нѣкто Амфилатовъ, промышленникъ, опираясь на Высочайшій рескриптъ, послѣдовавшій въ 1805 году на имя Министра Коммерціи, завязалъ торговыя сношенія съ иностраннымъ рынкомъ. Казна, однако, затягивала дѣло и долго не выполняла своихъ обязательствъ по отношенію къ Амфилатову. Освѣдомившись объ этомъ, Императоръ повелѣлъ исполнить рескриптъ немедленно, „ибо,— какъ изволилъ Онъ выразиться при этомъ,—слово Мое должно быть священно". [62]

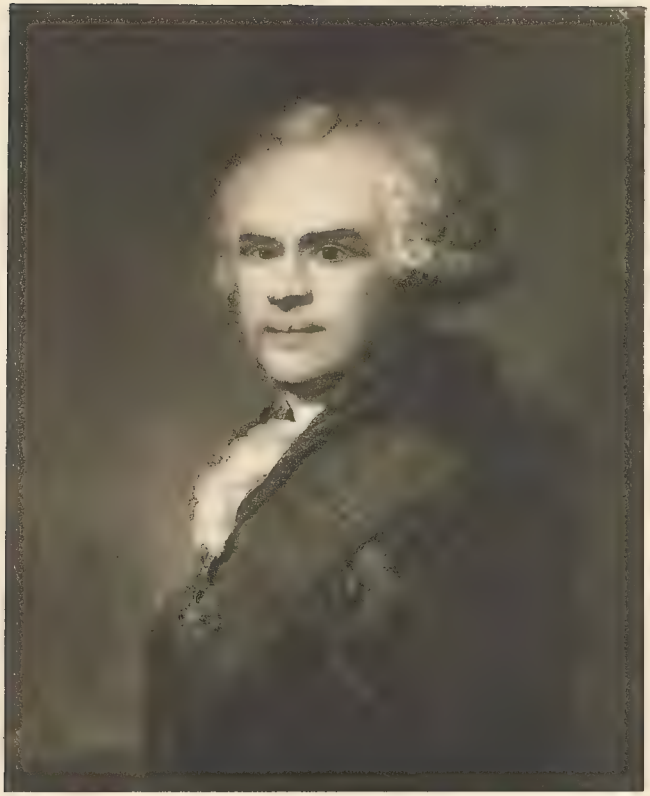
Писатели, художники, артисты и ученые всегда пользовались покровительствомъ Монарха; присылаемыя сочиненія, если они имѣли достоинства, печатались на Кабинетскія суммы и въ общемъ всякое проявленіе національнаго творчества находило оцѣнку и поощреніе.

И, наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда просители переходили всякія границы и безпокоили Государя нелѣпыми обращеніями, Его Величество бралъ на себя трудъ Лично указывать имъ на это.

Вдова Генералъ-Поручика Р. жаловалась, что по уголовному дѣлу у нея въ деревнѣ неосновательно произвели обыскъ. На это Императоръ ее увѣдомилъ Собственноручною запискою слѣдующаго содержанія:

„Невинность не должна оскорбляться сею мѣрою; подобные осмотры есть единое средство къ ея оправданію и къ открытію Мнѣ истины. Послѣ сего надѣюсь Я, что вы удостовѣритесь, что совѣты, въ письмѣ вашемъ Мнѣ преподаваемые, по меньшей мѣрѣ, излишни и что Я твердо знаю, въ чемъ состоятъ Мои обязанности". [63]

ГЛАВА IV.



Мая 2 1812 г. въ журналѣ Коммисіи Прошеній впервые появляется подпись ея новаго Предсѣдателя, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Василія Степановича Попова.

Маленькія буквы, скромный росчеркъ пера, а между тѣмъ не далѣе какъ въ предыдущее царствованіе они разрѣшали не одинъ вопросъ первой государственной важности.

Поповъ родился между 1740 и 1745 г.г. Пройдя курсъ наукъ въ Казанской гимназіи, онъ поступилъ въ 1767 г. на военную службу, гдѣ, благодаря выдающемуся уму, обратилъ на себя вниманіе покорителя Крымскаго полуострова, Князя Долгорукова. Но настоящая его карьера началась съ 1783 г., при Свѣтлѣйшемъ Князѣ Потемкинѣ-Таврическомъ, который сталъ его выдвигать и поручилъ ему завѣдываніе всѣми своими служебными и частными дѣлами. Благодаря близости къ Князю, Поповъ сдѣлался извѣстенъ Императрицѣ. Со свойственною Ей проницательностью Она быстро оцѣнила его дарованія и назначила Своимъ Статсъ-Секретаремъ для пріема всеподданнѣйшихъ прошеній. Уже въ 1791 г. онъ удостоился получить небывалую для его генералъ-маіорскаго чина награду — орденъ Св. Владиміра I степени „за особливые труды по дѣламъ, поручаемымъ ему отъ Генералъ-Фельдмаршала“. Послѣ смерти Потемкина, по поводу которой Императрица писала Попову— „Я желаю, чтобы Богъ утѣшилъ васъ въ печали, вамъ приключенной. Впрочемъ, будьте увѣрены въ Моемъ особливомъ уваженіи къ вашей службѣ и трудамъ“, [64] — онъ былъ назначенъ Начальникомъ Императорскаго Кабинета.

Со вступленіемъ на Престолъ Императора Павла Поповъ, подобно многимъ дѣятелямъ Екатерининскаго вѣка, попалъ въ немилость и долженъ былъ удалиться въ одно изъ своихъ имѣній. Но Императоръ Александръ вскорѣ вспомнилъ о немъ и, вызвавъ его въ столицу, отправилъ къ Генералу Беннигсену для приведенія въ порядокъ хозяйственнаго управленія дѣйствовавшей арміи, куда, между прочимъ, писалъ ему: „Пріятно мнѣ весьма, что нашелъ Я человѣка, который себя ста-

вить выше той пріязни, которую привлекаютъ къ себѣ пагубнымъ потворствомъ и снисхожденіями, и предпочитаетъ пользу службы личнымъ непріятностямъ". [65]

Довѣріе, съ которымъ относился Императоръ къ Попову, простиралось до того, что когда было получено извѣстіе о Фридландскомъ пораженіи и неудовлетворительномъ состояніи арміи, Его Величество уполномочилъ Попова рѣшить вопросъ о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Поповъ донесъ, что ихъ надо прекратить,—и немедленно послѣ этого непріятелю было предложено перемиріе. [66]

Съ обновленіемъ въ 1810 году Государственнаго Совѣта Поповъ былъ призванъ въ число его Членовъ. Невзирая на преклонный возрастъ, онъ сохранилъ свѣтлый умъ, энергію и любовь къ труду. Суворовъ, близко знавшій его еще въ Потемкинской арміи, называлъ его славнымъ, честнымъ человѣкомъ, въ дѣлахъ ловкимъ и опытнымъ. „Легко доступный, безъ всякой гордости, охотно принимавшій участіе въ несчастныхъ, онъ умѣлъ снискивать уваженіе и любовь", говорилъ про него великій полководецъ.

Поповъ пробылъ Предсѣдателемъ Коммисіи Прошеній не болѣе 4 лѣтъ. Годы и кипучая дѣятельность взяли свое, и въ Апрѣлѣ 1816 г. онъ уѣхалъ на полтора года за границу, для поправленія ослабѣвшаго зрѣнія, а по возвращеніи получилъ уже другое назначеніе—Предсѣдателемъ Департамента Духовныхъ и Гражданскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта. Ослѣпнувъ окончательно въ 1820 г., онъ скончался 5 ноября 1822 г.

В. С. Попова и П. С. Молчанова, покинувшихъ службу въ Коммисіи Прошеній почти одновременно, замѣстили, перваго—Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, а второго—отставной Бригадный Генералъ Петръ Андреевичъ Кикинъ. Князь Лобановъ-Ростовскій, [67] быстро перешагнувъ первыя ступени служебной лѣстницы, въ 1808 г. былъ назначенъ Малороссійскимъ Генералъ-Губернаторомъ, гдѣ особенно выдвинулся своею патріотическою дѣятельностью по сформированію, за свой рискъ и страхъ, семнадцати казачьихъ полковъ, собравъ въ то же

Benedict Arnold

время земское ополченіе; проявляя выдающуюся распорядительность, онъ личнымъ примѣромъ поддерживалъ бодрость въ населеніи и въ теченіе военныхъ дѣйствій находился всегда въ виду непріятеля. Въ 1816 г. онъ былъ назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта и Предсѣдателемъ Коммисіи Прошеній, которымъ состоялъ по 4 Ноября 1819 г., когда занялъ предсѣдательское кресло въ Департаментѣ Законовъ Государственнаго Совѣта.

Нравственный обликъ Князя его біографъ [68] характеризуетъ такъ: „онъ отличался благороднымъ образомъ мыслей и возвышенными правилами. Былъ молодъ въ кругу молодыхъ, но въ совѣтахъ и бесѣдахъ со старыми важенъ, твердъ, часто горячъ тамъ, гдѣ видѣлъ неправду; дѣлалъ добро безъ тщеславія, былъ гордъ только противъ гордыхъ, ласковъ, обходителенъ со всѣми; преданъ Престолу безъ всякихъ своекорыстныхъ видовъ. Онъ хвалилъ за глаза, бранилъ открыто".

Статсъ-Секретарь Кикинъ, въ дѣйствительности носившій имя Варѳоломея, а не Петра, но затѣмъ перемѣнившій его, по довольно распространенному обычаю XVIII вѣка, [69] принадлежалъ къ числу горячихъ патріотовъ. Въ молодости онъ считался блестящимъ острякомъ и языкъ его называли бритвою. Еще до назначенія его на должность Статсъ-Секретаря Императоръ Александръ оказывалъ ему уваженіе и особенное довѣріе за его честность, твердость убѣжденій и прямоту, хотя эта послѣдняя и проявлялась иногда въ нѣсколько рѣзкой формѣ.

На второмъ году отъ рожденія [70] онъ былъ записанъ въ Л.-Гв. Семеновскій полкъ, въ которомъ, затѣмъ, по достиженіи соотвѣтственнаго возраста и послѣ окончанія курса наукъ въ Московскомъ Университетѣ, и началъ дѣйствительную службу; въ 1802 г. былъ пожалованъ въ Флигель-Адъютанты, а во время кампаніи двѣнадцатаго года состоялъ Дежурнымъ Генераломъ обѣихъ армій и участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ и Краснымъ. Ему принадлежитъ мысль объ увѣковѣченіи памяти изгнанія Французовъ изъ Россіи, изложенная имъ въ письмѣ къ Адмиралу Шишкову:

„Провидѣніе Божіе, помощью вѣры и народнаго духа, спасло насъ. Ему благодарность,—и памятникъ Ему же принадлежитъ. И такъ, сердце мое и умъ согласно требуютъ воздвигнуть храмъ Спасителю въ Москвѣ, ибо тамъ, въ сердцѣ Россіи, надменный врагъ чаялъ нанести смертельный ударъ народу Русскому, тамъ Провидѣніе положило предѣлъ пагубнымъ замысламъ его на родъ человѣческій".

По окончаніи, въ 1814 году, войны Кикинъ вышелъ въ отставку. Когда, съ удаленіемъ Молчанова, освободилась должность Статсъ-Секретаря, Государь Лично выразилъ желаніе, чтобы ее принялъ Кикинъ. Тотъ нѣкоторое время колебался. Тогда Графъ Аракчеевъ взялъ на себя роль посредника и сталъ уговаривать Кикина, питая, вѣроятно, тайную надежду получить, благодаря своему участію, въ лицѣ будущаго Статсъ-Секретаря полезнаго для себя человѣка. Расчеты, однако, оказались невѣрными. Повинуясь Высочайшей волѣ, Кикинъ согласился, но въ дружбу со „змѣемъ"—какъ называли современники Аракчеева — не вступилъ и вскорѣ началъ противъ него дѣятельную борьбу по слѣдующему поводу.

Учрежденной въ 1812 г. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи между прочимъ былъ порученъ пріемъ и докладъ Государю всеподданнѣйшихъ прошеній, адресованныхъ въ „Собственныя Его Величества руки". Вскорѣ послѣ назначенія Кикина на должность Статсъ-Секретаря Графъ Аракчеевъ, управлявшій тогда Собственною Канцеляріею, началъ открыто вторгаться въ область дѣлъ, производившихся въ Коммисіи Прошеній. Ея журналы все болѣе и болѣе стали пестрѣть именемъ Аракчеева, сообщавшаго Высочайшія повелѣнія, испрошенныя имъ по поводу всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, уже разсматривавшихся Коммисіею. Во всемъ этомъ, повидимому, имъ руководили не столько дѣловыя соображенія, сколько стремленіе какъ можно шире распространить предѣлы своего личнаго вліянія на дѣла Государства. Справедливость такого предположенія подтверждаетъ и Статсъ-Секретарь Его Императорскаго Величества Марченко, писавшій, что „съ начала 1816 г. Аракчеевъ сталъ все помаленьку прибирать къ

рукамъ. Дѣла Совѣта (Государственнаго) рѣшительно къ нему поступали; по Комитету Министровъ началъ также докладывать онъ, а Министрамъ было назначено столько предметовъ, по коимъ входить съ представленіемъ въ Комитетъ, что инымъ ничего не оставалось къ личному докладу Государю". Его властолюбіе доходило иногда до того, что онъ даже не дѣлалъ различія между вопросами важными и не стоющими никакого вниманія: бывали случаи, когда онъ объявлялъ Коммисіи Монаршую волю по такимъ вздорнымъ дѣламъ, какъ тяжба о куриць, перешедшей изъ курятника Надворнаго Совѣтника Журавскаго во дворъ Маіора Потемкина. [71]

Какимъ, собственно, образомъ велась борьба между Кикинымъ и Аракчеевымъ исторія не сохранила видимыхъ слѣдовъ, хотя, зная характеръ новаго Статсъ-Секретаря, можно думать, что онъ откровенно доложилъ Государю свой взглядъ на ненормальность создавшагося положенія вещей. Послѣдствія не замедлили сказаться. Въ теченіе нѣкотораго времени количество распоряженій отъ Графа все еще росло, угрожая окончательно устранить Статсъ-Секретаря отъ личныхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, но, наконецъ, во второй половинѣ 1817 г., Аракчеевъ доставилъ Кикину на его распоряженіе цѣлую пачку поступившихъ въ Собственную Его Императорскаго Величества Канцелярію всеподданнѣйшихъ прошеній, сообщивъ при этомъ, что онъ препроводилъ ихъ „согласно преподаннымъ Его Величествомъ указаніямъ". И съ тѣхъ поръ въ журналахъ Коммисіи Прошеній нельзя болѣе обнаружить слѣдовъ вторженія всемогущаго временщика въ кругъ ея вѣдомства. И если отъ времени до времени онъ пытался еще оказывать вліяніе на исходъ какого нибудь дѣла, Коммисія твердо отстаивала свое достоинство. Такъ напримѣръ, въ 1818 г., на объявленное Аракчеевымъ Высочайшее повелѣніе о пересмотрѣ уже состоявшагося рѣшенія съ тѣмъ, чтобы новое заключеніе было сообщено ему для доклада Его Величеству, Коммисія отвѣтствовала, что она почитаетъ свое первое мнѣніе справедливымъ и проситъ объ этомъ довести до свѣдѣнія Его Величества. [72]

Съ устраненіемъ Графа Аракчеева отъ вмѣшательства въ дѣла Коммисіи Прошеній, ея дѣятельность замѣтно оживилась. Кромѣ предметовъ, подвѣдомственныхъ ей на основаніи Учрежденія 1 Января 1810 г. и установившейся при Молчановѣ практики, она, не сносясь даже съ Министромъ Финансовъ, стала разрѣшать ходатайства о пенсіяхъ, принимала просьбы о пожалованіи титуловъ, о присоединеніи фамилій, а равно и жалобы на Общее Сената Собраніе и, наконецъ, на Государственный Совѣтъ. Положеніе Статсъ-Секретаря настолько упрочилось, что нерѣдко, по собственному почину, онъ передокладывалъ дѣла, уже рѣшенныя Коммисіею, а Министры передавали ему прошенія, подлежавшія, собственно, разсмотрѣнію во ввѣренныхъ имъ вѣдомствахъ. Пользуясь своею близостью къ источнику Монаршаго Милосердія, Кикинъ, сыгравшій видную роль въ развитіи русской живописи учрежденіемъ Общества Поощренія Художествъ, всегда оказывалъ поддержку представителямъ родного искусства во всѣхъ его отрасляхъ: братья Брюлловы, Венеціановъ—создатель русской бытовой школы живописи—при его содѣйствіи неоднократно получали крупную денежную помощь, а „Первому Русскому Актеру“ Дмитревскому, по докладу Кикина, была выдана, по выраженію того времени, „знатная сумма денегъ“ въ размѣрѣ 6.000 р.

Свойственное Кикину чувство справедливости широко проявлялось въ теченіе всей его дѣятельности. Яркимъ доказательствомъ этого можетъ служить дѣло чиновника Станевича, извѣстное не только въ лѣтописяхъ Коммисіи Прошеній, но и въ общественной хроникѣ того времени. Станевичъ написалъ и издалъ книгу философско-религіознаго содержанія; цензура ее одобрила и все обстояло благополучно, какъ вдругъ послѣдовало распоряженіе объ изъятіи ея изъ обращенія и о ссылкѣ автора въ мѣста не столь отдаленныя. Дѣло вскорѣ объяснилось. Оказалось, что сочиненіе заключало въ себѣ критику властвовавшаго тогда надъ умами мистицизма, а такъ какъ оно было выпущено въ свѣтъ подъ покровительствомъ Кикина, то врагамъ его, которыхъ было не мало, представился

отличный случай, погубивъ автора книги, для нихъ, въ сущности, совершенно безразличнаго, этимъ нанести ударъ самому Кикину и уронить его въ мнѣніи Государя. Интрига была расчитана искусно, но надежды, на нее возложенныя, не оправдались—Кикинъ остался у власти и довѣріе къ нему Императора не пошатнулось. Но онъ не забылъ пострадавшаго изъ за него человѣка. Только по прошествіи шести лѣтъ представилась, наконецъ, возможность повергнуть на благовоззрѣніе Государя участь невинно претерпѣвшаго, и Кикинъ тотчасъ же вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о пересмотрѣ книги Станевича. Цензура ея была поручена новому Министру Народнаго Просвѣщенія Шишкову и Петербургскому Митрополиту, которые признали сочиненіе вполнѣ благонамѣреннымъ и даже полезнымъ. Тогда Кикинъ испросилъ повелѣніе о возвратѣ Станевича изъ ссылки, о выдачѣ ему на проѣздъ 2.000 р. и содержанія по прежней должности за всѣ 6 лѣтъ; сверхъ того было приказано опредѣлить его на службу по Министерству Народнаго Просвѣщенія „съ хорошимъ жалованіемъ“, а книгу его напечатать вновь на Кабинетскія суммы.

Неудачно закончившійся походъ не охладилъ энергіи враговъ. Начатая война продолжалась съ тою лишь разницею, что теперь она была объявлена уже самой Коммисіи Прошеній.

Эта послѣдняя, среди прочихъ дѣлъ, разсматривала и жалобы на Святѣйшій Синодъ, такъ какъ его рѣшенія не принадлежали къ числу утверждавшихся Высочайшею Властью, а слѣдовательно, и не были изъяты изъ ея вѣдѣнія.[73] Между тѣмъ, 10 Января 1819 г. Синодальный Оберъ-Прокуроръ Князь Голицынъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на предоставленіе ему, а не Статсъ-Секретарю у принятія прошеній, всеподданнѣйшаго доклада по дѣламъ этого рода.

Но Кикинъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые легко сдаются, особенно если они опираются на ясно выраженный законъ. По прошествіи нѣкотораго времени ему удалось убѣдить Государя, что домогательства Оберъ-Прокурора шли въ разрѣзъ съ Учрежденіемъ Коммисіи Прошеній, и Его

Величество соизволилъ возвратить Статсъ-Секретарю право доклада по жалобамъ на Святѣйшій Синодъ.[74]

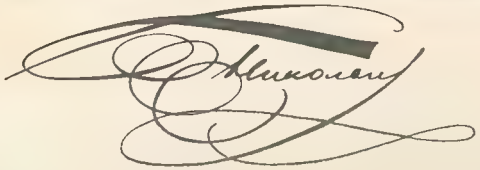
Такимъ образомъ, и въ этомъ направленіи борьба съ Кикинымъ оказалась безплодною и на время пришлось ее прекратить.

Послѣдніе годы царствованія Императора Александра I не внесли ничего новаго въ жизнь Коммисіи Прошеній, если не считать ухода въ 1819 г. ея Предсѣдателя Князя Лобанова-Ростовскаго, замѣненнаго бывшимъ Намѣстникомъ Царства Польскаго, Членомъ Государственнаго Совѣта, Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ Василіемъ Сергѣевичемъ Ланскимъ,[75] который, между прочимъ, одновременно съ предсѣдательствомъ въ Коммисіи, управлялъ, съ 1823 по 1828 г., Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Вообще, двадцатые годы девятнадцатаго столѣтія принесли много разочарованій. Потускнѣли идеалы, которые такъ ярко свѣтили въ началѣ царствованія. Самъ Императоръ, утомленный жизнью, испытывалъ, по словамъ Меттерниха, „un incurable dégoût de la vie". Это состояніе имѣло главною причиною сознаніе неудачъ во внутреннемъ управленіи, ибо чрезъ ту же Коммисію Прошеній до Него доходили голоса недовольства и Онъ видѣлъ грубыя злоупотребленія людей, которымъ довѣрялъ. „Что сдѣлалъ Государственный Совѣтъ и Министры достойнаго благодарности народной и памяти потомства?" — спрашиваетъ одинъ современникъ. — „Дворянство вспомоществовало ли Трону въ намѣреніяхъ ко благу общему? Въ годину испытанія, т. е. въ 1812 г., не покрыло ли оно себя всѣми красками чудовищнѣйшей коры честолюбія и безчеловѣчія, расхищая все, что расхищать можно было, даже одежду, даже пищу, и ратниковъ, и плѣнныхъ. А между тѣмъ, Самъ Императоръ въ 23 года своего царствованія не прибавилъ

ни одного раба, а нѣсколько тысячъ выкупилъ; и извѣстно нѣсколько словъ Его, сюда относящихся, изъ которыхъ достовѣрно, что всякій подвигъ дворянства въ семъ отношеніи былъ бы у Трона принятъ съ благоговѣніемъ". [76]

Такова была обстановка, при которой Коммисія Прошеній вступила въ новый періодъ своего существованія — въ царствованіе Императора Николая Павловича, закончивъ свое служеніе прежнему Государю послѣднимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ Статсъ-Секретаря, состоявшимся 23 Августа 1825 г.



ГЛАВА V.

Вскорѣ послѣ вступленія на Престолъ Императора Николая I двумъ виднымъ представителямъ партіи, стоявшей тогда у власти и ненавидѣвшей Кикина, — Дибичу и Нессельроде, — посчастливилось заручиться доносомъ на одного изъ служившихъ у него чиновниковъ; собравъ при помощи Бенкендорфа доказательства обвиненія и „скрывъ собственныя страсти подъ личиною общественной пользы“, — какъ выразился однажды Графъ Сперанскій, — они представили этотъ матеріалъ Его Величеству.[77] Государь, относившійся всегда съ негодованіемъ ко всякому нарушенію служебнаго долга, при первомъ же свиданіи выразилъ ничего не подозрѣвавшему Кикину рѣзкое порицаніе за слабое наблюденіе надъ подчиненными. „Несомнѣнно, — говоритъ Сенаторъ Дивовъ въ своемъ дневникѣ, — что съ этихъ поръ Императоръ болѣе не работалъ съ Кикинымъ“.

Тѣмъ не менѣе Кикинъ оставался у власти и, быть можетъ, съ теченіемъ времени вернулъ бы себѣ довѣріе Государя, если бы присущая ему рѣзкость не сдѣлала окончательно неудобнымъ дальнѣйшее пребываніе его въ должности Статсъ-Секретаря.

Дѣло въ томъ, что въ Октябрѣ или Ноябрѣ 1826 г. нѣкая губернская секретарша Гулевичева подала Лично Императору всеподданнѣйшую жалобу на Коммисію Прошеній и, въ особенности, на ея Статсъ-Секретаря, въ которой, между прочимъ, писала: „къ особому нещастію моему поданная въ Мартѣ жалоба поступила въ Коммисію Прошеній, которая, или ближаѣ сказать, дериже р ъ оной, Статсъ-Секретарь Кикинъ, по особой своей ко мнѣ немилости уже неоднократно на подобныя сей просьбы объявлялъ съ безъ-жалостію отказъ“.

Государь, чрезъ посредство Князя А. Н. Голицына, передалъ жалобу Кикину, приказавъ представить ее въ Комитетъ Министровъ съ объясненіемъ.

Кикинъ понялъ это Высочайшее повелѣніе какъ знакъ Монаршаго недовѣрія и тотчасъ же вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ неопровержимо доказалъ,

что жалоба Гулевичевой неправая и что сама просительница принадлежитъ къ разряду праздныхъ особъ, сдѣлавшихъ себѣ изъ яѳеды препровожденіе времени. Докладъ, составленный вообще въ смѣлыхъ выраженіяхъ, онъ заключилъ словами, звучавшими нескрываемою горечью уязвленнаго самолюбія:

„Если бы, какъ слѣдовало, взята была предварительно надлежащая справка по сему дѣлу, то вѣроятно, что и прошеніе не было бы уважено".

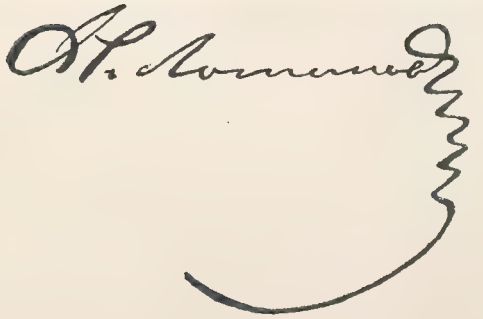
По свидѣтельству исторіи, Императоръ охотно принималъ совѣты только тогда, когда ихъ спрашивалъ. Но, въ великодушномъ порывѣ смягчить обиду, напрасно причиненную Кикину, Онъ начерталъ на докладѣ Своею рукою: „Подобное дѣло не можетъ имѣть другого конца, какъ собственную гибель просительницы; а потому для примѣру подобныхъ равно дерзкихъ Я допустилъ перенести въ Комитетъ Министровъ для заключенія".

Тѣмъ не менѣе, Кикинъ подалъ въ отставку и 26 Ноября 1826 г., по болѣзни, былъ уволенъ отъ службы.

Но, разставаясь съ человѣкомъ, который „посѣдѣлъ въ трудахъ и правилахъ чести", Государь наградилъ его въ день Своего Тезоименитства орденомъ Св. Александра Невскаго, чему „всѣ были удивлены и отнесли это къ Милости Императора лично къ Кикину". [78]

Тѣмъ же указомъ, которымъ увольнялся Кикинъ, на его мѣсто былъ назначенъ состоявшій для письменныхъ дѣлъ при покойной Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ Почетный Членъ Императорскаго Харьковскаго Университета и С.-Петербургскаго Общества Любителей Россійской Словесности, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Михаиловичъ Лонгиновъ.

Изъ духовнаго званія, съ цензомъ только Харьковскаго Коллегіума, онъ попалъ въ 1798 г. въ нашу посольскую церковь въ Лондонѣ. Вскорѣ, благодаря природнымъ дарованіямъ, онъ былъ переведенъ въ Канцелярію Посольства и по прошествіи немногихъ лѣтъ уже удостоился отвѣтственнаго порученія въ Парижъ къ Русскому Послу Убри. Солидныя связи

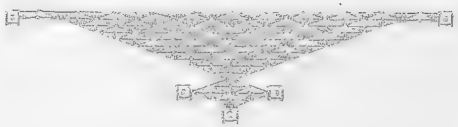


его въ кругу духовенства, которое тогда было въ силѣ, внезапно измѣнили его карьеру, и въ 1812 г. онъ получилъ назначеніе состоять для письменныхъ дѣлъ при Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ; позднѣе онъ завѣдывалъ суммами Ея Величества, постоянно сопровождалъ Ее въ путешествіяхъ и былъ свидѣтелемъ Ея кончины.

Императрица Александра Ѳеодоровна назначила Лонгинова докладчикомъ у Себя по дѣламъ благотворительныхъ и учебныхъ заведеній; эту должность онъ совмѣщалъ затѣмъ съ званіемъ Статсъ-Секретаря у принятія прошеній, которымъ состоялъ четырнадцать лѣтъ, по 6 Ноября 1840 г., и скончался 13 лѣтъ спустя, будучи Управляющимъ благотворительными заведеніями Государыни Императрицы и докладчикомъ у Ея Величества по дѣламъ Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

Преемникъ Кикина принадлежалъ къ числу властныхъ натуръ. Такимъ рисуетъ его сохранившійся портретъ, съ котораго глядитъ безстрастное лицо, съ плотно сжатыми губами и рѣзко очерченнымъ подбородкомъ, такимъ обнаружилъ онъ себя съ самаго начала и на дѣлѣ по поводу столкновенія съ однимъ изъ Членовъ Коммисіи Прошеній. Вступивъ въ должность, Лонгиновъ засталъ чрезвычайное накопленіе дѣлъ; чтобы ввести работу въ нормальное русло, онъ тотчасъ же призналъ необходимымъ умножить число засѣданій Коммисіи Прошеній, продливъ ихъ, если понадобится, даже въ теченіе наступавшаго Рождества. Но старѣйшій изъ Членовъ Коммисіи Сенаторъ Соколовъ запротестовалъ и наотрѣзъ отказался въ этомъ ему содѣйствовать, говоря, что въ Сенатѣ на праздникахъ не бываетъ присутствія, а потому онъ, какъ Сенаторъ, считаетъ себя въ правѣ быть свободнымъ въ теченіе Рождественскихъ каникулъ и отъ занятій въ Коммисіи Прошеній. Лонгиновъ не сталъ вступать въ безплодныя объясненія, но при первомъ же всеподданнѣйшемъ докладѣ довелъ о происшедшемъ до Высочайшаго свѣдѣнія—и Государь, рескриптомъ отъ 21 Декабря 1829 г. на имя Предсѣдателя Коммисіи Прошеній, повелѣлъ засѣдать всѣ праздничные дни, кромѣ перваго дня Рождества, Новаго Года и Богоявленія. [79]

Такимъ образомъ взаимныя отношенія Коммисіи и ея новаго Статсъ-Секретаря сразу вылились въ совершенно опредѣленную форму: всякій споръ съ нимъ являлся безцѣльнымъ, а противодѣйствіе безполезнымъ.



ГЛАВА VI.

Время Лонгинова въ жизни Коммисіи Прошеній является эпохою кипучей созидательной работы. Благодаря ей была, наконецъ, учреждена Канцелярія Статсъ-Секретаря, а затѣмъ и сама Коммисія Прошеній стряхнула съ себя зависимость отъ Государственнаго Совѣта и заняла подобающее ей мѣсто въ средѣ высшихъ Государственныхъ Установленій.

Канцелярія Статсъ-Секретаря фактически существовала уже съ момента возникновенія Коммисіи Прошеній, ибо въ архивѣ этой послѣдней имѣются свѣдѣнія, что при Молчановѣ и Кикинѣ состоялъ для письмоводства извѣстный комплектъ чиновниковъ, на содержаніе которыхъ отпускалась изъ Кабинета Его Величества нѣкоторая сумма, не превышавшая въ началѣ 4.000 р. на ассигнаціи въ годъ. Но Манифестъ 1 Января 1810 г. и позднѣйшія узаконенія забыли ее и не обмолвились ни единымъ словомъ, чтобы дать ей оффиціальное бытіе. А между тѣмъ, послѣдовательно развивавшаяся дѣятельность новаго органа Монаршаго Милосердія неизбѣжно увеличивала и усложняла канцелярскую работу. Къ концу службы Кикина бывшая при немъ Канцелярія имѣла уже болѣе или менѣе правильное внутреннее устройство, заключала въ себѣ 34 человѣка и обходилась Правительству въ 21.500 р. ежегодно. Такимъ образомъ, не доставало только прикосновенія руки законодателя, чтобы ввести ее въ кругъ подобныхъ ей правительственныхъ Установленій.

Выполненіе этой задачи принялъ на себя Статсъ-Секретарь Лонгиновъ.

Въ началѣ 1828 г. онъ представилъ Государю всеподданнѣйшій докладъ объ образованіи Канцеляріи и объ утвержденіи ея штатовъ согласно проекту, приложенному къ докладу.

Сдѣлавъ краткій очеркъ ея неоффиціальнаго существованія за минувшія 17 лѣтъ, онъ вошелъ затѣмъ въ оцѣнку ея дѣятельности.

„Труды Канцеляріи должно назвать огромными, — писалъ онъ,—какъ потому, что дѣла вступаютъ ко мнѣ въ видѣ, не

имѣющемъ даже первоначальной степени образованія, которое, можно сказать, изобрѣтать надобно въ многосложныхъ бумагахъ, такъ и потому, что если не производство, то порядокъ онаго есть почти одинъ и тотъ же для дѣлъ важныхъ и такихъ, кои едва вниманія заслуживаютъ. Не ожидаю, однако, впослѣдствіи значительнаго уменьшенія приносимыхъ Вашему Величеству просьбъ по той причинѣ, что въ продолженіе времени и съ раздробленіемъ притязаній на многія отрасли, размноженіе оныхъ, сдѣлавшееся уже непомѣрнымъ, далѣе и еще будетъ прибавляться". Говоря затѣмъ, что „занятія чиновъ Канцеляріи были и всегда будутъ неусыпными", Лонгиновъ указалъ, что съ образованіемъ Канцеляріи утвердится и отвѣтственность служащихъ, столь необходимая, ибо „оная относится до дѣлъ прямо отъ Вашего Императорскаго Величества ввѣряемыхъ Статсъ-Секретарю и Коммисіи Прошеній".

На этомъ докладѣ, 20 Февраля 1828 г., Государь изволилъ написать:

„Я разрѣшаю вамъ ввести предполагаемый распорядокъ въ Канцеляріи. Перемѣну штата надобно отложить до общей передѣлки оныхъ по всѣмъ вѣдомствамъ".

Но вслѣдъ затѣмъ, 18 Марта того же года, Его Величество разрѣшилъ немедленно привести въ исполненіе образованіе Канцеляріи, не дожидаясь наступленія поставленнаго выше условія.

Вновь учрежденная Канцелярія [80] дѣлилась на 5 экспедицій, изъ которыхъ 3 завѣдывали всеподданнѣйшими жалобами, а 2—прошеніями. Въ ней было 23 штатныхъ чиновника и 14 вольнонаемныхъ писцовъ; во главѣ ихъ находился Правитель Канцеляріи, которому былъ ввѣренъ личный составъ и наблюденіе за всѣмъ дѣлопроизводствомъ. Первоначально эта должность не была положена ни въ какомъ классѣ и лишь 5 Мая 1839 г., по всеподданнѣйшему докладу Статсъ-Секретаря, ей былъ присвоенъ IV классъ. Правитель Канцеляріи имѣлъ двухъ Помощниковъ, старшаго и младшаго, затѣмъ шли Производители дѣлъ, въ числѣ 5 человѣкъ, ихъ Помощники, 5 старшихъ и 5 младшихъ, Архиваріусъ, онъ же и Казначей, его Помощ-

никъ, Регистраторъ для входящихъ бумагъ и Журналистъ съ Помощникомъ для исходящихъ.

Должность Производителей дѣлъ была положена въ 5 классѣ въ томъ уваженіи, что въ Коммисіи Прошеній разсматривались жалобы на Правительствующій Сенатъ, гдѣ Оберъ-Секретарямъ присвоенъ VI классъ. Но зато и отвѣтственность ихъ была серьезнѣе, ибо всякая неточность или упущеніе въ докладахъ и запискахъ, составлявшихся ими для Коммисіи, доводились до Высочайшаго свѣдѣнія.

Первымъ Правителемъ Канцеляріи, со дня ея основанія и по 9 Октября 1832 г., состоялъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Петровичъ Ивановъ. Затѣмъ слѣдовалъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Сергѣевичъ Беклешевъ — по 1 Мая 1837 г. Съ этого времени и по 29 Января 1839 г. должность была вакантною и исправлялъ ее старшій изъ Производителей дѣлъ. Въ 1839 г., 20 Января, былъ назначенъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ (впослѣдствіи Министръ Народнаго Просвѣщенія), остававшійся по 29 Декабря 1840 г. Первымъ Директоромъ Канцеляріи, — послѣ того, какъ въ 1841 г. должность Правителя Канцеляріи получила это названіе,[81] — состоялъ Тайный Совѣтникъ Евгеній Карловичъ Рашетъ, по поводу котораго архивъ Коммисіи Прошеній хранитъ не лишенное интереса воспоминаніе.

Незадолго до начала Крымской кампаніи Евгеній Карловичъ находился для леченія въ одномъ изъ заграничныхъ курортовъ. Въ то время общественное мнѣніе Европы было сильно настроено противъ Россіи. Поэтому, когда однажды за общимъ обѣденнымъ столомъ, за которымъ сидѣлъ и Рашетъ, зашла рѣчь о назрѣвавшихъ событіяхъ, одинъ изъ присутствовавшихъ нѣмцевъ отозвался о Русскомъ Императорѣ въ недостойныхъ выраженіяхъ. Рашетъ всталъ, попросилъ слова и, назвавъ себя, потребовалъ отъ говорившаго удовлетворенія.

Поединокъ, однако, не состоялся, ибо противникъ Рашета поспѣшилъ принести свои извиненія.

6 Іюня 1859 г., лично для Рашета, за его заслуги по Канцеляріи, была учреждена должность Товарища Статсъ-Секретаря, причемъ одновременно онъ продолжалъ оставаться Директоромъ Канцеляріи и умеръ на службѣ 24 Февраля 1863 г.

Какъ сказано было выше, штатъ чиновниковъ, состоявшихъ при Статсъ-Секретарѣ для дѣлопроизводства, первоначально содержался на счетъ суммъ Кабинета Его Императорскаго Величества. Когда же Канцелярія Статсъ-Секретаря получила, въ 1828 г., свое бытіе, какъ оффиціальное Установленіе, смѣта ея стала входить въ государственную роспись и опредѣлилась съ перваго же года (считая здѣсь и жалованье Статсъ-Секретаря—10.000 р.), 39.350 р. на ассигнаціи. Цифра эта начала быстро возрастать. Въ началѣ 1835 г. она равнялась 62.450 р., въ концѣ того же года—97.500 р., не считая особой суммы на наемъ помѣщенія, и, наконецъ, въ 1839 г. достигла 127.000 р. ассигнаціями.

Учрежденіе Канцеляріи подверглось нѣкоторому измѣненію въ 1841 г., [82] когда понадобилось согласовать его съ состоявшимся передъ этимъ преобразованіемъ самой Коммисіи Прошеній. [83]

Строго говоря, существенныхъ перемѣнъ новое Положеніе о Канцеляріи въ эту послѣднюю не внесло. Произошла лишь нѣкоторая перетасовка дѣлъ изъ одной экспедиціи въ другую, Правитель Канцеляріи былъ переименованъ въ Директора, ему прибавленъ еще третій, младшій, Помощникъ, введено правило, по которому Производители дѣлъ опредѣлялись и увольнялись Высочайшими указами, а самой Канцеляріи присваивались права Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Послѣднею мѣрою, завершившею устройство Канцеляріи, было утвержденіе 22 Апрѣля 1849 г. Положенія о пенсіонномъ капиталѣ ея чиновниковъ. Основаніемъ его служили 2% вычеты изъ получаемаго этими лицами содержанія, добровольныя приношенія и остатки отъ канцелярскихъ суммъ. Пенсіи были установлены за 35 лѣтъ общей службы при условіи пребыванія 10-ти изъ нихъ въ Канцеляріи. Какъ видно изъ позд-

Рашетъ

нѣйшихъ отчетовъ Статсъ-Секретарей у принятія прошеній, благому почину Канцеляріи въ этомъ отношеніи послѣдовали затѣмъ и нѣкоторыя другія Установленія,—напримѣръ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, Министерство Почтъ и т. д., также учредившія у себя пенсіонныя кассы.

Съ образованіемъ Канцеляріи обострился вопросъ о помѣщеніи ея, ставшій затѣмъ, на многіе годы, ея больнымъ мѣстомъ. Еще ранѣе, какъ видно изъ случайно сохранившейся переписки Кикина съ Графомъ Нессельроде, состоявшіе при первомъ изъ нихъ чиновники, въ 1816 г., лишились прежняго своего помѣщенія и Кикинъ просилъ для нихъ у Графа хотя бы временнаго пріюта. Изъ милости они были приняты въ канцлерскій домъ на Мойкѣ, гдѣ имъ отвели всего двѣ комнаты. Дальнѣйшая судьба ихъ переселеній до 1834 г. неизвѣстна. Въ этомъ году Лонгиновъ вновь искалъ крова для Канцеляріи въ домахъ Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ и Просвѣщенія, но безуспѣшно, что навело его на мысль о покупкѣ собственнаго дома за счетъ Заемнаго Банка. Государь Императоръ отнесся къ этому проекту съ большимъ сочувствіемъ, но Министръ Финансовъ Графъ Канкринъ безусловно его отвергъ, выразивъ, взамѣнъ, свое согласіе на увеличеніе 4.000 р., отпускавшихся на наемъ помѣщенія, до 10.000 р. въ годъ. Это дало возможность Канцеляріи вскорѣ устроиться въ домѣ Графа Ламздорфа.[84] Хотя квартира и заключала въ себѣ 16 комнатъ, однако, она была очень неудобна и, по словамъ Экзекутора, даже неприлична, такъ какъ въ пріемную для просителей можно было попасть только съ задняго хода, а подъ самою Канцеляріею помѣщалась прачешная. По прошествіи 8 лѣтъ состоялось переселеніе на Дворцовую набережную въ д. № 11, гдѣ, за 3.000 р. серебромъ, Канцелярія занимала 3 этажа и надворный флигель. Въ 1851 г. она переѣхала на Милліонную улицу въ д. № 2/5 и здѣсь, за ту же сумму, получила весь бель-этажъ, 3 квартиры въ III-мъ этажѣ и еще 12 комнатъ въ разныхъ этажахъ. Это помѣщеніе оказалось, однако, еще менѣе приличнымъ, чѣмъ въ домѣ Графа Ламздорфа. Въ нижнемъ этажѣ, который сдавался подъ магазины,

находилась колбасная лавка, изъ которой исходило зловоніе. Напрасно Канцелярія просила полицію оказать содѣйствіе къ выселенію или закрытію этого заведенія. Для ея успокоенія былъ наряженъ санитарный осмотръ и протоколъ его препровожденъ затѣмъ въ Канцелярію. Этотъ любопытный документъ не отрицалъ присутствія запаха, но, войдя въ оцѣнку его качества, отнесся къ нему весьма снисходительно и выразилъ рѣшительное мнѣніе, что „такой запахъ бываетъ вездѣ, гдѣ хранятъ и приготовляютъ съѣстные припасы".

Въ силу обязательства, Канцелярія принуждена была пробыть въ этомъ домѣ 9 лѣтъ.

ГЛАВА VII.

Учрежденіе Канцеляріи Статсъ-Секретаря было ступенью въ дальнѣйшей преобразовательной работѣ, направленной къ пересмотру Положенія о самой Коммисіи Прошеній.

Для болѣе полнаго освѣщенія этого событія необходимо вернуться нѣсколько назадъ.

Послѣ смерти Императора Александра I осталось много неразобранныхъ бумагъ, заключавшихъ въ себѣ рукописные проекты неосуществленныхъ преобразованій, замѣтки и мысли, вышедшіе изъ подъ пера видныхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей минувшей эпохи. При умѣломъ выборѣ они, конечно, могли дать полезныя указанія для приведенія въ порядокъ дѣла управленія Имперіею, унаслѣдованнаго Преемникомъ почившаго Государя въ хаотическомъ состояніи. Съ этою цѣлью 6 Декабря 1826 г. Императоръ Николай Павловичъ учредилъ Особый Секретный Комитетъ изъ самыхъ выдающихся сановниковъ минувшаго царствованія—Васильчикова, Сперанскаго, Блудова, Графовъ Кочубея и Толстого и Князя А. Н. Голицына, которому и повелѣлъ разобрать весь этотъ письменный матеріалъ и представить затѣмъ общія соображенія „о государственномъ устройствѣ и управленіи“.

Однимъ изъ первыхъ предметовъ, на который Комитетъ обратилъ „особое вниманіе“,[85] былъ вопросъ о преобразованіи Коммисіи Прошеній. Признавъ „отмѣнно важною“ ея роль въ государственномъ отношеніи, Комитетъ приступилъ къ изысканію мѣръ, необходимыхъ для болѣе широкаго и плодотворнаго развитія ея дальнѣйшей дѣятельности. Прежде всего онъ остановился на мысли о томъ, что хотя по закону Коммисія Прошеній и почитается принадлежностью Государственнаго Совѣта, однако, въ дѣйствительности, она не имѣетъ съ нимъ рѣшительно никакого сношенія. Поэтому было предположено сообщить ей полную самостоятельность, обративъ ее въ мѣсто, подчиненное непосредственно Его Императорскому Величеству.

Затѣмъ Комитетъ нашелъ, что какимъ бы усовершенствованіямъ въ будущемъ ни подвергался Правительствующій

Сенатъ, жалобы на него въ Коммисію Прошеній должны быть допускаемы и впредь, ибо онѣ „не могутъ быть отвергаемы Государемъ Императоромъ, въ Коемъ народъ привыкъ видѣть Верховнаго Судію и послѣднее свое прибѣжище отъ неправды и притѣсненія“. Болѣе того, Комитетъ полагалъ, что когда Министры или Главноначальствующіе также будутъ недовольны рѣшеніями Сената, то и для этихъ лицъ Коммисія Прошеній должна представлять собою высшую инстанцію, въ которую они могутъ обжаловать подобныя рѣшенія.

Въ соотвѣтствіе съ предначертаніями столь высокими, Членовъ Коммисіи слѣдовало избирать, по мнѣнію Комитета, изъ важныхъ государственныхъ сановниковъ, удостоенныхъ Личной довѣренности Монарха, ибо, какъ гласилъ Высочайше одобренный журналъ засѣданія 9 Декабря 1828 г., „успѣшное теченіе дѣлъ и особливое достиженіе важной цѣли установленія Коммисіи Прошеній еще будетъ главнѣйше зависѣть отъ выбора долженствующихъ войти въ составъ оной чиновниковъ“.

Но, въ то время, какъ съ одной стороны развивались взгляды на „отмѣнную важность“ Учрежденія по принятію прошеній, съ другой ему готовился ударъ, исходившій на этотъ разъ отъ Комитета Министровъ.

Однажды Коммисія Прошеній, опираясь на § 101 Манифеста 1 Января 1810 г., на основаніи котораго она, въ случаяхъ жалобъ на Министровъ, „собираетъ отъ нихъ нужныя объясненія и полагаетъ заключеніе о мѣрахъ исправленія“, затребовала отъ Министра Юстиціи справку по поводу поступившей на него всеподданнѣйшей жалобы. Министръ сообщилъ краткія свѣдѣнія, не исчерпывавшія дѣла. Тогда Статсъ-Секретарь Лонгиновъ попросилъ доставить дополнительныя данныя. Вмѣсто отвѣта Министръ внесъ это требованіе, со своимъ протестомъ, въ Комитетъ Министровъ, который нашелъ, что подобнаго рода запросы со стороны Коммисіи Прошеній „несовмѣстны съ тою степенью Высочайшей довѣренности, которою, по званію своему, каждый Министръ пользуется“, и выразилъ мнѣніе, что по закону Коммисія имѣетъ право требовать лишь

обыкновенныя справки, а не подробныя объясненія. Это мнѣніе было утверждено Государемъ и сообщено Коммисіи Прошеній къ руководству на будущее время.

Тогда Коммисія съ своей стороны вошла со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ доказывала, что „довѣріе къ Министрамъ не можетъ служить поводомъ отвергать на нихъ жалобы и закрывать этимъ доступъ къ высшей справедливости, отъ Монарха исходящей. Напротивъ того, ей, Коммисіи, вмѣнено въ обязанность такія жалобы принимать. За 22 года существованія (дѣло было въ 1832 г.) она впервые получаетъ отказъ отъ Министра въ свѣдѣніяхъ. Руководимая единымъ побужденіемъ соотвѣтствовать правосуднымъ и благотворнымъ намѣреніямъ Государя, дозволяющаго всѣмъ и каждому свободный доступъ къ Престолу, и основываясь на неопредѣленности границъ, поставляемыхъ нынѣ Комитетомъ, она не можетъ согласиться съ его толкованіемъ присвоеннаго ей права, составляющаго въ то же время и ея обязанность". Представленіе Коммисіи было уважено и, какъ будетъ видно ниже, за нею сохранено право требовать отъ Министровъ объясненія по принесеннымъ на нихъ жалобамъ.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, Коммисія Прошеній занялась разработкою основныхъ положеній, долженствовавшихъ, въ связи съ Наказомъ, уже составленнымъ Комитетомъ 6 Декабря, быть внесенными въ Государственный Совѣтъ въ видѣ проекта новаго ея образованія. Государь Императоръ, неустанно слѣдившій за ходомъ этой работы, при послѣднемъ докладѣ Статсъ-Секретаремъ журнала Коммисіи о проектированныхъ ею преобразованіяхъ, Лично изволилъ указать слѣдующія руководящія начала для будущаго ея Учрежденія:

1) Коммисію болѣе не считать въ составѣ Государственнаго Совѣта;

2) образованіе Канцеляріи Статсъ-Секретаря 20 Февраля 1828 г. оставить въ силѣ, сообщивъ ей преимущества Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи;

3) число Членовъ Коммисіи опредѣлить, считая Предсѣдателя, въ 5 особъ;

4) подписывать журналы только присутствующимъ Членамъ;

5) о правѣ требовать свѣдѣнія вопросъ обсудить въ Государственномъ Совѣтѣ;

6) о пособіяхъ вѣдомости представлять два раза въ мѣсяцъ, причемъ не расходовать въ годъ болѣе 120.000 р.

Составленное на этихъ основаніяхъ новое Положеніе о Коммисіи Прошеній и приложенное къ нему Наставленіе Статсъ-Секретарю было распубликовано 31 Января 1835 г. [86]

Указъ, данный по этому случаю Правительствующему Сенату 18 того же Января, гласилъ такъ:

„Признавъ нужнымъ состоявшіяся въ разныя времена правила о дѣйствіи Коммисіи Прошеній привести въ единообразіе, повелѣли Мы, обозрѣвъ ихъ въ совокупности и дополнивъ въ чемъ нужно, по указанію опыта, составить общее Положеніе. По разсмотрѣніи и исправленіи сего Положенія въ Государственномъ Совѣтѣ, утвердивъ оное и препровождая въ Правительствующій Сенатъ вмѣстѣ съ особымъ Наставленіемъ Статсъ-Секретарю у принятія прошеній, повелѣваемъ, какъ означенное Положеніе, такъ и Наставленіе, обнародовавъ во всеобщее извѣстіе, привесть оныя въ полное дѣйствіе чрезъ шесть мѣсяцевъ со дня составленія сего Указа".

Новое Положеніе прежде всего порвало чисто формальную связь, соединявшую Коммисію Прошеній съ Государственнымъ Совѣтомъ, уничтоживъ правило, дѣлавшее обязательнымъ назначеніе ея Предсѣдателя изъ числа Членовъ Совѣта. Отнынѣ Коммисія поставлялась въ непосредственное вѣдѣніе Государя и личный составъ ея опредѣлялся по усмотрѣнію Его Императорскаго Величества.

Кругъ ея вѣдомства былъ расширенъ тѣмъ, что ей было предоставлено принимать всеподданнѣйшія жалобы не только на Департаменты Сената, но также и на Общее его Собраніе по дѣламъ малолѣтнихъ и умалишенныхъ и по ходатайствамъ объ огражденіи свободы и объ отыскиваніи дворянства.

Право требовать отъ Министровъ и Главноначальствующихъ свѣдѣнія и объясненія по жалобамъ, на нихъ приноси-

мымъ, оспоренное Комитетомъ Министровъ, сохранено за Комисіею Прошеній во всей полнотѣ, причемъ упомянутымъ должностнымъ лицамъ вмѣнено въ прямую обязанность такія требованія удовлетворять, такъ же какъ Сенату доставлять свои производства для обозрѣнія Коммисіи.

Для принесенія жалобъ были установлены сроки—годовой для жителей Имперіи и двухлѣтній для пребывающихъ за границею.

Повѣренные попрежнему не допускались къ подачѣ прошеній и жалобъ, кромѣ случаевъ, когда ходатайства возбуждались одновременно нѣсколькими лицами, сословіями или обществами, или же исходили отъ членовъ одной семьи, отыскивавшей свободу. При этомъ требовалась формальная довѣренность. При обсужденіи этого пункта въ Государственномъ Совѣтѣ Статсъ-Секретарь Лонгиновъ съ особенною горячностью возставалъ противъ участія повѣренныхъ въ дѣлахъ, возникавшихъ по всеподданнѣйшимъ ходатайствамъ. По его мнѣнію—„повѣренные, бывъ руководимы не столько пользою вѣрителей или истиною, сколько личною корыстію, безсовѣстно и безбоязненно дерзаютъ обременять Государя недѣльными просьбами, дабы питать алчность свою на счетъ тяжущихся, приводя ихъ напослѣдокъ обольстительными видами и коварными обнадеживаніями въ разореніе".

Далѣе, по Личному повелѣнію Государя, отказы объявлялись съ краткимъ объясненіемъ причинъ и, наконецъ, вводилось правило, что за повторительное неосновательное домогательство просители подвергаются выговору чрезъ мѣстное начальство, а въ третій—уголовному суду по закону о ябедникахъ.

Не прошло и шести лѣтъ со дня распубликованія новаго Положенія 1835 г., какъ Государь призналъ необходимымъ еще болѣе „расширить кругъ дѣйствія Коммисіи Прошеній" и повелѣлъ сосредоточить въ ней всѣ дѣла о помилованіи и смягченіи участи лицъ, подвергнутыхъ карѣ за уголовныя преступленія или за административные проступки.[87] Вскорѣ установился и новый порядокъ разсмотрѣнія прошеній и жалобъ, поступавшихъ на Высочайшее Имя. Основываясь на Учре-

жденіи Канцеляріи 1841 г. и сопоставивъ его съ Положеніемъ о Коммисіи Прошеній 1835 г., Статсъ-Секретарь пришелъ къ заключенію, что отнынѣ, по смыслу закона, въ Коммисію должны вноситься только всеподданнѣйшія жалобы на Сенатъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ, а изъ просьбъ тѣ, которыя требуютъ общаго обсужденія. Сославшись при этомъ на опытъ нѣсколькихъ лѣтъ, онъ находилъ, что такой порядокъ доставитъ Коммисіи возможность „съ бо́льшимъ тщаніемъ и безъ всякаго замедленія разсматривать вносимыя въ нее дѣла, а Статсъ-Секретарю, не далѣе какъ въ теченіе недѣли, заготовлять по просьбамъ записки, по нимъ резолюціи и самое исполненіе". Поэтому онъ испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе:

1) вносить въ Коммисію только жалобы на рѣшенія Департаментовъ Правительствующаго Сената, равно просьбы, которыя, по усмотрѣнію Статсъ-Секретаря, подлежатъ общему обсужденію;

2) для скорѣйшаго производства по этимъ жалобамъ предоставить Статсъ-Секретарю прямо отъ себя требовать копіи съ опредѣленій Сената или подлинныя производства и

3) затѣмъ, остальныя просьбы, сообразно ихъ содержанію, разрѣшать Статсъ-Секретарю на основаніи существующихъ узаконеній.

На приведеніе въ исполненіе изложенныхъ предположеній, 13 Марта 1843 г., послѣдовало Высочайшее соизволеніе съ тѣмъ, чтобы они были приняты „постояннымъ руководствомъ".

Протекавшая при новыхъ условіяхъ дѣятельность Коммисіи Прошеній охватила собою самыя разнообразныя проявленія жизни. Какъ видно изъ ежегодныхъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ Статсъ-Секретаря, сюда входили просьбы о сословныхъ правахъ, по имущественнымъ дѣламъ, о помилованіи и смягченіи участи, о претензіяхъ къ казнѣ, объ освобожденіи отъ рекрутской повинности, жалобы на Министровъ и Сенатъ и т. д.; словомъ, систематическія таблицы, представлявшіяся при отчетахъ, насчитывали нѣсколько десятковъ видовъ прошеній, которыя удалось обобщить въ отдѣльныя группы, въ

дѣйствительности далеко не исчерпывавшія кругъ вѣдомства обновленнаго Учрежденія.

Годовая цифра всеподданнѣйшихъ ходатайствъ достигала, въ среднемъ, 10.000, причемъ собственно прошеній было обыкновенно 90%, остальное же число относилось къ жалобамъ. Почти всѣ они разрѣшались въ Коммисіи или Статсъ-Секретаремъ и только 300—400 прошеній въ годъ передавались по принадлежности въ соотвѣтственныя вѣдомства.

Подавляющее большинство ходатайствъ (около 5.000) было о пособіяхъ, на которыя расходовалось до 120.000 р. ассигнаціями въ годъ, а съ введеніемъ кредитныхъ билетовъ—болѣе 40.000 р.; деньги эти распредѣлялись между 1.000—1.500 лицами.

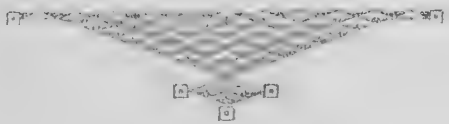
Затѣмъ слѣдовали прошенія по дѣламъ имущественнымъ (около 1.000) и жалобы на рѣшенія Департаментовъ Правительствующаго Сената (также около 1.000). Эти послѣднія, въ началѣ царствованія Императора Николая I, удовлетворялись приблизительно въ количествѣ 50%, а затѣмъ эта цифра понизилась до 10%.

Въ отношеніи сословій, къ которымъ принадлежали лица, возбуждавшія всеподданнѣйшія ходатайства, бо́льшая часть прошеній и жалобъ (около половины) исходила отъ чиновниковъ, гражданскихъ и военныхъ, и отъ дворянъ, крестьянскихъ же насчитывалось всего два—три десятка. Это и понятно, если вспомнить, что во времена крѣпостной зависимости помѣщикъ замѣнялъ сельскому обывателю Бога на небѣ и Царя на землѣ и что къ Монаршему Милосердію крестьянинъ имѣлъ право прибѣгать только тогда, когда отыскивалъ свободу или просилъ защиты отъ жестокаго обращенія.

Засѣданія происходили не менѣе двухъ разъ въ недѣлю,[88] причемъ въ теченіе года изготовлялось около 800 журналовъ и меморій, всеподданнѣйшихъ же докладныхъ записокъ повергалось на Высочайшее благовоззрѣніе около 600. Дѣлопроизводство было поставлено образцово и ходатайства разрѣшались безъ проволочки, такъ что къ концу года неоконченныхъ дѣлъ оставалось обыкновенно не болѣе 3%, причемъ половина

этого числа оправдывалась неполученіемъ отвѣтовъ на посланные въ другія вѣдомства запросы.

Входящихъ и исходящихъ бумагъ было около 12.000 въ годъ.



ГЛАВА VIII.

Въ то время, какъ въ Учрежденіи Коммисіи Прошеній происходили описанныя перемѣны, ея предсѣдательское кресло дважды освобождалось и замѣщалось новыми лицами.

Престарѣлый Ланской въ 1828 г. удалился отъ дѣлъ. 24 Апрѣля того же года его замѣстилъ ближайшій сотрудникъ Сперанскаго по Государственной Канцеляріи, Сенаторъ, Членъ Государственнаго Совѣта, Тайный Совѣтникъ Федоръ Ивановичъ Ѣнгель (Энгель).

По словамъ его біографа,[89] онъ былъ человѣкъ „ума необыкновеннаго“. Не переставая работать всю жизнь, Ѣнгель пріобрѣлъ обширныя и многостороннія свѣдѣнія, давшія ему, въ глазахъ современниковъ, имя одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей эпохи. Въ особенности первая его мысль, первый взглядъ на вещи всегда были свѣтлы, правдивы и практичны.

По тогдашнему обычаю, онъ былъ записанъ съ дѣтства[90] въ Семеновскій полкъ. Получивъ затѣмъ образованіе въ университетѣ, онъ продолжалъ военную службу до 1796 г., когда перешелъ въ гражданскую. Удостоившись личнаго доклада по дѣламъ Иностранной Коллегіи у Императора Павла, онъ началъ быстро выдвигаться, такъ какъ сумѣлъ завоевать себѣ расположеніе Его Величества. Объ этихъ докладахъ онъ разсказываетъ любопытныя подробности.

„Иностранною Коллегіею управлялъ тогда Графъ Ростопчинъ. Разъ, будучи нездоровъ, послалъ онъ, вмѣсто себя, къ Государю съ дѣлами меня. Въ назначенное время отворяется дверь кабинета Государя; Кутайсовъ, протягивая руку, говоритъ:

„Федоръ Ивановичъ, пожалуйте“.

Я, думая, что онъ требуетъ дѣла, подалъ ему портфель, но Кутайсовъ беретъ меня за руку и вводитъ въ кабинетъ, и вотъ, я лицомъ къ лицу съ грознымъ Царемъ, Который мнѣ говоритъ:

„Насилу то, сударь; Я вижу, что не бездѣлица за Вами волочиться“ (къ чему это относилось, не знаю). „Ну, начнемте, докладывайте!“.

Озабоченный и сконфуженный такою неожиданностью, я растерялся, едва могъ перевести духъ. Видя это, Государь говоритъ: „Не торопитесь, Я вижу, Вы устали, отдохните, вѣдь вы Мнѣ не на одинъ день нужны".

На этотъ разъ все сошло благополучно. Но обыкновенно ѣхать къ докладу было то же, что идти на сраженіе: не знаешь, чѣмъ оно для тебя кончится! Докладчики пріѣзжали обыкновенно за четверть часа до назначеннаго времени; это, говорили, на лихорадку".

„У Императора Павла I на концѣ косы былъ волосокъ, который въ спокойномъ состояніи Его духа держался прямо, а когда Государь начиналъ гнѣваться, то закручивался. Въ такія минуты Его Величество поминутно бралъ въ руки косу и разсматривалъ роковой волосокъ. Однажды, при докладѣ, взглянулъ я на Государя и вижу насупленныя брови, съ которыми Онъ разсматривалъ кончикъ косы; я такъ испугался, что чуть не потерялъ нити доклада и едва оправился. Къ счастью, Государь, слишкомъ занятый Своимъ волоскомъ, этого не замѣтилъ".

Императоръ Александръ I, въ первые годы царствованія, благоволилъ къ Енгелю и даже пріѣзжалъ къ нему запросто пить чай, но скоро послѣдовало отчужденіе и затѣмъ для него началась обычная чиновничья карьера. Въ 1810 г. онъ былъ назначенъ Статсъ-Секретаремъ Государственнаго Совѣта, а въ 1820 г. призванъ къ присутствованію въ Сенатѣ.

Императоръ Николай Павловичъ, искавшій повсюду способныхъ дѣятелей, обратилъ на него вниманіе и въ 1828 г. сдѣлалъ Енгеля Членомъ Государственнаго Совѣта и Предсѣдателемъ Коммисіи Прошеній, состоя которымъ, онъ управлялъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ съ 1829 г. по 1830 г., а во время Польскаго мятежа 1831 г. предсѣдательствовалъ во Временномъ Правленіи Царства Польскаго и затѣмъ, до самой кончины (въ 1837 г.), въ Департаментѣ Польскихъ Дѣлъ Государственнаго Совѣта. Отъ должности по Коммисіи Прошеній онъ былъ уволенъ 22 Апрѣля 1832 г., уступивъ свое мѣсто также Сенатору и Члену Государственнаго Совѣта,

Сергій Трубецкой

Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Сергію Сергіевичу Кушникову.

Въ Александро-Невской Лаврѣ на могилѣ Кушникова начертана слѣдующая эпитафія, вышедшая изъ подъ пера Князя Вяземскаго:

„Онъ и въ младыя лѣта,
И въ поздніе года, подъ холодомъ сѣдинъ,
Былъ чистъ передъ судомъ и совѣсти, и свѣта, —
Братъ вѣрный ближняго, отчизны вѣрный сынъ".

Карамзинъ, близко знавшій Кушникова, писалъ о немъ: „Сергій Сергіевичъ есть для меня герой благородства душевнаго и выше всѣхъ отличій, которыя имѣть можетъ. Россія можетъ гордиться такимъ Сенаторомъ, а человѣчество — такимъ человѣкомъ".

Едва ли нужно прибавлять что либо еще для характеристики нравственнаго облика этого человѣка.

Служба его началась въ рядахъ арміи Князя Потемкина; далѣе слѣдовали Итальянскій и Швейцарскій походы съ Суворовымъ, избравшимъ Кушникова своимъ адъютантомъ, затѣмъ дѣятельность по гражданскому вѣдомству въ качествѣ Прокурора Бергъ-Коллегіи, Петербургскаго Губернатора, Сенатора, Почетнаго Опекуна и, наконецъ, Члена Государственнаго Совѣта и Предсѣдателя Коммисіи Прошеній, которымъ онъ состоялъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1839 г.

Умирая, онъ и на смертномъ одрѣ проявилъ себя „героемъ благородства душевнаго". Узнавъ отъ пріѣхавшаго провѣдать его Лейбъ-Медика Арендта, что тотъ приглашенъ къ тяжко больному Графу Сперанскому, но явился сначала къ нему, Кушникову, этотъ послѣдній, не давъ даже себя осмотрѣть, отослалъ его тотчасъ же къ Графу, говоря: „Бросьте меня и поѣзжайте скорѣе къ нему; я уже полумертвый, а его нужно спасти для Россіи". [91]

ГЛАВА IX.

Возвращаясь къ прерванному повѣствованію о дѣятельности Коммисіи Прошеній при новыхъ условіяхъ, нельзя умолчать о томъ, что Императоръ Николай I, даровавшій ей самостоятельное положеніе и болѣе широкій кругъ вѣдомства, вмѣстѣ съ тѣмъ старался обезпечить ей возможность независимо и свободно выполнять свою задачу.

Въ поясненіе слѣдуетъ замѣтить, что Коммисія Прошеній часто служила предметомъ нападокъ со стороны лицъ, которыя, потерпѣвъ неудачу въ своихъ домогательствахъ, пытались набрасывать тѣнь на правильность состоявшихся рѣшеній. Не говоря уже о томъ, что подобныя неудовольствія, будучи причиною безчисленныхъ повторительныхъ жалобъ и прошеній, увеличивали канцелярскую работу, нельзя не признать, что самый фактъ толковъ и пересудовъ о несправедливости, конечно, долженъ былъ колебать авторитетъ Учрежденія въ средѣ населенія. Въ предотвращеніе этого Государь изволилъ начертать на докладѣ Статсъ-Секретаря по поводу одного дѣла, гдѣ налицо былъ именно такой упрекъ, слѣдующія слова:

„Подобнымъ нареканіямъ на Коммисію Прошеній пора положить преграду; потому дѣло сіе разсмотрѣть въ Государственномъ Совѣтѣ съ тѣмъ, чтобы поступлено было съ просителемъ по законамъ, если, какъ вѣроятно, жалоба окажется несправедливой, т. е. какъ съ фальшивымъ доносчикомъ".

Въ другой разъ недовольный жалобщикъ прислалъ новое прошеніе и письмо Статсъ-Секретарю, наполненное угрозами. Освѣдомившись объ этомъ, Его Величество положилъ резолюцію:

„Подобная дерзость безъ взысканія остаться не можетъ. Просьбу сію и вложенное въ оное письмо къ Статсъ-Секретарю Лонгинову передать въ Комитетъ Министровъ съ тѣмъ, чтобы опредѣлены были имъ мѣры къ укрощенію столь дерзкихъ поступковъ".

Неменьшею угрозою самостоятельности сужденій Коммисіи Прошеній были настойчивыя посягательства вліятельныхъ лицъ проводить своихъ подчиненныхъ или близкихъ въ Члены

Коммисіи. И на этотъ вопросъ, когда представился случай, Государь высказалъ Свой взглядъ твердо и опредѣленно и разъ навсегда положилъ конецъ подобнымъ искательствамъ.

Однажды Статсъ-Секретарь Лонгиновъ доложилъ Его Величеству, что къ нему постоянно обращаются съ просьбами за разныхъ лицъ о предоставленіи вышеупомянутыхъ должностей, но онъ отклоняетъ эти ходатайства на основаніи закона, по которому Члены Коммисіи Прошеній избираются по Личному усмотрѣнію Монарха. Теперь же за одного своего подчиненнаго проситъ Членъ Государственнаго Совѣта Графъ Опперманъ.[92] Не рѣшившись послать ему отказъ лично отъ себя въ виду его виднаго служебнаго положенія, Лонгиновъ представилъ на Высочайшее утвержденіе проектъ заготовленнаго въ этомъ смыслѣ письма.

Государь, ознакомившись съ его содержаніемъ, положилъ резолюцію:

„Вашъ отвѣтъ совершенно справедливъ, жаль, что Графъ Опперманъ проситъ объ дѣлѣ, которое до него не касается и которое, могъ бы самъ знать, невозможно".

Поставивъ Коммисію Прошеній на должную высоту и избавивъ ее отъ необходимости считаться съ посторонними вліяніями, Императоръ строго наблюдалъ, чтобъ и само Учрежденіе ни въ какомъ случаѣ не отступало отъ обязательныхъ для него правилъ. Такъ, отклонивъ какую то неосновательную жалобу, Коммисія повергла ее затѣмъ на Высочайшее благовоззрѣніе во вниманіе къ предстательству Генералъ-Адъютанта Левашова. На всеподданнѣйшемъ докладѣ Его Величество написалъ:

„Коммисія, неправильно основываясь на желаніи Генералъ-Адъютанта Левашова, проситъ объ изъятіи отъ законнаго порядка, отъ котораго ей отступать не слѣдуетъ ни для кого".

„Быть слабымъ, не значитъ быть милосерднымъ", говорилъ обыкновенно Государь.[93] Поэтому, когда возбуждались неосновательныя ходатайства, нарушался безъ достаточныхъ оправданій законный порядокъ или, наконецъ, къ Монаршему Милосердію прибѣгали недостойныя лица, Его Величество не зналъ

снисхожденія. Въ первомъ случаѣ просители нерѣдко высылались изъ столицы. По поводу второго можно привести такой примѣръ. Генералъ П. подалъ прошеніе помимо своего начальства. Государь приказалъ сообщить этому послѣднему—„чтобъ П. былъ сдѣланъ выговоръ за то, что мимо команды проситъ“ и только тогда, когда Статсъ-Секретарь Лонгиновъ, при слѣдующемъ докладѣ, ходатайствовалъ отъ себя о смягченіи этой резолюціи во вниманіе къ 62-лѣтней службѣ просителя и къ наступающему Царскому дню, говоря — „да превратятся слезы сего старца въ радость для завтрашняго празднества, столь драгоцѣннаго для всѣхъ вѣрноподданныхъ“, — Его Величество даровалъ прощеніе, но приказалъ подтвердить Генералу П., чтобы онъ сообразовался съ установленнымъ порядкомъ.

Но суровѣе всего было отношеніе Его Величества къ людямъ недостойнымъ. Напримѣръ, вдова одного литератора, ссылаясь на „безвременную“ кончину мужа, ходатайствовала о пособіи. На ея просьбѣ сохранилась слѣдующая Высочайшая помѣтка:

„Покойный мужъ былъ мерзавецъ, нѣсколько разъ наказанный и прощаемый, и до конца жизни былъ подъ строгимъ надзоромъ; самая нещастная смерть его была послѣдствіемъ его буйнаго нрава“.

Однако, такъ какъ вдова его была неповинна въ проступкахъ умершаго, Государь, съ присущею Ему справедливостью, заключилъ резолюцію словами: „Предоставить губернатору, точно ли нужно помочь“.

Чувство законности красною нитью проведено во всѣхъ Высочайшихъ рѣшеніяхъ по ходатайствамъ, восходившимъ до Его Величества чрезъ Коммисію Прошеній. Особенно же ярко оно проявлялось въ дѣлахъ имущественныхъ. Въ одномъ случаѣ вопросъ шелъ о пріобрѣтеніи частнаго дома въ казну. Собственникъ его, ссылаясь на то, что другой покупатель давалъ бо́льшую цѣну, выражалъ, однако же, готовность покориться Монаршей Волѣ. Тогда Императоръ написалъ на докладѣ Статсъ-Секретаря:

„Объявить ему, что насильно собственности ни у кого не отнимаю; стало такъ какъ онъ щитаетъ предложеніе себѣ не выгоднымъ, то дому покупать мнѣ никакой нужды нѣтъ".

Нельзя также обойти молчаніемъ отношеніе Императора Николая I къ ходатайствамъ о предоставленіи дворянскаго достоинства и объ узаконеніи дѣтей или объ ихъ усыновленіи.

При разрѣшеніи просьбъ первой категоріи, которыхъ возникало не болѣе 2—3 десятковъ въ годъ, Его Величество проявлялъ крайнюю осмотрительность. Когда жена одного чиновника, лишеннаго дворянства за хищеніе и подлогъ, просила о возстановленіи мужа въ правахъ, Государь отказалъ, объясняя тѣмъ, что „возвратить дворянства нельзя, ибо значило бы марать сіе званіе и уничижать тѣхъ, кои съ честью оное носятъ".

Что же касается ходатайствъ объ узаконеніяхъ и усыновленіяхъ, то Императоръ смотрѣлъ на нихъ совершенно отрицательно. Еще въ Декабрѣ 1828 г., по поводу доклада Статсъ-Секретаремъ нѣсколькихъ прошеній по этому предмету, Онъ повелѣлъ впредь болѣе хода имъ не давать.

Собственноручно Его Величества Карандашемъ: „Объявить ему, что я насильно собственности ни у кого не отнимаю; стало, так как онъ ищет предложение сие невыгоднымъ, то дому покупать мнѣ никакой нужды нѣтъ."

Объявить ему что я насильно собственности ни у кого не отнимаю, стало так как онъ щитаетъ предложеніе сіе невыгоднымъ, то дому покупать мнѣ никакой нужды нѣтъ.

8. Декабря 1829.

лично объявлено Г. Сабиру 10. Декабря 1829.

Я имѣлъ щастіе доводить до Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества свѣденія, что домъ Генералъ Маіора Сабира, предназначенный въ ломку для открытія новой улицы, за который онъ испрашивалъ 300 т. рублей, оцѣненъ присяжными цѣновщиками въ 260 т. —.

Ваше Императорское Величество, Высочайше повелѣть соизволили, предложить Генералъ Маіору Сабиру, уступить домъ свой за ту сумму, въ которую оный присяжными цѣновщиками оцѣненъ.

Во исполненіе чего Генералъ-Маіоръ Сабиръ въ письмѣ на имя мое изъясняетъ, что онъ осмѣливается просить милостиваго и справедливаго воззрѣнія на совершенное разстройство, ему домомъ его —

Всеподданнѣйшій докладъ Статсъ-Секретаря Лонгинова съ Собственноручною резолюціею Императора Николая I.

нанесенное, за который частные лица предлагали ему восемь лѣтъ тому назадъ 315 т. ф., когда домъ сей, выключая цѣлаго флигеля несовершенно отдѣланнаго, приносилъ 32 т. ф. доходу, невходя въ разсматриваніе справедливости оцѣнки онаго, котораго доходы столь уменьшились отъ обстоятельствъ не отъ него зависѣвшихъ, Но стрѣмясь лишь обратить вниманіе свое на предложеніе, коимъ угодно Вашему Императорскому Величеству удостоивать его, принимаетъ оное покоряясь Высочайшей волѣ.

ГЛАВА X.

Павел Пущин

Князь Александръ Голицынъ

Нарисованная въ предшествующихъ главахъ картина преобразованій Учрежденія по принятію прошеній, его дѣятельности и проявленій Монаршей Воли по отдѣльнымъ дѣламъ въ царствованіе Императора Николая I будетъ неполною, если въ заключеніе не упомянуть о новыхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ личномъ составѣ Коммисіи. За смертью Кушникова, ея Предсѣдателемъ былъ назначенъ Членъ Государственнаго Совѣта, Сенаторъ, Почетный Опекунъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ. Лонгинова же замѣстилъ Статсъ-Секретарь Князь Александръ Федоровичъ Голицынъ.

Тучковъ принадлежалъ къ той доблестной семьѣ, члены которой геройскими подвигами запечатлѣли свое имя въ лѣтописи Отечественной войны.

Начавъ службу съ 1785 г. въ артиллеріи, Тучковъ, будучи бригаднымъ Генераломъ, во время войны со Шведами разбилъ ихъ при Кускосѣ. Въ 1812 г., на Валутиной горѣ подъ Смоленскомъ, онъ долго удерживалъ непріятеля, пока не потерялъ сознаніе отъ полученныхъ ранъ. Оставленный на полѣ сраженія, онъ былъ подобранъ ночью французскими мародерами и сданъ, какъ плѣнный, въ лазаретъ. По возвращеніи на родину Тучковъ перешелъ на гражданскую службу и въ 1826 г. былъ назначенъ Почетнымъ Опекуномъ, въ 1828 г.—Сенаторомъ, а 27 Января 1839 г.—Предсѣдателемъ Коммисіи Прошеній. Въ этой должности онъ оставался до 1 Января 1858 г. и скончался 24 числа того же мѣсяца.

Князь Голицынъ, родившійся въ 1796 г. и получившій образованіе въ Пажескомъ корпусѣ, началъ службу въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ при Мадридской Миссіи. На протяженіи слѣдовавшихъ затѣмъ 14-ти лѣтъ онъ нѣсколько разъ мѣнялъ дѣятельность, пока, наконецъ, въ 1838 г. не получилъ званіе Статсъ-Секретаря Его Величества и должность Члена Коммисіи Прошеній. 6 Ноября 1840 г. онъ былъ назначенъ Статсъ-Секретаремъ у принятія прошеній, въ 1852 г.—Членомъ Государственнаго Совѣта, въ слѣдующемъ—докладчикомъ у Его Величества по дѣламъ Императорскаго Человѣколюбиваго

Общества, а въ 1858 г.—Предсѣдателемъ Коммисіи Прошеній, съ оставленіемъ Статсъ-Секретаремъ у принятія прошеній.

По словамъ одного изъ современниковъ, Голицынъ съ головы до ногъ смотрѣлъ придворнымъ человѣкомъ Александровскихъ временъ. Обращеніе его отличалось сдержанностью и важностью, какъ вообще у людей дѣйствительно знатнаго происхожденія, и потому въ немъ это казалось естественнымъ. Говорилъ онъ медленно, но съ отмѣннымъ изяществомъ. Онъ имѣлъ большое вліяніе въ служебныхъ и общественныхъ кругахъ, такъ какъ пользовался совершенно исключительнымъ довѣріемъ Государя.

Эта близость къ Престолу Статсъ-Секретаря возвысила значеніе и упрочила авторитетъ и самой Коммисіи Прошеній. Нерѣдко, напримѣръ, по поводу разсматривавшихся въ ней ходатайствъ Князь Голицынъ получалъ отъ Императора полномочіе Высочайшимъ Именемъ побуждать вѣдомства съ большею поспѣшностью вершить залежавшіяся въ нихъ дѣла, а ежегодные всеподданнѣйшіе отчеты Коммисіи, составлявшіеся Княземъ, были предметомъ особаго Монаршаго вниманія и ставились въ образецъ Министрамъ. Такъ, 3 Марта 1844 г., Министръ Государственныхъ Имуществъ Графъ Киселевъ сообщилъ Статсъ-Секретарю, что Государь „изволилъ отозваться съ особеннымъ благоволеніемъ объ отчетѣ за 1843 г. и посовѣтовалъ ему съ таковымъ ознакомиться". Получивъ и ознакомившись, Графъ Киселевъ писалъ, что онъ „съ величайшимъ удовольствіемъ разсматривалъ выводы, изложенные съ такою удовлетворительностью и ясностью, которыя истинно заслуживаютъ подражанія". Министръ Юстиціи Графъ Панинъ также получилъ отъ Государя отчетъ Статсъ-Секретаря „для соображенія", съ выраженіемъ при этомъ одобренія „благонамѣренности и успѣхамъ" дѣятельности Коммисіи Прошеній. Въ виду этого Графъ Панинъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе и впредь пользоваться этими отчетами „для наблюденія за департаментами Сената". [94]

Дѣятельность Князя Голицына не ограничивалась, однако, только Учрежденіемъ по принятію прошеній. Самыя сложныя

и секретныя дѣла внутренняго управленія и цензура, въ которой онъ былъ неоффиціальнымъ, но главнѣйшимъ судьею, — вотъ предметъ тѣхъ порученій, которыя постоянно возлагалъ на него Императоръ Николай I и которыми изобилуетъ его формуляръ. Въ обществѣ его обвиняли въ сухости, потому что онъ велъ замкнутую и дѣловую жизнь и всегда поступалъ осторожно и обдуманно, но въ дѣйствительности это былъ высокогуманный человѣкъ, во имя справедливаго рѣшенія готовый приносить въ жертву личные интересы. Въ практикѣ Учрежденія по принятію прошеній имѣется дѣло, краснорѣчиво объ этомъ свидѣтельствующее.

Однажды отъ лица, сосланнаго въ Сибирь по ошибкѣ, вмѣсто истиннаго виновника, поступило прошеніе на Высочайшее Имя. При первомъ же всеподданнѣйшемъ докладѣ Князь Голицынъ заговорилъ объ этомъ. Государь отвѣтилъ:

„Лучше тебя знаю, не говори Мнѣ объ этомъ".

Предоставимъ, однако, дальнѣйшій разсказъ самому Князю Голицыну. [95]

„Бумага все еще лежала у меня на столѣ, но совѣсть не давала мнѣ покою. Чрезъ нѣсколько времени я рѣшился, несмотря на запрещеніе Государя, снова заговорить о томъ же предметѣ. Я объявилъ, что моя совѣсть тогда только будетъ спокойна, когда Онъ Самъ просмотритъ дѣло и выскажетъ мнѣніе.

Государь отвѣчалъ:

„Пожалуй, но въ такомъ случаѣ держись крѣпко", — и назначилъ вечеромъ часъ для доклада.

По обыкновенію, тутъ приходилось торопиться докладомъ. И никогда еще не случалось мнѣ съ такимъ безпокойствомъ входить въ кабинетъ Государя. Я подвергался возможности лишиться мѣста. Бумагу я принесъ съ собою, отмѣтки были сдѣланы заранѣе.

Государь сказалъ коротко—„садись",—и Самъ сѣлъ рядомъ со мною на диванъ.

Я нѣсколько робѣлъ. Вечерній чай Государь вкушалъ всегда у Государыни, а до чаю оставался только часъ времени.

Успѣю ли я изложить дѣло? А если нѣтъ, что будетъ съ дѣломъ и со мною?

Въ началѣ Государь выражалъ нетерпѣніе, но потомъ, какъ мнѣ казалось, сталъ поддаваться, и когда явился слуга отъ Государыни, Государь сказалъ: „сегодня я занятъ".

Черезъ часъ Онъ всталъ съ дивана.

„Ты правъ, Голицынъ, это Мы должны поправить. Садись къ столу, пиши Губернатору, чтобы онъ освободилъ этого человѣка, Я съ нимъ поговорю здѣсь, въ твоемъ присутствіи".

У Государя всегда были наготовѣ фельдъегеря, совсѣмъ одѣтые и затянутые ремнями, которыхъ укладывали, какъ поклажу, въ телѣгу, иначе они бы не выдержали.

— „Позвать лучшаго курьера",—сказалъ Государь.

Въ дверяхъ появилась коренастая фигура.

— „Ты всегда былъ проворнѣе всѣхъ",—сказалъ Государь,—„сейчасъ же отправляйся въ Тобольскъ, отдай Губернатору эту бумагу; если онъ будетъ спать, ты его разбуди. Онъ передастъ тебѣ одного человѣка, ты его привезешь прямо ко Мнѣ въ кабинетъ. Если Я буду спать, ты тоже и Меня разбудишь".

Сосланнаго привезли и позвали меня. Государь ему сказалъ:

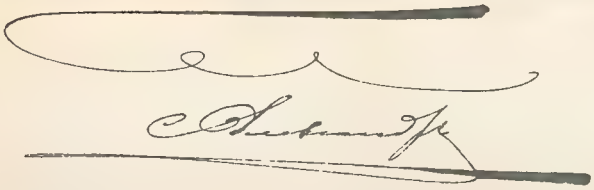
— „Виноватъ, ошибся, поправлю; обратись къ Князю Голицыну, онъ вмѣстѣ со Мною приведетъ дѣло въ порядокъ".

11 Февраля Императоръ Николай I слегъ въ постель для того, чтобы уже болѣе не встать. Вѣрный своему долгу, Онъ не переставалъ заниматься и на смертномъ одрѣ, принявъ 13-го числа Статсъ-Секретаря Князя Голицына съ послѣднимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ.

Чрезъ пять дней Императора не стало. Разставаясь съ жизнью, Онъ обратился къ стоявшему у Его изголовья Наслѣднику и окружавшимъ Его лицамъ съ такими словами:

„Мнѣ хотѣлось, принявъ на Себя все трудное, все тяжкое, оставить Тебѣ Царство мирное, устроенное, счастливое. Провидѣніе судило иначе... Теперь иду молиться за Россію и за Васъ. Послѣ Россіи, Я Васъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ.

„Служи Россіи“,—закончилъ Императоръ, обернувшись къ Цесаревичу.



ГЛАВА XI.

Первое десятилѣтіе новаго царствованія является поворотною точкою въ исторіи Учрежденія по принятію прошеній, ибо назрѣвавшая уже судебная реформа не могла, конечно, не затронуть вопроса о его дальнѣйшемъ существованіи. Починъ въ этомъ отношеніи принялъ на себя Комитетъ Финансовъ. Изыскивая способы для укрѣпленія государственнаго бюджета, онъ представилъ на благоусмотрѣніе Государя Императора предположеніе о соединеніи круга дѣйствій Статсъ-Секретаріата у принятія прошеній съ Первымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, такъ какъ былъ того мнѣнія, что съ введеніемъ новаго судоустройства всеподданнѣйшія жалобы на Правительствующій Сенатъ уже болѣе не будутъ поступать въ Коммисію Прошеній.

Его Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы Управлявшій упомянутымъ Отдѣленіемъ Статсъ-Секретарь Танѣевъ и Князь Голицынъ представили по этому вопросу свои соображенія.

Оба они ничего не возразили противъ мысли объ упраздненіи Коммисіи Прошеній. Дѣйствительно, съ момента, когда должны были открыть свои дѣйствія новые суды съ Кассаціоннымъ Сенатомъ во главѣ, существованіе Коммисіи Прошеній, выполнявшей, по мнѣнію Князя Голицына, [96] ту же кассаціонную функцію, станетъ совершенно безцѣльнымъ. Но зато другая сторона проекта Финансоваго Комитета — о сліяніи Статсъ-Секретаріата съ Первымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, — подверглась рѣзкой критикѣ со стороны обоихъ Статсъ-Секретарей.

Вотъ что писалъ по этому поводу Танѣевъ:

„Предположеніе заключаетъ въ себѣ два проекта: 1) соединеніе Статсъ-Секретаріата съ Первымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи и 2) сокращеніе чрезъ такое соединеніе расходовъ“.

„Учрежденіе Перваго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи относится къ дѣламъ госу-

дарственнымъ, восходящимъ къ Государю Императору, къ дѣламъ, особо Монаршимъ довѣріемъ на Канцелярію возлагаемымъ, и, наконецъ, къ дѣламъ и Высочайшимъ повелѣніямъ, по Волѣ Его Императорскаго Величества передаваемымъ въ Главныя вѣдомства. Соображая цѣль учрежденія обоихъ сихъ Установленій, я ничего общаго въ нихъ не нахожу. Въ видахъ же сокращенія расходовъ, соединеніе ихъ тоже не достигаетъ своей цѣли, ибо, за уменьшеніемъ расходовъ на уничтоженную Коммисію Прошеній, Статсъ-Секретаріатъ, останется ли самостоятельнымъ или присоединеннымъ къ другому вѣдомству, потребуетъ тѣхъ же расходовъ, если еще не въ большемъ размѣрѣ по многосложности производства дѣлъ и по увеличивающемуся числу прошеній".

Это заключеніе, вполнѣ раздѣленное Княземъ Голицынымъ, было принято во вниманіе—и въ теченіе четырехъ лѣтъ мысль Комитета Финансовъ оставалась безъ дальнѣйшаго развитія. Но въ 1866 г. Государь къ ней вернулся и Высочайше повелѣлъ преемнику Князя Голицына по должности Статсъ-Секретаря, Князю Долгорукому, вновь заняться ея разработкою. Представленный имъ проектъ, весьма схожій съ первоначальными предположеніями Финансоваго Комитета, не удостоился, однако, Высочайшаго одобренія. Его Величество изволилъ положить на немъ слѣдующую резолюцію:

„Такъ какъ главная цѣль журнала Комитета Финансовъ 1861 г. была сокращеніе расходовъ, то Я желаю, прежде чѣмъ давать дальнѣйшій ходъ вашимъ предположеніямъ, знать положительно, на сколько можно будетъ сократить составъ вашей Канцеляріи при слитіи ея съ I-мъ Отдѣленіемъ Моей Канцеляріи".

Во исполненіе Монаршей Воли, Князь Долгорукій сдѣлалъ расчетъ, изъ котораго явствовало, что содержаніе дополнительнаго штата чиновниковъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ прошеній обойдется всего въ 8.509 р. 95 к. въ годъ!

Но и это представленіе Князя Долгорукаго, разсмотрѣнное въ особой Коммисіи подъ предсѣдательствомъ Графа Панина,

также не имѣло успѣха. Государь не изволилъ его утвердить и повелѣлъ оставить Статсъ-Секретаріатъ и Первое Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, впредь до упраздненія Коммисіи Прошеній, на прежнемъ положеніи.

Впрочемъ, вопросъ объ упраздненіи Коммисіи оказался вообще преждевременнымъ. Не говоря уже о томъ, что общее количество поступавшихъ обращеній на Высочайшее Имя не пошло на убыль, но и число жалобъ на Департаменты Сената [96] не только не уменьшилось послѣ преобразованія судебной части, а, напротивъ того, увеличилось. Вмѣсто 700 въ годъ, какъ это наблюдалось вскорѣ послѣ восшествія на Престолъ Императора Александра II, въ 1869 г. поступило болѣе 1.200. Отмѣчая въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ этотъ фактъ, Князь Долгорукій объяснялъ его тѣмъ, что при новомъ судоустройствѣ дѣла стали быстрѣе и въ менѣе разработанномъ видѣ восходить на разсмотрѣніе Сената и на первыхъ порахъ чрезмѣрно обременили его въ ущербъ правильности постановлявшихся рѣшеній.

Но, какъ бы то ни было, это явленіе наблюдалось въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и только съ 1872 г. началась нѣкоторая убыль приносившихся жалобъ, число которыхъ, къ концу существованія Коммисіи Прошеній, не превышало уже 500 въ годъ.

Не предвидя, такимъ образомъ, въ близкомъ будущемъ прекращенія ея дѣятельности, Князь Долгорукій призналъ желательнымъ придать ей, какъ судебной инстанціи, характеръ, болѣе отвѣчавшій началамъ, положеннымъ въ основаніе новаго судоустройства. Для этой цѣли онъ ввелъ въ дѣлопроизводство Канцеляріи Статсъ-Секретаря извѣстную гласность, допустивъ тяжущихся къ присутствованію при докладѣ ему наиболѣе важныхъ и сложныхъ жалобъ, чтобы своими объясненіями они могли лучше освѣщать разсматриваемыя дѣла. Такая мѣра, по мнѣнію Князя, должна была содѣйствовать „устраненію пагубной для истины судебной тайны“. Желая, поэтому, придать ей еще большее значеніе, онъ вошелъ со

всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ просилъ Государя утвердить установленный имъ порядокъ.

Его Величество изволилъ отмѣтить на докладѣ:

„Признаю дѣло это весьма полезнымъ, но желаю, прежде окончательнаго утвержденія, чтобы оно было обсуждено, въ вашемъ присутствіи, въ Комитетѣ Министровъ".

Комитетъ усмотрѣлъ въ представленіи Князя Долгорукаго скрытое желаніе создать новую, высшую, инстанцію надъ Сенатомъ. Поэтому, не препятствуя Статсъ-Секретарю устанавливать своею властью какой угодно внутренній порядокъ дѣлопроизводства во ввѣренной ему Канцеляріи, онъ уклонился отъ сужденія по существу вопроса и передалъ проектъ въ Коммисію по преобразованію судебной части, гдѣ онъ и былъ преданъ забвенію. Порядокъ же, установленный Статсъ-Секретаремъ, продолжалъ дѣйствовать и оставался въ силѣ до самаго упраздненія Коммисіи Прошеній.

ГЛАВА XII.

Коренныя преобразованія, которыми такъ богата эпоха Императора Александра II, всколыхнувъ общественную жизнь образованныхъ классовъ, не могли, конечно, вдругъ проникнуть въ сознаніе народной массы и привить ей новыя потребности и интересы; для этого необходимы были десятки лѣтъ. Такимъ образомъ, и дѣятельность Коммисіи Прошеній и Статсъ-Секретаря, пока обреченная попрежнему обслуживать тѣ же народныя нужды, не могла въ ближайшіе годы подвергнуться существеннымъ измѣненіямъ по сравненію съ предшествовавшимъ царствованіемъ. Число возбуждавшихся ходатайствъ оставалось приблизительно то же, но знаменіе времени сказалось въ отношеніи группировки сословій, дерзавшихъ теперь обращаться къ подножію Престола, и вопроса объ упорядоченіи участи внѣбрачныхъ дѣтей и воспитанниковъ.

Вступая на Престолъ, Императоръ Александръ II сказалъ: „Мы положили въ сердцѣ Своемъ обнимать Нашею Царскою любовью и попеченіемъ всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ всякаго званія и состоянія".

И, дѣйствительно, съ первыхъ дней царствованія этого Монарха, медленно, но постоянно начинаетъ расти цифра крестьянскихъ прошеній, бывшихъ до сихъ поръ въ меньшинствѣ. При Императорѣ Николаѣ I это сословіе возбуждало просьбы въ ничтожномъ количествѣ—одного-двухъ десятковъ въ годъ, теперь ихъ число стало превышать 1.000. Самые предметы домогательствъ сдѣлались болѣе разнообразными и касались не только жалобъ на помѣщиковъ, но также надѣловъ землею, неправильныхъ дѣйствій мѣстной власти, воинской повинности и т. д. Напримѣръ, въ 1866 г. было не менѣе 400 доносовъ, 500 просьбъ по дѣламъ о воинской повинности и 100—о земельномъ устройствѣ.

Монархъ, обѣщавшій своимъ подданнымъ любовь и попеченіе, не могъ остаться чуждымъ къ участи тѣхъ несчастныхъ, которые, родившись внѣ брака, обречены были всю жизнь нести отвѣтъ за чужую вину. Конечно, измѣнить сразу

положеніе незаконнорожденныхъ не представлялось возможнымъ, ибо слишкомъ близко было время, когда само общество смотрѣло на нихъ съ нескрываемымъ предубѣжденіемъ. Но обстоятельства все же измѣнились. Къ концу царствованія Императора Николая I общественная мысль получила иное направленіе, и потому, въ одинъ изъ ближайшихъ годовъ послѣ вступленія на Престолъ, Императоръ Александръ II уже призналъ возможнымъ отмѣнить повелѣніе Своего Предшественника, воспретившаго повергать на Монаршее благовоззрѣніе всеподданнѣйшія ходатайства объ узаконеніяхъ и усыновленіяхъ дѣтей, и 9 Апрѣля 1858 г. утвердилъ Собственноручною надписью Секретное Наставленіе Статсъ-Секретарю, разрѣшавшее въ особо уважительныхъ случаяхъ давать ходъ подобнымъ ходатайствамъ.

Позднѣе, по всеподданнѣйшему докладу Князя Долгорукаго отъ 20 Марта 1865 г., ему было дано право болѣе широко пользоваться этимъ разрѣшеніемъ. Результатъ не замедлилъ сказаться: уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ ежегодно насчитывалось не менѣе 100 случаевъ устройства участи воспитанниковъ и незаконнорожденныхъ.

И въ другомъ направленіи нѣсколько расширился кругъ дѣятельности Коммисіи Прошеній.

Съ упраздненіемъ 1 Сентября 1876 г. Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по дѣламъ Царства Польскаго, разсматривавшіяся въ ней всеподданнѣйшія ходатайства мѣстныхъ жителей были сосредоточены въ Коммисіи Прошеній. Вслѣдствіе этого нѣсколько увеличилась и дѣятельность Канцеляріи Статсъ-Секретаря, штатъ которой пришлось пополнить двумя чиновниками, переведенными изъ упраздненной Канцеляріи.

Зато въ одномъ отношеніи Коммисія Прошеній потерпѣла ущербъ. 20 Февраля 1869 г. Графъ Паленъ испросилъ Высочайшее повелѣніе, чтобы всеподданнѣйшія ходатайства по дѣламъ, рѣшеннымъ въ новыхъ судахъ, представлялись на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества не иначе, какъ чрезъ Министра Юстиціи, т. е., говоря проще, отнынѣ всѣ просьбы

о помилованіи или смягченіи участи изымались изъ круга вѣдомства Коммисіи, въ отмѣну Высочайшаго повелѣнія, даннаго 21 Марта 1841 г. Статсъ-Секретарю Князю Голицыну. Государю, однако, не всегда угодно было непреложно наблюдать это правило, ибо, какъ напримѣръ убѣждаетъ отчетъ Статсъ-Секретаря за 1876 г., 140 лицамъ было даровано помилованіе помимо Министра Юстиціи.

Въ теченіе описываемаго времени въ жизни Канцеляріи Статсъ-Секретаря не произошло ничего, достойнаго особаго вниманія. Была лишь упразднена въ 1874 г. одна судебная экспедиція въ виду сокращенія числа тяжебныхъ дѣлъ, отошедшихъ къ новымъ судамъ, затѣмъ удостоился утвержденія новый штатъ, расчитанный на 27 человѣкъ съ годовою смѣтою въ 58.162 р., и трижды состоялась перемѣна канцелярскаго помѣщенія въ дома №№ 34—35, 5 и 6 на той же Милліонной улицѣ. Въ первомъ Канцелярія пробыла съ 1860 г. по 1863 г., во второмъ по 1875 г. и въ третьемъ до 1882 г.

ГЛАВА XIII.

Согласенъ и отъ всего сердца желаю совершеннаго и скораго выздоровленія.

Его Императорскимъ Величествомъ, Собственноручно, карандашемъ написано: Согласенъ и отъ всего сердца желаю совершеннаго и скораго выздоровленія." 1 Ноября 1864.

Исправл. должн. Ст. Секр. у пр. прош. Николай Гаевскій

Ваше Императорское Величество,

въ Монаршемъ участіи, снисходя къ болѣзненному моему положенію, въ 24 день Мая текущаго года Всемилостивѣйше уволили меня въ отпускъ для возстановленія здоровья.

Пользуясь силъ Всемилостивѣйшимъ дозволеніемъ, я, согласно совѣтамъ медиковъ, признавшихъ болѣзнь мою костоѣдою лѣвой ключицы, происшедшею отъ застарѣлаго ушиба, отправился къ Теплицкимъ водамъ, гдѣ принялъ курсъ минеральныхъ ваннъ. Леченіе сіе хотя и оказало нѣкоторое вліяніе на возстановленіе силъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвало потребность прибѣгнуть къ помощи хирургіи для вынутія изъ раны частей поврежденной кости, вслѣдствіе чего, прибывъ въ Берлинъ, я выдержалъ три операціи, кои произведены съ полнымъ успѣхомъ извѣстнѣйшимъ по своимъ познаніямъ и искусству Хирургомъ, Генералъ-Штабъ-Докторомъ

Всеподданнѣйшій докладъ Статсъ-Секретаря Кн. Голицына съ Собственноручною резолюціею Императора Александра II.

Прусской Арміи Лангенбекомъ, и за симъ болѣзнь моя, получивъ значительное облегченіе, позволила мнѣ возвратиться въ С. Петербургъ; однако совершенное мое выздоровленіе можетъ послѣдовать не ранѣе, какъ по закрытіи раны послѣ окончательнаго извлеченія изъ оной всей пораженной части кости, а сія четвертая операція, для коей мнѣ предстоитъ, будущею весною, вновь отправиться въ Берлинъ, требуетъ, въ свою очередь, подготовительнаго леченія, въ продолженіе коего врачи строго воспрещаютъ мнѣ какія бы нибыло усиленныя занятія.

Въ семъ положеніи осмѣливаюсь вновь прибѣгнуть къ Монаршему Вашего Императорскаго Величества благоснисхожденію, коимъ Ваше Величество изволили донынѣ меня счастливить, и съ чувствами моей благоговѣйной за сіе вѣрноподданнической признательности повергаю къ стопамъ Вашимъ, Всемилостивѣйшій Государь, всеподданнѣйшую мою просьбу о продолженіи дарованнаго мнѣ отпуска, съ сохраненіемъ содержанія, впредь до моего выздоровленія, съ тѣмъ, чтобы исправленіе должности Статсъ-Секретаря у принятія прошеній, согласно утвержденному Вашимъ Императорскимъ Величествомъ порядку, было оставлено за Товарищемъ моимъ по означенному званію Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Гаевскимъ.

/ Статсъ-Секретарь Князь Александръ Голицынъ /.

1. Ноября 1864.

Князь Серг. Долгорукій

Въ заключеніе не лишнимъ будетъ вернуться къ біографіямъ лицъ, стоявшихъ во главѣ Учрежденія при Императорѣ Александрѣ Второмъ.

Статсъ-Секретарь Князь Голицынъ, приближаясь къ концу седьмого десятка своей жизни, началъ страдать обостреніемъ недуга, полученнаго еще въ ранней молодости. Исполняя порученіе въ бытность прикомандированнымъ къ Мадридской Миссіи, онъ упалъ съ лошади и сломалъ себѣ руку. — „Несмотря на это", — разсказывалъ онъ много лѣтъ спустя, — „я продолжалъ свое путешествіе; Вы можете представить мое мученіе! Чувство долга поддерживало меня въ этомъ случаѣ". — Послѣдствія сказались, однако, подъ старость, и онъ долженъ былъ два раза подрядъ ходатайствовать о заграничномъ отпускѣ. Въ первый разъ Государь изволилъ начертать на его прошеніи: „Отъ всего сердца желаю, чтобы заграничное леченіе принесло вамъ пользу", а во второй — „Отъ всего сердца желаю совершеннаго и скораго выздоровленія". Но леченіе, а затѣмъ и операція не помогли, и 12 Ноября 1864 г. онъ скончался, говоря:

— „Доложите Государю, что я ввѣряю Его благодушію участь моего семейства, Вашу (Товарища Статсъ-Секретаря Гаевскаго) и всѣхъ своихъ сослуживцевъ".

По словамъ очевидцевъ, погребеніе Князя Голицына сопровождалось великою торжественностью. Несмотря на 20-градусный морозъ, Министры, Члены Государственнаго Совѣта, Сенаторы сопровождали его прахъ до мѣста послѣдняго упокоенія.

Князя Голицына смѣнилъ Князь Сергій Алексѣевичъ Долгорукій.

Окончивъ въ 1826 г. курсъ наукъ въ Пажескомъ Корпусѣ, онъ, какъ и его предшественникъ, началъ службу въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Прослуживъ здѣсь и въ другихъ вѣдомствахъ 19 лѣтъ, онъ уволился въ 1845 г. въ отставку, въ которой пробылъ не болѣе 3-хъ лѣтъ, и опредѣлился затѣмъ на службу по администраціи; 19 Ноября 1849 г. былъ назначенъ Членомъ Коммисіи Прошеній, въ которой работалъ

почти 8 лѣтъ, послѣ чего вновь удалился отъ дѣлъ. По поводу ходатайства Князя Долгорукаго объ отставкѣ Государь начерталъ на докладѣ объ этомъ Статсъ-Секретаря:

„Желалъ бы знать, какая причина заставляетъ его проситься въ отставку. Зная издавна благородныя качества, всегда его отличавшія, Я сожалѣю о томъ, но противъ воли удерживать на службѣ не хочу".

Князь Долгорукій всеподданнѣйше объяснилъ, что желаніе его вызвано „частію сознаніемъ малой пользы, приносимой имъ, частію же всегдашнею его склонностью къ уединенію".

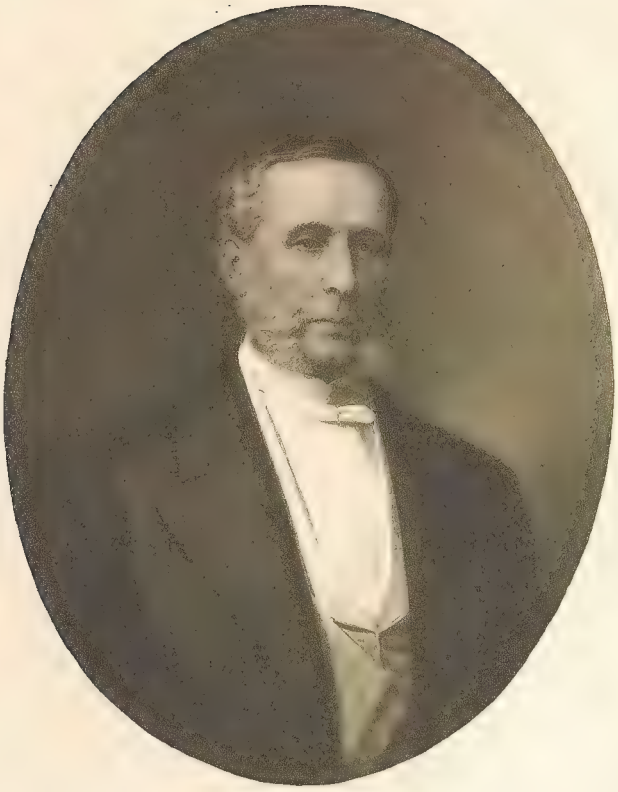
14 Іюня 1862 г. онъ возвратился на ту же должность, а 15 Ноября 1864 г., послѣ смерти Князя Голицына, былъ призванъ на постъ Статсъ-Секретаря у принятія прошеній.

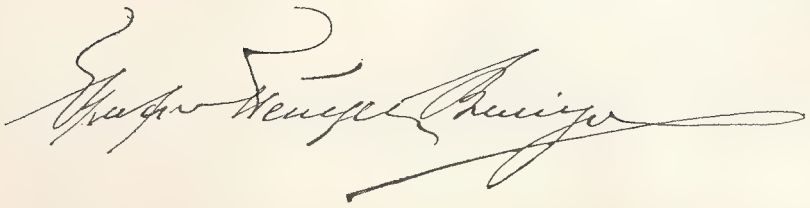
Скончался Князь Долгорукій въ 1891 г., будучи Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Членомъ Государственнаго Совѣта и имѣя всѣ ордена до Св. Владиміра 1 степени включительно.

Предсѣдательское кресло, оставшееся свободнымъ послѣ Князя Голицына, занялъ Генералъ-Адъютантъ, Членъ Государственнаго Совѣта Графъ Павелъ Николаевичъ Игнатьевъ. Многоразличная служба его началась въ 1826 г. въ Преображенскомъ полку. Одно время (въ 30-хъ годахъ) онъ былъ Директоромъ Пажескаго Корпуса, затѣмъ Витебскимъ, Могилевскимъ и Смоленскимъ Генералъ-Губернаторомъ, далѣе С.-Петербургскимъ Генералъ-Губернаторомъ и, наконецъ, Предсѣдателемъ Коммисіи Прошеній и Комитета Министровъ.

По словамъ одного изъ современниковъ Графа, это былъ человѣкъ въ высшей степени трудоспособный и необычайно мягкій и деликатный въ личномъ общеніи. Никогда не прибѣгая въ дѣловыхъ преніяхъ къ возраженіямъ, облеченнымъ въ рѣзкія формы, онъ, тѣмъ не менѣе, умѣлъ твердо отстаивать занятую позицію, такъ же, какъ и заставить понять младшихъ дѣлаемыя ими упущенія. Однажды, когда Графъ пріѣхалъ въ назначенный часъ въ Коммисію Прошеній, чтобы принять докладъ отъ Канцеляріи Статсъ-Секретаря, одинъ изъ ея чиновниковъ заставилъ его ждать и, войдя затѣмъ въ

Графъ Павелъ Шуваловъ



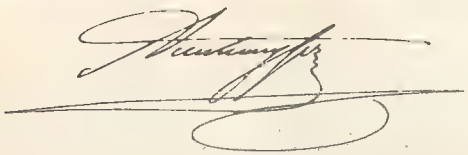


кабинетъ, сталъ извиняться, что опоздалъ. „Не утруждайте себя“,—сказалъ на это Графъ,—„не Вы опоздали: я слишкомъ рано пріѣхалъ“.

25 Декабря 1879 г. Графа Игнатьева замѣстилъ Предсѣдатель Комитета Министровъ Графъ Петръ Александровичъ Валуевъ. Личность этого ближайшаго и довѣреннѣйшаго совѣтника Императора Александра II, про котораго Его Величество изволилъ говорить, что „онъ не покривитъ душою“, слишкомъ извѣстна въ исторіи русскаго служилаго сословія, чтобы должно было приводить болѣе подробныя біографическія данныя. Достаточно добавить только, что Предсѣдателемъ Коммисіи Прошеній онъ оставался по 4 Октября 1881 г., когда на его мѣсто былъ назначенъ Князь Долгорукій, оставшійся вмѣстѣ съ тѣмъ и Статсъ-Секретаремъ у принятія прошеній.

Равнымъ образомъ нѣсколько разъ смѣнились лица, занимавшія должность Директора Канцеляріи. Послѣ смерти Тайнаго Совѣтника Рашета слѣдовалъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Семеновичъ Гаевскій, возведенный, по примѣру предшественника, въ Товарищи Статсъ-Секретаря.

10 Апрѣля 1866 г. его замѣстилъ, по должности Директора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Викторъ Степановичъ Пеньковъ, а затѣмъ, съ 2 Ноября 1873 г., Статскій Совѣтникъ Александръ Николаевичъ Пургольдъ, остававшійся на службѣ до упраздненія Статсъ-Секретаріата.



ГЛАВА XIV.

Возникшая въ началѣ царствованія Императора Александра II мысль объ упраздненіи Коммисіи Прошеній вновь возродилась въ концѣ 70-хъ годовъ XIX столѣтія подъ вліяніемъ тѣхъ же финансовыхъ соображеній. Въ Особой Высшей Коммисіи, собравшейся въ 1879 г. для изысканія средствъ къ сокращенію государственныхъ расходовъ, было повторено пожеланіе Комитета Финансовъ о сліяніи Статсъ-Секретаріата у принятія прошеній съ Первымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Ознакомившись съ этимъ проектомъ вскорѣ послѣ вступленія на Престолъ, Императоръ Александръ III Высочайше повелѣлъ представить на Его благовоззрѣніе соображенія „о томъ, какого рода жалобы и прошенія, изъ числа подлежащихъ вѣдѣнію Коммисіи Прошеній, могутъ быть и впредь допускаемы, сообразуясь съ послѣдними судебными и административными реформами, и какой порядокъ разсмотрѣнія ихъ слѣдуетъ установить, чтобы достигнуть быстраго ихъ разрѣшенія“. [97]

Конечная цѣль, преслѣдовавшаяся въ этомъ случаѣ Монархомъ, вытекала, однако, изъ совершенно иныхъ побужденій чѣмъ тѣ, которыя руководили въ свое время членами финансоваго вѣдомства и Особой Коммисіи. Тогда причиною возбужденія настоящаго вопроса была матеріальная сторона дѣла, теперь же на первомъ планѣ стоялъ интересъ подданныхъ, силою обстоятельствъ принуждаемыхъ искать защиты у подножія Престола. „Желая приблизить къ Себѣ заботы объ облегченіи участи обращающихся ко Мнѣ въ путяхъ Монаршаго Милосердія“,—писалъ Государь въ рескриптѣ отъ 6 Іюля 1884 г. на имя Статсъ-Секретаря Князя Долгорукаго,—„Я призналъ за благо измѣнить порядокъ разсмотрѣнія дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію состоявшей подъ вашимъ предсѣдательствомъ Коммисіи Прошеній“.

Для осуществленія задуманнаго преобразованія, 23 Ноября 1883 г., Его Величество учредилъ подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Ковалевскаго Коммисію изъ Дѣйствительныхъ Тайныхъ Совѣтниковъ Любощинскаго,

Каханова и Фриша, при участіи Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ, Юстиціи и Финансовъ, Статсъ-Секретаря у принятія прошеній и Командовавшаго Императорскою Главною Квартирою.

Въ три съ половиною мѣсяца Коммисія исполнила возложенную на нее задачу и къ 5 Марта 1884 г. выработала основныя положенія, предназначенныя опредѣлить собою кругъ вѣдомства будущаго Установленія по принятію прошеній и его организацію.

Признавъ, что пересмотръ окончательныхъ рѣшеній Общаго Собранія Правительствующаго Сената ослабляетъ уваженіе къ закону и вѣру въ его непоколебимость, Коммисія отвергла право принесенія на нихъ всеподданнѣйшихъ жалобъ, сохранивъ таковое, какъ временную мѣру, до повсемѣстнаго введенія новыхъ судовъ, лишь въ отношеніи опредѣленій Сенатскихъ Департаментовъ.[98]

Что же касается до Милостей, то, за невозможностью исчислить всѣ случаи, когда подданные рѣшаются утруждать Монарха, Коммисія ограничилась пожеланіемъ, чтобы дарованіе ихъ не нарушало законные интересы третьихъ лицъ.

Въ частности Коммисія остановилась на нѣкоторыхъ видахъ всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, заслуживавшихъ, по ея мнѣнію, наибольшаго вниманія.

Къ таковымъ, между прочимъ, были отнесены дѣла объ упорядоченіи, въ путяхъ Монаршаго Милосердія, участи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака. Въ свое время Общее Собраніе Государственнаго Совѣта высказало, что никакое воспрещеніе закона не въ состояніи успѣшно противодѣйствовать стремленію родителей, сознавшихъ легкомысліе и безнравственность своей прежней жизни, принять на себя обязанности, возлагаемыя на каждаго самымъ фактомъ прижитія ребенка. Вполнѣ согласившись съ этою точкою зрѣнія, Коммисія Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Ковалевскаго признала неудобнымъ сохранить въ силѣ введенное Императоромъ Николаемъ I въ Учрежденіе Коммисіи Прошеній воспрещеніе принимать всеподданнѣйшія прошенія по данному предмету.

Далѣе Коммисія имѣла сужденіе по дѣламъ о несогласіяхъ между супругами, принадлежащимъ къ той же области семейныхъ правоотношеній.

Гражданскіе и церковные законы, провозглашая нерасторгаемость брака и требуя отъ мужа и жены совмѣстной жизни, исключаютъ возможность ихъ разлученія. Но встрѣчающіеся въ дѣйствительности случаи острыхъ семейныхъ несогласій давно уже вынудили Правительство допускать частныя отступленія отъ этого коренного начала. Поэтому еще въ началѣ царствованія Императора Николая I подобныя дѣла негласно были сосредоточены во вновь учрежденномъ Третьемъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, которое должно было играть роль „Покровительственной Полиціи". На вопросъ перваго начальника новаго Установленія — Графа Бенкендорфа — объ инструкціи, Государь протянулъ ему Свой платокъ, говоря:

„Вотъ тебѣ Моя инструкція: чѣмъ больше слезъ ты утрешь, тѣмъ точнѣе исполнишь Мою Волю".

Съ упраздненіемъ 6 Августа 1880 г. Третьяго Отдѣленія, семейныя дѣла были переданы въ Департаментъ Государственной Полиціи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ и находились до 25 Ноября 1881 г., когда были включены въ кругъ вѣдомства Коммисіи Прошеній.

Полагая, что безусловное требованіе совмѣстнаго жительства мужа и жены, при наличіи развратнаго поведенія, жестокаго и грубаго обращенія одного изъ супруговъ и, вообще, неблагопріятно сложившихся семейныхъ обстоятельствъ, не только не содѣйствуетъ устраненію семейныхъ раздоровъ, но увеличиваетъ ихъ и невыгодно отражается на воспитаніи дѣтей, Коммисія признала необходимымъ сохранить за будущимъ органомъ Монаршаго Милосердія право рѣшать этого рода дѣла, руководствуясь указаніями, какія угодно будетъ дать на этотъ предметъ Его Императорскому Величеству.

Въ заключеніе былъ разсмотрѣнъ вопросъ о порядкѣ направленія поступавшихъ въ значительномъ количествѣ всеподданнѣйшихъ прошеній о помилованіи и облегченіи участи

подвергавшихся наказаніямъ на основаніи судебныхъ приговоровъ или взысканіямъ по административнымъ распоряженіямъ.

Какъ извѣстно, 20 Февраля 1869 г. Графъ Паленъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на то, чтобы просьбы о помилованіи приговоренныхъ новыми Судебными Установленіями повергались на Высочайшее благоусмотрѣніе не иначе, какъ чрезъ Министра Юстиціи.

Коммисія Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Ковалевскаго также признала этотъ порядокъ наиболѣе цѣлесообразнымъ. По ея мнѣнію, Министръ Юстиціи, находясь во главѣ судебнаго управленія, не долженъ быть устраняемъ отъ всеподданнѣйшаго доклада этого рода дѣлъ, ибо всякое постороннее вѣдомство встрѣтилось бы въ этомъ случаѣ съ крайними затрудненіями относительно приведенія въ ясность фактическихъ обстоятельствъ, имѣющихъ существенное значеніе для правильной и всесторонней оцѣнки. По этимъ же соображеніямъ докладъ просьбъ о помилованіи осужденныхъ военными или военно-морскими судами слѣдуетъ ввѣрить Военному и Морскому Министрамъ.

Установивъ такимъ образомъ общія начала, на которыхъ должно было утвердиться новое Установленіе, Коммисія перешла къ обсужденію вопроса о его организаціи. Въ этомъ отношеніи она полагала, что хотя окончательное разрѣшеніе всеподданнѣйшихъ жалобъ и прошеній и зависитъ только отъ усмотрѣнія Высочайшей Власти, тѣмъ не менѣе отдѣльнымъ категоріямъ ихъ присущи нѣкоторыя особенности, обусловливающія извѣстное различіе въ порядкѣ предварительнаго ихъ разсмотрѣнія. Такъ, жалобы на опредѣленія Департаментовъ Сената обязываютъ не только изучать обстоятельства дѣла, но и входить въ оцѣнку юридическихъ и фактическихъ данныхъ, положенныхъ въ основу обжалованнаго опредѣленія, т. е. предполагаютъ дѣятельность, которая носитъ всѣ признаки судебной. Если принять къ тому же во вниманіе, что предметомъ ея являются рѣшенія Сената, т. е. верховнаго судебнаго мѣста въ Имперіи, имѣющаго коллегіальное устрой-

ство, то очевидно, что подобная обязанность не можетъ быть ввѣрена одному лицу, а должна быть возложена на учрежденіе коллегіальное же и притомъ облеченное извѣстнымъ авторитетомъ. Иное дѣло, прочія жалобы и прошенія о Милостяхъ. Задача Установленія, ихъ докладывающаго, должна заключаться лишь въ безпристрастномъ и всестороннемъ выясненіи предмета жалобы или прошенія, но никакъ не въ обсужденіи. Поэтому, предварительное разсмотрѣніе подобныхъ дѣлъ въ коллегіальномъ присутствіи является излишнимъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ Коммисія полагала:

Образовать Особое Присутствіе для разсмотрѣнія жалобъ на департаментскія опредѣленія Сената, но не въ составѣ Государственнаго Совѣта, который не желательно обременять обязанностями, несвойственными его назначенію, а при Правительствующемъ Сенатѣ, изъ Первоприсутствующаго, четырехъ Сенаторовъ и Начальника новаго органа Монаршаго Милосердія, а всѣ прочія дѣла сосредоточить въ вѣдѣніи единоличной власти, вручивъ таковую, согласно Высочайше преподаннымъ указаніямъ, Командовавшему Императорскою Главною Квартирою; для дѣлопроизводства же создать въ его вѣдѣніи особую Канцелярію, присвоивъ ей наименованіе и преимущества Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

ГЛАВА XV.

Статсъ-Секретарь у принятія прошеній Князь Долгорукій не согласился съ выводами, къ которымъ пришла Коммисія Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Ковалевскаго, и представилъ на нихъ слѣдующія возраженія.

По поводу предположенія объ учрежденіи Особаго Присутствія въ составѣ Сената, онъ полагалъ, что новый порядокъ разсмотрѣнія жалобъ на сенатскія опредѣленія прежде всего нарушитъ достоинство самого Сената, какъ высшаго въ Имперіи Учрежденія, такъ какъ рѣшенія одного Департамента будутъ кассироваться другимъ, ибо въ глазахъ народа Особое Присутствіе будетъ ничѣмъ инымъ, какъ именно новымъ Департаментомъ, и только. Находя, поэтому, что коллегію, призванную замѣнить собою Коммисію Прошеній въ дѣлѣ разсмотрѣнія тяжебныхъ дѣлъ, надлежитъ поставить въ условія полной независимости отъ кого бы то ни было, кромѣ Государя Императора, Статсъ-Секретарь остановился затѣмъ особенно подробно на предположенномъ порядкѣ направленія прошеній о помилованіи.

Сославшись на существо обязанностей Министра Юстиціи, главною задачею котораго, какъ Генералъ-Прокурора, является преслѣдованіе преступленій, Князь Долгорукій высказалъ, что, предстательствуя предъ Государемъ о помилованіи преступниковъ, Министръ Юстиціи войдетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, ибо будетъ ходатайствовать объ отмѣнѣ приговоровъ, постановленныхъ вслѣдствіе настояній подчиненнаго ему прокурорскаго надзора. Въ подкрѣпленіе справедливости своего взгляда на необходимость устраненія высшаго представителя судебной власти отъ вліянія на исходъ дѣлъ о помилованіи, Князь Долгорукій привелъ мнѣнія извѣстныхъ теоретиковъ уголовнаго права.

„Судьямъ должно быть предоставлено ограниченное закономъ право смягченія наказаній, но не право помилованія“, — говоритъ одинъ изъ нихъ.[99] — „Отъ судьи требуемъ мы права, а не милости. По совокупности условій своего положенія, судьи не могутъ имѣть никакого притязанія на право

помилованія. Право помилованія есть чадо державности. Въ монархіяхъ оно составляетъ право, до того свойственное главѣ государства, какъ личному представителю державности, что мы не можемъ даже и представить себѣ монархическаго владыку безъ права помилованія. Стоя высоко надъ отдѣльными партіями, несвязанный законами, а потому вполнѣ отвѣтственный предъ своею совѣстью, глава государства является самымъ пригоднымъ органомъ права помилованія. Такъ какъ невозможно, чтобы глава государства разсматривалъ самъ всѣ просьбы о помиловаиіи, то онъ долженъ прибѣгнуть къ сторонней помощи. Было бы весьма цѣлесообразно, ежели бы подобная помощь была возложена на коллегіальное учрежденіе".

Профессоръ Тимме, съ своей стороны, пишетъ: „Безъ юридическаго элемента, конечно, нельзя обойтись при предварительныхъ обсужденіяхъ прошеній о помиловаиіи. Но ежели къ этому притянуть только однихъ юристовъ, то помилованіе будетъ разсматриваться съ чисто юридической точки зрѣнія и тѣмъ затмится настоящее значеніе милости".

Равнымъ образомъ Статсъ-Секретарь возражалъ и противъ предположенія о передачѣ прошеній этого рода отъ лицъ, осужденныхъ военными судами, Военному Министру, а морскими— Морскому Министру. Сосредоточеніе всѣхъ просьбъ о помиловаиіи въ одномъ учрежденіи, совершенно независимомъ, представляется существенно необходимымъ потому, что только единствомъ и однообразнымъ разрѣшеніемъ ихъ могутъ вполнѣ удовлетвориться требованія справедливости. Съ распредѣленіемъ же этихъ просьбъ между тремя вѣдомствами, въ каждомъ изъ нихъ выработается особая практика, угрожающая совершеннымъ разнообразіемъ въ смягченіи участи лицъ, равно виновныхъ, но осужденныхъ судами разныхъ вѣдомствъ.

Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, не внявъ приведеннымъ соображеніямъ Князя Долгорукаго, въ существѣ одобрило проектъ Коммисіи Ковалевскаго, но дополнило его пожеланіемъ, чтобы Командовавшій Императорскою Главною Квартирою, въ отношеніи производства дѣлъ по всеподдан-

нѣйшимъ ходатайствамъ, былъ изъятъ изъ подчиненія Военному Министру, а Канцелярія была учреждена не въ составѣ, а при Императорской Главной Квартирѣ.[100]

30 Мая 1884 г. Государь Императоръ, разсмотрѣвъ представленный на Высочайшее утвержденіе проектъ Коммисіи Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Ковалевскаго и мнѣніе Государственнаго Совѣта, повелѣть соизволилъ:

„Коммисію Прошеній, должность Статсъ-Секретаря и состоящую при немъ Канцелярію упразднить, обязанность принятія и направленія приносимыхъ на Высочайшее Имя прошеній и жалобъ возложить на Командующаго Императорскою Главною Квартирою, при которой учредить для дѣлопроизводства Канцелярію по принятію прошеній, а предварительное разсмотрѣніе всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія Департаментовъ Правительствующаго Сената поручить Временному при Государственномъ Совѣтѣ Присутствію".

20 Іюня того же года состоялось послѣднее засѣданіе Коммисіи Прошеній. Было прочитано приведенное Высочайшее повелѣніе, выслушавъ которое, Коммисія постановила:

„Занести о семъ въ журналъ".

ГЛАВА XVI.

Такъ окончило свое существованіе Учрежденіе, основанное „для безпрестаннаго надзора за отправленіемъ суда и за наблюденіемъ законовъ и справедливости въ высшихъ мѣстахъ судебныхъ и правительственныхъ“.

На протяженіи 74 лѣтъ оно служило Правительству орудіемъ борьбы съ судебною неправдою и злоупотребленіями властью, а также дѣлу Монаршаго Милосердія. Разрѣшивъ около 75.000 всеподданнѣйшихъ жалобъ и свыше 600.000 прошеній, Коммисія посильно исполнила свой долгъ. Не ея вина, если сдѣланныя усилія не оздоровили атмосферу дореформеннаго строя: условія государственнаго быта и культурный уровень самого общества были таковы, что всѣ благія начинанія Вѣнценосныхъ Хозяевъ Русской Земли оказывались безсильными въ этомъ отношеніи.

Преобразованіе судебной части Императоромъ Александромъ II влило новыя силы въ дѣло отправленія юстиціи и лишило смысла дальнѣйшее существованіе Коммисіи Прошеній, какъ судебной инстанціи. Но, наряду съ этимъ, цѣлый рядъ коренныхъ реформъ, оживившихъ общественную жизнь и призвавшихъ къ гражданскому бытію новые классы населенія, съ теченіемъ времени породилъ новыя группы взаимоотношеній и интересовъ, столкновеніе которыхъ не всегда могло находить себѣ справедливое разрѣшеніе въ дѣйствующемъ законѣ. Необходимо было, взамѣнъ отжившаго по формѣ органа Монаршаго Милосердія, каковымъ представлялась Коммисія Прошеній въ концѣ царствованія Царя-Освободителя, создать такое Установленіе, которое открывало подданнымъ прямой доступъ къ подножію Престола, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, было поставлено въ независимость отъ сторонніхъ вліяній. Таковымъ, по мысли законодателя, и явилась Канцелярія Прошеній, сначала, въ видѣ опыта, учрежденная при Императорской Главной Квартирѣ, а позднѣе преобразованная уже въ самостоятельное Главное Управленіе, ибо безпристрастный языкъ цифръ, почерпаемыхъ изъ статистики поступающихъ прошеній, привелъ Правительство къ убѣжденію, что жизнь столь

обширной страны, какъ Россія, съ ея многосторонними требованіями и крайне сложными общественными условіями, будетъ постоянно опережать законъ, выдвигая безчисленныя нужды, которыя никакими правилами предусмотрѣны быть не могутъ. Страдающими въ этой вѣчно бѣгущей впередъ житейской волнѣ являются нерѣдко не испорченные, а слабые члены общества, для которыхъ борьба за существованіе представляется непосильною задачею. Для спасенія этихъ слабыхъ, для помощи имъ въ несчастіи и должно служить обновленное Учрежденіе, вѣдающее отнынѣ дѣла Монаршаго Милосердія и призванное примирять вѣчное противорѣчіе между суровымъ закономъ и требованіями высшей справедливости.

1884—1895 гг.

КАНЦЕЛЯРІЯ ПРОШЕНІЙ, НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ ПРИНОСИМЫХЪ.

ГЛАВА I.

Въ Воскресенье, 24 Іюня 1884 г., въ 1 часъ 30 минутъ дня состоялось освященіе Канцеляріи Прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ. Послѣ молебна и окропленія святою водою всего помѣщенія, Командовавшій Императорскою Главною Квартирою, Генералъ-Адъютантъ Рихтеръ обратился къ собравшимся съ привѣтствіемъ, въ которомъ выяснилъ значеніе и задачи преобразованнаго Учрежденія.

Во Вторникъ Канцелярія уже приступила къ занятіямъ. Были назначены пріемные дни, одинъ у Командовавшаго [101] и три у Начальника Канцеляріи, [102] причемъ вначалѣ на пріемы допускались только лица, вызывавшіяся особыми повѣстками. Вскорѣ, однако, порядокъ этотъ измѣнился и пріемная Канцеляріи широко раскрыла свои двери всѣмъ, кто нуждался въ личныхъ объясненіяхъ. Прошенія принимались ежедневно, или на пріемахъ, или же дежурными чиновниками, а справки выдавались только по дѣламъ о пособіяхъ.

На основаніи временнаго штата, утвержденнаго Государемъ Императоромъ 30 Мая 1884 г., Канцелярія состояла изъ 28 чиновъ. Во главѣ стоялъ Начальникъ Канцеляріи, числившійся въ IV классѣ. Затѣмъ слѣдовали: Юрисконсультъ, отнесенный къ тому же классу, 4 Дѣлопроизводителя V класса, 4 Старшихъ Помощника Дѣлопроизводителя VI класса, 4 Младшихъ Помощника VII класса, Архиваріусъ VI класса, онъ же Казначей и Экзекуторъ, его Помощникъ VIII класса, Журналистъ VIII класса, его Помощникъ IX класса и 10 чиновниковъ для письма X класса.

20 Января 1886 г. дополнительно была учреждена должность Помощника Начальника Канцеляріи и отпущено 30.000 р. въ годъ на усиленіе состава Канцеляріи по усмотрѣнію Командовавшаго Императорскою Главною Квартирою.

Временный штатъ 1884 г. просуществовалъ, однако, не болѣе 7 лѣтъ. Быстрое развитіе дѣятельности обновленнаго органа Монаршаго Милосердія создало необходимость внести, сообразно указаніямъ опыта, нѣкоторыя измѣненія въ его внутреннее устройство и значительно дополнить его личный

составъ. Поэтому 22 Января 1891 г. Государь соизволилъ на утвержденіе новаго штата Канцеляріи, которымъ число чиновъ ея было удвоено, т. е. опредѣлено въ 56 человѣкъ. Должность Юрисконсульта была упразднена, взамѣнъ его былъ учрежденъ второй Помощникъ Начальника Канцеляріи въ V классѣ. Прибавлены: 1 Дѣлопроизводитель, 6 Старшихъ его Помощниковъ и 5 Младшихъ, установлены должности: Секретаря Канцеляріи, въ VII классѣ, 2 Чиновниковъ для порученій, въ томъ же классѣ, Казначея, въ VI классѣ, и его Помощника въ VII, второго Помощника Журналиста и 10 чиновниковъ для письма. Должность же Помощника Архиваріуса упразднена.

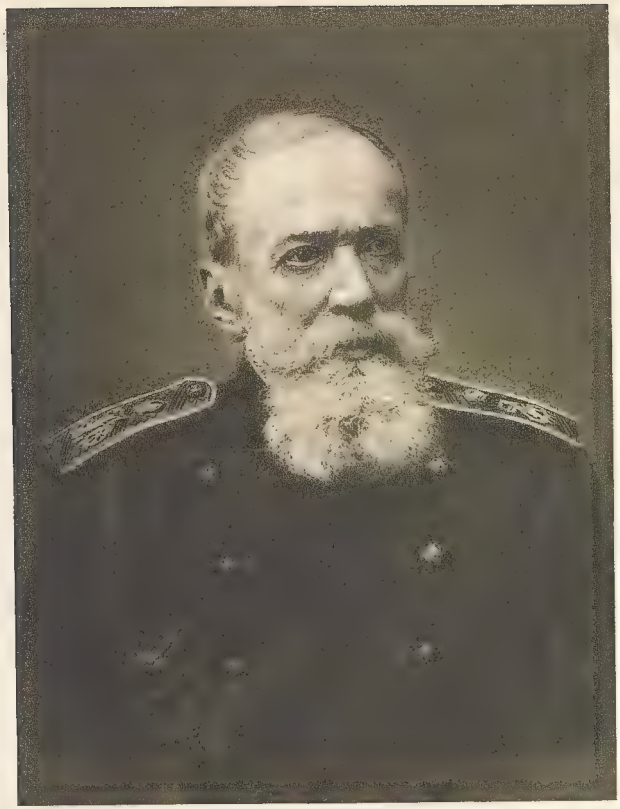
Сверхъ того, по Высочайшему повелѣнію 25 Августа 1893 г., для исполненія особо важныхъ порученій по Канцеляріи, въ распоряженіе Командовавшаго Императорскою Главною Квартирою былъ предоставленъ Штабъ-Офицеръ Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ.

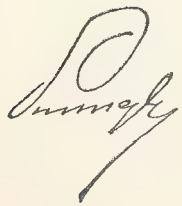
Вновь образованная Канцелярія нашла себѣ временный пріютъ въ домѣ № 37 по Моховой улицѣ. Немного времени спустя она покинула это помѣщеніе для другого, болѣе соотвѣтствовавшаго ея значенію.

Въ 1884 г. Правительство пріобрѣло у Великой Княгини Маріи Николаевны принадлежавшій Ея Высочеству Дворецъ. Для разсмотрѣнія общаго вопроса о томъ, какія Высшія Учрежденія можно въ немъ помѣстить, было образовано Особое Совѣщаніе въ составѣ Предсѣдателя Департамента Экономіи Государственнаго Совѣта, Государственнаго Секретаря и Министровъ Финансовъ и Императорскаго Двора, которое пришло къ заключенію, что во Дворецъ слѣдовало перевести Государственный Совѣтъ, Комитетъ Министровъ и Канцелярію Прошеній. Это мнѣніе, въ 29 день Іюня 1884 г., удостоилось Высочайшаго утвержденія и вскорѣ было приведено въ исполненіе.

Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени Канцелярія помѣщается въ Маріинскомъ Дворцѣ.

Утвержденное на новыхъ началахъ дѣло Монаршаго Милосердія было ввѣрено Генералъ-Адъютанту Оттону Борисо-





Н. Воейковъ

вичу Рихтеру, „благородному Рихтеру“,—какъ выразился одинъ изъ его современниковъ,—имѣвшему счастіе пользоваться довѣріемъ Государей, Которымъ служилъ.

„Оттонъ Борисовичъ былъ вѣрнымъ другомъ и честнымъ слугою моего Дѣда и Отца. Я его любилъ и уважалъ, какъ самаго близкаго Мнѣ человѣка“. Такими словами благоугодно было Государю Императору Николаю Александровичу осчастливить вдову Рихтера въ день кончины ея мужа 2 Марта 1908 г.

Съ Своей стороны, въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ III, въ рескриптѣ на имя Рихтера, изволилъ начертать:

„Я призвалъ васъ, въ 1881 г., на постъ Командующаго Императорскою Главною Квартирою, а вслѣдъ затѣмъ возложилъ на васъ и обязанности по бывшей Коммисіи Прошеній. Въ этой разнородной дѣятельности, сочетая служеніе долгу съ побужденіемъ искренней сердечности, вы были вѣрнымъ проводникомъ Царскаго Милосердія“.

Генералъ-Адъютантъ Рихтеръ, родившійся въ 1830 г., окончилъ первымъ курсъ наукъ въ Пажескомъ Корпусѣ. Поступивъ затѣмъ на военную службу и пройдя послѣдовательно всю лѣстницу военной іерархіи до высшихъ ея степеней, онъ съ отличіемъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ кампаніяхъ. Въ 1881 г. онъ былъ призванъ на постъ Командующаго Императорскою Главною Квартирою, а въ 1887 г. назначенъ Членомъ Государственнаго Совѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ счастіе состоять при Особѣ Его Императорскаго Величества.

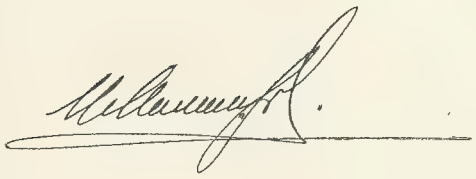
Ближайшими сотрудниками Генералъ-Адъютанта Рихтера по принятію и направленію всеподданнѣйшихъ прошеній были: Помощникъ Командующаго Императорскою Главною Квартирою, Генералъ-Адъютантъ, Оберъ-Камергеръ Николай Васильевичъ Воейковъ и Начальникъ Канцеляріи, Тайный Совѣтникъ Илья Степановичъ Мамантовъ.

Первый, родившійся въ 1832 г., всю жизнь провелъ въ военной службѣ, съ 1883 г. состоялъ Помощникомъ Командующаго Императорскою Главною Квартирою и скончался въ 1898 г.

Второй родился въ 1838 г. Окончивъ курсъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ, онъ поступилъ на службу въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній. Пробывъ затѣмъ нѣкоторое время въ бывшемъ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, онъ получилъ назначеніе на должность Старшаго Чиновника Второго Отдѣленія (Кодификаціоннаго Отдѣла) Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, откуда и перешелъ въ 1884 г. на постъ Начальника вновь образованной Канцеляріи Прошеній.

По выраженію одного изъ многочисленныхъ некрологовъ, посвященныхъ памяти И. С. Мамантова, когда 17 Ноября 1886 г. смерть пресѣкла его служебную дѣятельность, онъ былъ „тотъ прекрасный въ самомъ высокомъ значеніи этого слова человѣкъ, котораго Генералъ-Адъютантъ Рихтеръ имѣлъ счастье найти и выбрать для завѣдыванія всѣми дѣлами Канцеляріи Прошеній, въ томъ видѣ, въ какомъ она была переустроена. Это былъ труженикъ своего дѣла и другъ всѣхъ безъ исключенія нуждавшихся, приходившихъ къ нему въ ожиданіи не только дѣлового, но сердечнаго, христолюбиваго и душевнаго вниманія“...

Его преемникомъ въ дѣлѣ окончательнаго устроенія дѣлопроизводства Канцеляріи былъ, временно приглашенный съ Высочайшаго соизволенія, Тайный Совѣтникъ Карлъ Васильевичъ Шнейдеръ, уступившій 24 Декабря 1886 г. мѣсто Графу Петру Александровичу Гейдену; послѣ него, 28 Октября 1890 г., былъ назначенъ Тайный Совѣтникъ Алексѣй Александровичъ Нейдгартъ и, наконецъ, послѣднимъ начальникомъ Канцеляріи, начиная съ 3 Мая 1893 г. и до ея преобразованія въ Главное Управленіе, состоялъ Баронъ Александръ Андреевичъ Будбергъ, нынѣ Главноуправляющій Канцеляріею Его Императорскаго Величества по принятію прошеній.



ГЛАВА II.

Высочайше утвержденными въ 9 день Іюня 1884 г. Временными Правилами Командовавшій Императорскою Главною Квартирою поставлялся, въ отношеніи пріема и направленія всеподданнѣйшихъ прошеній и жалобъ, въ независимость отъ какой бы то ни было власти, кромѣ Верховной, съ предоставленіемъ ему права засѣдать въ Высшихъ Государственныхъ Установленіяхъ при обсужденіи дѣлъ, внесенныхъ имъ въ таковыя. Онъ могъ принимать къ своему разсмотрѣнію: 1) жалобы на опредѣленія Департаментовъ Правительствующаго Сената, кромѣ Кассаціонныхъ, и на дѣйствія или распоряженія Главныхъ Начальниковъ вѣдомствъ и Генералъ-Губернаторовъ, если жалобщиками были исчерпаны всѣ способы, указанные закономъ, къ защитѣ ихъ правъ и интересовъ; 2) прошенія о Милостяхъ, не подходящихъ подъ дѣйствіе общаго закона, когда дарованіе ихъ не нарушало ничьи законные интересы и гражданскія права, и 3) ходатайства о помилованіи и смягченіи участи осужденныхъ или отбывающихъ наказаніе.

Столь широкій, на первый взглядъ, кругъ вѣдомства Канцеляріи Прошеній суживался дальнѣйшими статьями Правилъ до весьма скромныхъ предѣловъ. Жалобы на Сенатъ подлежали передачѣ въ Особое Присутствіе при Государственномъ Совѣтѣ, прошенія о Милостяхъ, если онѣ были сопряжены съ изъятіемъ изъ закона или съ интересомъ казны, долженствовали быть препровождаемы въ соотвѣтствующія вѣдомства, а просьбы о помилованіи или о смягченіи участи отсылались къ тѣмъ Министрамъ, въ управленіи которыхъ находились суды, постановившіе приговоры.

Такимъ образомъ, дѣятельность Учрежденія, образованнаго по мысли Монарха, чтобы „приблизить“ къ Нему заботы о прибѣгающихъ къ подножію Престола, въ дѣйствительности сводилась къ роли передаточной инстанціи, распредѣлявшей всеподданнѣйшія прошенія между заинтересованными вѣдомствами и сохранявшей за собою лишь скромное право оказывать единовременную денежную помощь и воспринимать

новорожденныхъ отъ Св. Купели Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Именемъ.

Въ сознаніи ненормальности, созданной такимъ положеніемъ вещей, Генералъ-Адъютантъ Рихтеръ, уже по истеченіи года со дня открытія дѣятельности ввѣренной ему Канцеляріи, вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о необходимости расширенія круга ея вѣдомства. Въ этихъ видахъ онъ проектировалъ разрѣшить принесеніе жалобъ на Высшія Государственныя Установленія, а равно возложить на Канцелярію разсмотрѣніе по существу ходатайствъ о помилованіи или смягченіи участи.

Обсужденіе этой мысли Государь поручилъ Особому Совѣщанію подъ предсѣдательствомъ бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ Графа Толстого, которое признало, однако, болѣе удобнымъ отложить еще на нѣкоторое время разрѣшеніе настоящаго вопроса.

Въ 1889 г. Рихтеръ внесъ на Высочайшее благоволеніе новый проектъ, не только повторившій пожеланія, выраженныя въ предыдущемъ, но и полагавшій необходимымъ предоставить Канцеляріи право рѣшать по существу прошенія о Милостяхъ, дарованіе которыхъ сопряжено съ изъятіемъ изъ закона или съ казеннымъ интересомъ. Въ отношеніи же самаго порядка разсмотрѣнія дѣлъ онъ предполагалъ вернуться къ коллегіальному началу.

Проектъ былъ послѣдовательно обсужденъ въ образованной для этого Коммисіи подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Стояновскаго, а затѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ, которые, согласившись лишь съ мыслью о допущеніи жалобъ на Высшія Государственныя Установленія, высказались за сохраненіе во всемъ прочемъ Временныхъ Правилъ 1884 г.

Это мнѣніе, въ 21 день Марта 1890 г., удостоилось Высочайшаго утвержденія.

Таковы были условія, при которыхъ стала развиваться дѣятельность новаго Учрежденія. Однако, съ первыхъ же лѣтъ своего существованія, оно начало нерѣдко выходить изъ пре-

На выдачу единовременныхъ пособій разнымъ лицамъ, обращающимся къ Монаршимъ щедротамъ, ассигнуется къ отпуску изъ Государственнаго Казначейства, по смѣтѣ Канцеляріи по принятію прошеній:

По вѣдомостямъ, представляемымъ ежемѣсячно..... 34 000 руб.

По особымъ всеподданнѣйшимъ докладамъ..... 33 000 —

Сверхъ того, на тотъ же предметъ отпускается:

Изъ суммы въ непосредственномъ Высочайшемъ распоряженіи состоящей..... 32 000 —

Изъ суммъ Министерства Императорскаго Двора..... 25 000 —

Всего..... 124 000 —

Всеподданнѣйшій докладъ Генер.-Адъютанта Рихтера съ Собственноручною резолюціею Императора Александра III.

дѣловъ, отмежеванныхъ ему закономъ; съ другой стороны, Министерства, по цѣлому ряду дѣлъ, не настаивали на осуществленіи своего права разсматривать по существу всеподданнѣйшія ходатайства, и, такимъ образомъ, на практикѣ, какъ бы по молчаливому соглашенію съ вѣдомствами, Канцелярія получила нѣкоторую долю самостоятельности, въ которой отказывалъ ей законъ. Несомнѣнно, что въ упроченіи такого положенія вещей сыграло извѣстную роль неудобство для Министерствъ отмѣнять, въ путяхъ Милости, свои собственныя рѣшенія, постановленныя ранѣе на основаніи закона, а равно и сознаніе, что для просителей было бы неубѣдительно выслушивать вторичные отказы отъ чиновниковъ, когда именно на дѣйствія ихъ или ихъ подчиненныхъ жалобщики апеллировали къ Верховной справедливости Царя.

Подобные случаи, какъ доказываетъ обозрѣніе отчетовъ о дѣятельности Канцеляріи, наблюдались по самымъ разнороднымъ дѣламъ. Такъ напримѣръ, назначеніе пенсій внѣ правилъ, сложеніе казенныхъ взысканій, предоставленіе служебныхъ преимуществъ, узаконеніе или усыновленіе дѣтей и даже помилованія, къ которымъ особо ревниво относится судебное вѣдомство, — всѣ эти ходатайства, несомнѣнно сопряженныя съ казеннымъ интересомъ или съ изъятіемъ изъ закона, получали, однакоже, разрѣшеніе по Канцеляріи Прошеній.

Вообще, изученіе статистическихъ данныхъ о движеніи дѣлъ за все время царствованія Императора Александра III свидѣтельствуетъ о послѣдовательномъ развитіи дѣятельности новаго Учрежденія подъ вліяніемъ непрерывнаго увеличенія количества ежегоднаго поступленія всеподданнѣйшихъ прошеній.

Въ теченіе 74-лѣтняго существованія Коммисіи Прошеній средняя цифра возбуждавшихся каждый годъ ходатайствъ и жалобъ опредѣлялась десятью и одиннадцатью тысячами. Между тѣмъ конецъ 80-хъ годовъ XIX столѣтія даетъ, въ среднемъ, болѣе 21.000 въ годъ, при 19.000 входящихъ и 29.000 исходящихъ бумагъ. Послѣдній же годъ царствованія Императора Александра III возвышаетъ переписку по дѣламъ до 70.000 входящихъ и исходящихъ нумеровъ.

Число всѣхъ удовлетворявшихся ходатайствъ равнялось приблизительно 26% въ годъ, причемъ наибольшее количество относилось къ пособіямъ (50%), узаконеніямъ и усыновленіямъ (50%) и семейнымъ несогласіямъ (50%).

Наряду съ увеличеніемъ цифры прошеній потребовалось увеличить и денежныя средства, отпускавшіяся на удовлетвореніе ходатайствъ о пособіи.

Вначалѣ Канцелярія могла располагать лишь суммою, которою послѣднее время пользовалась Коммисія Прошеній. Однако, уже съ 1884 г. Министерство Двора, по случаю прекращенія разсмотрѣнія въ немъ ходатайствъ о пособіяхъ,[103] стало ассигновывать въ ея распоряженіе ежегодно 25.000 р. Скоро и этихъ денегъ оказалось недостаточно. Тогда Государь, въ 27 день Ноября 1885 г., Всемилостивѣйше соизволилъ на отпускъ изъ суммы, состоящей въ непосредственномъ Высочайшемъ распоряженіи, вмѣсто 32.000 р. по 50.000 въ годъ. Съ 1-го же Января 1888 г. эта цифра была увеличена до 100.000 р.

Такимъ образомъ, къ концу царствованія Императора Александра III въ бюджетѣ Канцеляріи для выдачи пособій ежегодно находилось:

1) По смѣтѣ изъ суммъ Государственнаго Казначейства . . . . . 67.000 р.
2) Изъ суммъ Министерства Императорскаго Двора. . . . . 25.000 „
3) Изъ суммы, въ непосредственномъ Высочайшемъ распоряженіи состоящей. . . 100.000 „

А всего. . . . 192.000 р.

ГЛАВА III.

Переходя къ обозрѣнію характера дѣятельности Учрежденія, вѣдавшаго при Императорѣ Александрѣ III дѣла Монаршаго Милосердія, нельзя прежде всего не отмѣтить заботы Его Величества о правильномъ и незамедлительномъ дѣлопроизводствѣ.

„Почему такое пустое рѣшеніе просьбы затянулось цѣлый годъ?“ „Необходимо принять дѣйствительныя мѣры противъ медленности въ разсмотрѣніи дѣлъ“,—писалъ Государь на всеподданнѣйшихъ докладахъ и представляемыхъ справкахъ.

Съ неменьшимъ вниманіемъ относился Государь къ формѣ и къ содержанію всеподданнѣйшихъ докладовъ, постоянно слѣдя за обстоятельностью изложенія дѣла и полнотою собранныхъ по прошенію предварительныхъ свѣдѣній и неуклонно дѣлая указанія на замѣчаемые недостатки. „Какое же заключеніе?..“ „Куда просьба должна быть направлена?..“ „Ничего въ докладѣ не сказано“... „Не вижу изъ доклада, чтобы фактъ былъ провѣренъ“... „Такъ ли это, справокъ не вижу, а ее (просительницу) совсѣмъ не знаю“.

Весьма часто, встрѣчая сомнѣнія въ правильности даннаго дѣлу направленія, Государь требовалъ разъясненій. „Никакихъ свѣдѣній отъ военнаго начальства не представлено: почему?“ написано на докладѣ прошенія вдовы военнаго, ходатайствовавшей о пособіи. Въ другомъ случаѣ, при представленіи къ подписанію указа объ увольненіи въ отставку одного изъ высшихъ должностныхъ лицъ Канцеляріи, Его Величество спрашивалъ: „развѣ онъ былъ назначенъ на это мѣсто Указомъ Сенату?“.

Отъ бдительнаго взора Императора не могла укрыться ни одна обмолвка, такъ какъ Онъ знакомился съ дѣлами, читая не только самый докладъ, но и просматривая приложенную къ нему переписку. Такъ, въ одномъ дѣлѣ Государь замѣтилъ разницу въ цифрахъ, проставленныхъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ и помѣщенныхъ въ приложенномъ къ докладу отзывѣ по дѣлу, и потребовалъ разъясненія замѣченнаго противорѣчія.

Слѣдя такимъ образомъ за дѣятельностью Канцеляріи, Государь, въ то же время, давалъ указанія и о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя признавалъ необходимымъ вводить въ ея внутреннихъ распорядкахъ.

Такимъ путемъ, на основаніи Высочайшихъ указаній, взамѣнъ одного письменнаго всеподданнѣйшаго доклада по Канцеляріи, установлено было по два доклада въ недѣлю—одинъ письменный, другой устный; введенъ былъ еженедѣльный, взамѣнъ мѣсячнаго, всеподданнѣйшій докладъ вѣдомостей о назначеніи пособій въ суммѣ менѣе ста рублей; выработана новая, упрощенная, форма докладовъ по ходатайствамъ о назначеніи пенсій; установленъ новый порядокъ, по которому конверты, адресованные къ подачѣ въ Собственныя Его Величества руки, а равно и всеподданнѣйшія прошенія, приносимыя отъ имени дворянскихъ обществъ, представлялись непосредственно Государю Императору; разработаны новыя правила о порядкѣ разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ прошеній о пособіи, приносившихся жителями губерній Царства Польскаго, и т. п.

Но еще большее вниманіе Государь удѣлялъ вопросу о порядкѣ направленія и разрѣшенія тѣхъ или иныхъ дѣлъ по существу.

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ остановиться прежде всего на ходатайствахъ объ оказаніи Монаршей Милости.

Наибольшее количество прошеній такого рода представляютъ собою просьбы о помилованіи и ходатайства о дарованіи единовременныхъ или постоянныхъ пособій.

Какъ уже извѣстно, прошенія о помилованіи передаются въ подлежащія вѣдомства. Поэтому въ дѣлахъ Канцеляріи не имѣется достаточно данныхъ, чтобы вывести обстоятельное заключеніе объ отношеніи Императора къ подобнаго рода ходатайствамъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи нѣсколькихъ, хотя и немногочисленныхъ, случаевъ всеподданнѣйшихъ докладовъ по Канцеляріи Прошеній ходатайствъ о помилованіи, взглядъ Государя на нѣкоторые отдѣльные виды преступныхъ дѣяній представляется въ достаточной мѣрѣ полно очерчен-

нымъ. Ознакомленіе съ этими данными указываетъ, что Императоръ чрезвычайно строго относился къ случаямъ нарушенія воинской дисциплины и требовалъ, чтобы совершившій преступленіе, даже и при наличности смягчающихъ для него обстоятельствъ, могъ получить облегченіе своей участи не ранѣе, какъ послѣ отбытія имъ въ теченіе нѣкотораго времени хотя части наложеннаго на него наказанія. „Преступленіе для военнаго слишкомъ тяжелое", или „Я это дѣло знаю, еще рано прощать его",—писалъ на докладахъ Государь.

Въ отношеніи другихъ преступленій Его Величество придавалъ большое значеніе характеру совершеннаго дѣянія. Такъ, на ходатайство родственниковъ одного убійцы, Онъ изволилъ отозваться: „убійство было мерзкое и гадкое". Въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе было совершено людьми мало развитыми и принадлежавшими къ низшимъ сословіямъ, въ особенности если преступникъ былъ осужденъ дореформеннымъ судомъ, Государь даже шелъ дальше доклада и, взамѣнъ испрашиваемаго смягченія участи, снисходилъ на полное помилованіе.

Гораздо рельефнѣе обрисовывается взглядъ Императора Александра III на ходатайства о пособіи, составлявшія значительный процентъ поступавшихъ на Высочайшее Имя прошеній.

Относясь съ крайнею осмотрительностью къ расходованію суммъ, опредѣленныхъ на удовлетвореніе многочисленныхъ просьбъ о денежной помощи, Государь постоянно и неуклонно высказывалъ желаніе искоренить попрошайничество и оказывалъ воспособленіе лишь лицамъ, дѣйствительно нуждавшимся и имѣвшимъ особое нравственное основаніе прибѣгать къ Царской помощи. При этомъ Его Величество неоднократно указывалъ, что помощь эта должна быть лишь временною, въ цѣляхъ облегченія положенія просителя отъ неожиданно приключившагося съ нимъ несчастія, но отнюдь не повторяться, дабы не придавать подобнымъ пособіямъ характеръ постоянныхъ пенсій. „Ежегодныя выдачи все тѣмъ же лицамъ",—писалъ Императоръ на одномъ изъ докладовъ о лицѣ, неодно-

кратно уже получавшемъ денежное воспособленіе,—„Я нахожу совершенно неправильнымъ. Я получаю такую массу прошеній о пособіи и никогда еще не видѣлъ ихъ въ докладахъ, а постоянно все тѣ же лица являются въ еженедѣльномъ докладѣ, которыя считаютъ эти пособія обязательными и какъ будто пенсіями".

Этотъ взглядъ Государь послѣдовательно проводилъ во все время Своего царствованія, и повторительныя прошенія о пособіи, въ особенности мало обоснованныя или не вызванныя особо исключительными обстоятельствами, глубоко возмущали Его Величество. „Пора и честь знать, и безъ нея много нуждающихся", — начертано на одной подобной просьбѣ. „Получаетъ ли она и до сихъ поръ 1.000 р. ежегодно? Если да, то не нахожу причины выдавать еще единовременно".—„На этотъ разъ можно, но она страшная попрошайка"..... „Это выходитъ, какъ пенсія"... „Когда же будетъ въ послѣдній разъ? значитъ, это только пустая фраза?"—написалъ однажды Государь на всеподданнѣйшемъ докладѣ.

Помимо нежеланія удовлетворять повторительныя ходатайства, стремленіе Императора къ бережливости въ расходованіи ассигнованныхъ на выдачу пособій средствъ сказывалось и въ суммѣ назначавшихся пособій. Нерѣдко Государь уменьшалъ цифру испрашиваемой выдачи, указывая, что и назначаемая Имъ сумма представляется вполнѣ достаточною.

Осторожность въ удовлетвореніи ходатайствъ о пособіи не служила, однако, для Императора препятствіемъ бывать крайне щедрымъ и изъявлять согласіе на удовлетвореніе подобныхъ прошеній, даже вопреки отзывамъ подлежащихъ вѣдомствъ, въ тѣхъ случаяхъ, которые Его Величество признавалъ заслуживавшими особаго вниманія. Къ подобнаго рода дѣламъ относилъ Государь, между прочимъ, ходатайства о пособіи въ вознагражденіе за вредъ или убытки, причиненные дѣйствіями или распоряженіями должностныхъ лицъ.

Крайне тепло относился также Императоръ къ тѣмъ изъ просителей, которые, начавъ какое либо общеполезное или благотворительное дѣло, какъ то: учредивъ ремесленныя ма-

стерскія, общежитія для учащихся и т. п., вслѣдствіе несчастно сложившихся обстоятельствъ, нуждались въ средствахъ къ жизни или къ продолженію начатаго ими дѣла.

Въ заключеніе нельзя не указать, что увеличеніе на крупную цифру суммы, ежегодно отпускаемой изъ Собственныхъ Его Императорскаго Величества средствъ въ распоряженіе Канцеляріи по принятію прошеній на удовлетвореніе все возрастающаго количества всеподданнѣйшихъ прошеній о пособіи, въ достаточной мѣрѣ доказываетъ, что проявлявшаяся Его Величествомъ осмотрительность при назначеніи денежныхъ пособій обусловливалась, главнымъ образомъ, лишь чисто принципіальными соображеніями, а равно желаніемъ, путемъ отказовъ по просьбамъ, недостаточно обоснованнымъ, сохранить необходимыя средства для оказанія помощи въ тѣхъ случаяхъ, когда просители дѣйствительно въ ней нуждались и были ея достойны.

Характерною представляется также черта Императора относить въ нѣкоторыхъ случаяхъ выдачу болѣе или менѣе крупныхъ суммъ на Собственныя средства Его Величества. Проявлялось это, обыкновенно, когда Государь, признавая справедливымъ оказать значительную денежную помощь, желалъ въ то же время придать подобной Милости характеръ личнаго пожалованія или не хотѣлъ обременять Государственное Казначейство сверхсмѣтнымъ расходомъ. Изъ подобнаго рода дѣлъ можно, напримѣръ, указать на прошеніе крестьянъ одной изъ сѣверныхъ губерній, ходатайствовавшихъ о выдачѣ имъ ссуды въ 5.000 р. для окончанія сооруженія храма. Министръ Финансовъ предполагалъ выдать просителямъ изъ Государственнаго Казначейства 3.000 р. въ безвозвратное пособіе; Государь же приказалъ выдать крестьянамъ всѣ 5.000 р. изъ Собственныхъ Его Величества суммъ.

Въ тѣсной связи съ просьбами о пособіи стоятъ ходатайства объ оказаніи содѣйствія въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, такъ какъ весьма часто ходатайства эти, за неимѣніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ свободныхъ безплатныхъ вакансій, разрѣшаются выдачею просителямъ денежнаго воспособленія.

Въ этомъ отношеніи Государь держался того мнѣнія, что каждому надлежитъ воспитывать дѣтей сообразно своимъ средствамъ. Этотъ взглядъ Его Величество категорично выразилъ по слѣдующему дѣлу. Одна просительница ходатайствовала объ опредѣленіи ея сына въ Императорскій Александровскій Лицей пансіонеромъ Высочайшаго Имени. Въ докладѣ изъяснялось, что въ этомъ учебномъ заведеніи подобныхъ вакансій не существуетъ, а потому за сына просительницы придется ежегодно уплачивать по 800 рублей. „Изъ какихъ же это суммъ?"—написалъ на это Государь,—„и кромѣ Лицея и Правовѣдѣнія, имѣется возможность получить образованіе".

Однородный взглядъ высказалъ Императоръ и по другому ходатайству о дозволеніи поступить въ Императорское Училище Правовѣдѣнія сыну просителя, родъ котораго записанъ въ 3-ю, а не въ 6-ю часть дворянской родословной книги, какъ это требуется для поступленія въ названное учебное заведеніе. Признавая изложенное ходатайство неправильнымъ, Государь приказалъ подобныхъ просьбъ Ему впредь не представлять.

Въ общемъ, если Государь и признавалъ возможнымъ назначать въ нѣкоторыхъ случаяхъ пособіе на уплату за воспитаніе дѣтей, то допускалъ это лишь при наличности какихъ либо особо уважительныхъ обстоятельствъ, когда, напримѣръ, требовалось уплатить за послѣдній годъ воспитанія, или въ ожиданіи имѣющей открыться въ самомъ непродолжительномъ времени казеннокоштной вакансіи. При этомъ Его Величество всегда выражалъ желаніе, чтобы помощь эта имѣла лишь единовременный характеръ. „Платить за всѣхъ нѣтъ возможности",—неоднократно писалъ Государь на докладахъ. „Подобныя просьбы будутъ безъ конца. Я не нахожу возможнымъ воспитывать всѣхъ дѣтей просителей на казенный счетъ".

Изъявляя затѣмъ согласіе на предоставленіе учащимся могущихъ открыться казеннокоштныхъ вакансій въ тѣхъ заведеніяхъ, въ которыя они по своему происхожденію и образованію имѣли право поступить, Императоръ выражалъ, однако, при этомъ сомнѣніе въ возможности фактически осуще-

ствлять эти предположенія. Такъ, на предложеніе докладчика написать главному начальству подлежащаго вѣдомства объ опредѣленіи 3-хъ сиротъ въ различныя учебныя заведенія на безплатное содержаніе, Государь замѣтилъ: „написать можно, но сомнѣваюсь, чтобы можно было помѣстить всѣхъ троихъ—вакансій никогда нѣтъ и суммъ тоже нѣтъ".

Еще разборчивѣе относился Государь къ ходатайствамъ о предоставленіи вакансій пансіонеровъ Высочайшаго Имени въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ таковыя полагались по штату. Признавая подобную Милость исключительною, Государь требовалъ наличности особыхъ заслугъ для ея оказанія. „За нимъ еще никакихъ такихъ заслугъ нѣтъ, чтобы опредѣлить сына въ Училище Правовѣдѣнія"—Высочайше начертано было на докладѣ объ одномъ подобномъ ходатайствѣ. Затѣмъ, въ случаѣ согласія на удовлетвореніе означенныхъ просьбъ, Государь Высочайше разрѣшалъ предоставлять дѣтямъ просителей лишь право на занятіе вакансій, по мѣрѣ ихъ освобожденія. Многократно же повторяемыя ходатайства о предоставленіи подобныхъ вакансій сверхъ штата побудили Государя приказать на будущее время ограничиваться въ такихъ дѣлахъ лишь внесеніемъ дѣтей просителей въ кандидатскій списокъ пансіонеровъ Его Величества, замѣщая вакансіи постепенно, по мѣрѣ ихъ открытія.

Въ отношеніи разрѣшенія остальныхъ ходатайствъ объ оказаніи Монаршей Милости, съ особою твердостью и послѣдовательностью высказался Императоръ Александръ III за огражденіе дворянскаго сословія отъ введенія въ него элементовъ, не принадлежащихъ къ нему по праву. Въ этомъ смыслѣ чрезвычайно характеренъ рядъ Высочайшихъ резолюцій, которыми Государь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ отклонялъ ходатайства о предоставленіи усыновленнымъ дѣтямъ личнаго или потомственнаго дворянства. „Достаточно одной фамиліи" или „достаточно почетнаго гражданства",—неуклонно писалъ Государь на докладахъ.

Относительно направленія всеподданнѣйшихъ ходатайствъ о допущеніи изъятій изъ правилъ Императоръ Александръ III

держался того взгляда, что ходатайства эти подлежатъ удовлетворенію, главнымъ образомъ, въ тѣхъ случахъ, когда они вызываются отсутствіемъ, неполнотою или устарѣлостью существующихъ законовъ. Изъявляя согласіе на удовлетвореніе подобныхъ просьбъ, Государь въ то же время озабочивался скорѣйшимъ исправленіемъ, въ общемъ законодательномъ порядкѣ, несоотвѣтствующихъ требованіямъ времени отжившихъ законоположеній.

Такъ, въ первые же дни по вступленіи на Престолъ, усмотрѣвъ стѣснительность установленнаго въ 1858 г. Секретнаго Наставленія относительно разрѣшенія ходатайствъ объ узаконеніи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, Государь написалъ на докладѣ по поводу одного изъ дѣлъ этой категоріи: „Я желалъ вообще, чтобы пересмотрѣны были правила объ узаконеніи дѣтей и по этому вопросу снестись съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода". Конечнымъ результатомъ возбужденнаго такимъ путемъ вопроса явился законъ 12 Марта 1891 г. о дѣтяхъ узаконенныхъ и усыновленныхъ.

Подобнымъ же образомъ значительное поступленіе вызываемыхъ недостатками существовавшихъ законоположеній прошеній о предоставленіи служебныхъ правъ и наградъ и встрѣчавшіяся затрудненія въ направленіи и разрѣшеніи этихъ ходатайствъ послужили, повидимому, однимъ изъ основаній для начала законодательныхъ работъ, закончившихся учрежденіемъ Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и изданіемъ новыхъ правилъ о наградахъ.

Равнымъ образомъ затрудненія въ разрѣшеніи всеподданнѣйшихъ ходатайствъ о распространеніи на жителей Закавказскаго края права пользованія ссудами изъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка, а равно возникшее между Министрами Народнаго Просвѣщенія и Финансовъ разномысліе по вопросу о разрѣшеніи всеподданнѣйшихъ ходатайствъ о назначеніи пенсій домашнимъ учительницамъ побудили Государя приказать Министру Финансовъ внести оба эти вопроса, для обсужденія съ принципіальной стороны, въ Комитетъ Министровъ.

Въ заключеніе остается разсмотрѣть Высочайшія резолюціи по ходатайствамъ объ оказаніи Монаршаго покровительства въ дѣлахъ о семейныхъ несогласіяхъ и объ административномъ воздѣйствіи по семейнымъ или имущественнымъ дѣламъ.

Въ дѣлахъ первой категоріи въ Бозѣ почивающій Императоръ приказывалъ употреблять возможныя мѣры къ склоненію сторонъ къ миролюбивому соглашенію и только въ случаѣ полной неудачи и при наличности особыхъ обстоятельствъ допускать рѣшеніе дѣла принудительнымъ порядкомъ.

Еще болѣе осторожно высказывался Императоръ при разрѣшеніи ходатайствъ объ административномъ вмѣшательствѣ.

Строгій охранитель имущественныхъ интересовъ частныхъ лицъ и блюститель святости и непоколебимости семейныхъ началъ, Государь постоянно проводилъ этотъ взглядъ и въ Своихъ резолюціяхъ. „По моему, намъ нечего пока вмѣшиваться въ семейныя дѣла“... „Мнѣ кажется, что въ подобныя дѣла трудно вмѣшиваться“... „Я затрудняюсь брать на Себя подобныя рѣшенія“... „Воля завѣщателя не можетъ быть измѣнена“—писалъ Государь на всеподданнѣйшихъ докладахъ.

Чувство законности настолько сильно было развито въ Императорѣ, что Ему представлялась совершенно непонятною возможность не только благопріятнаго разрѣшенія, но даже и самаго обращенія со всеподданнѣйшими ходатайствами, удовлетвореніе которыхъ было бы сопряжено съ нарушеніемъ ограждаемыхъ закономъ правъ третьихъ лицъ. „Какъ можно просить объ этомъ?“—удивлялся Государь, читая изложеніе подобнаго ходатайства.

Но въ особо исключительныхъ случаяхъ, когда дѣло представлялось дѣйствительно вопіющимъ и требующимъ вмѣшательства, Государь не останавливался передъ рѣшительными мѣрами: „Прійдется дѣйствовать энергично и внѣ законовъ“—писалъ Государь на докладѣ одного подобнаго дѣла. Въ другомъ же случаѣ, когда проситель, подвергнутый штрафу въ 8.000 р. за злоупотребленіе по винокуренію, ходатайствовалъ о сложеніи съ него половины этой суммы, причитавшейся, въ видѣ вознагражденія, доносителю, который оказался его род-

нымъ сыномъ, Его Величество изволилъ начертать: „Послѣ постановленія судебнаго рѣшенія и врученія доносчику слѣдуемыхъ ему денегъ 4 т. р.—отобрать послѣднія для врученія ихъ отцу, такъ какъ нравственныя начала семейной жизни не допускаютъ, чтобы сынъ доносилъ на отца изъ за матеріальныхъ выгодъ, а не по долгу вѣрноподданнической присяги, причемъ казна вполнѣ будетъ удовлетворена, получивъ слѣдуемый ей штрафъ, а постановленіе суда доведено будетъ до конца".

При внимательномъ изученіи Высочайшихъ резолюцій Императора Александра III, вполнѣ самостоятельныхъ и независимыхъ ни отъ докладчика, ни отъ заключенія вѣдомствъ, передъ взоромъ изслѣдователя постепенно выясняется и вырастаетъ величавый обликъ Державнаго Печальника Русской Земли, стойкаго охранителя законовъ, неуклонно стремящагося къ выполненію Своего многотруднаго Царскаго подвига.

Глубоко вникая въ самыя мелкія проявленія нужды и чуткою душою отзываясь на горе неудавшихся семей, Государь никогда, однако, не дозволялъ Себѣ отступать отъ Своихъ коренныхъ убѣжденій и, широко раскрывая Свое сердце милости и прощенію, строго держался не разъ высказаннаго Имъ взгляда, что Милость не должна поощрять беззаконія, а доброта—попрошайничества.

1895—1910 гг.

КАНЦЕЛЯРІЯ ПРОШЕНІЙ, КАКЪ САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Десятилѣтній опытъ по завѣдыванію пріемомъ и направленіемъ всеподданнѣйшихъ прошеній привелъ Генералъ-Адъютанта Рихтера къ убѣжденію, что соединеніе въ одномъ лицѣ этихъ обязанностей съ другою должностью представляется существенно неудобнымъ, ибо Командующій Императорскою Главною Квартирою, раздѣляя свое время между этою послѣднею и Канцеляріею Прошеній, не могъ посвящать себя исключительно на служеніе дѣлу Монаршаго Милосердія. Признавъ поэтому, что польза дѣла безусловно требовала передачи всѣхъ правъ и обязанностей по пріему и направленію всеподданнѣйшихъ прошеній особому лицу, облеченному Монаршимъ довѣріемъ и сравненному, по своему положенію и служебнымъ преимуществамъ, въ виду важности возлагаемой задачи, съ высшими начальниками отдѣльныхъ частей государственнаго управленія, Генералъ-Адъютантъ Рихтеръ, 25 Февраля 1895 г., повергъ на Высочайшее благоволеніе мысль о выдѣленіи Канцеляріи Прошеній изъ состава Императорской Главной Квартиры, съ подчиненіемъ таковой особому Главноуправляющему и съ сохраненіемъ ея прежняго состава и основаній дѣятельности.

На другой день, 26 того же Февраля, Его Императорскому Величеству благоугодно было удостоить подписанія составленный въ этомъ смыслѣ Именной Высочайшій Указъ, которымъ повелѣвалось:

„I. Канцелярію Прошеній выдѣлить изъ состава Императорской Главной Квартиры и присвоить ей наименованіе „Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ“.

II. Впредь до учрежденія законодательнымъ порядкомъ должностей Главноуправляющаго Канцеляріею Его Императорскаго Величества по принятію прошеній и Товарища Главноуправляющаго, главное завѣдываніе пріемомъ прошеній и жалобъ оставить временно на обязанности Командующаго Императорскою Главною Квартирою на существующихъ основаніяхъ.

III. Командующему Императорскою Главною Квартирою немедленно составить и внести на уваженіе Государственнаго Совѣта предположенія объ учрежденіи должностей, означенныхъ выше въ статьѣ II, и о вызываемыхъ сею мѣрою измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ правилахъ о порядкѣ принятія и направленія прошеній и жалобъ". [104]

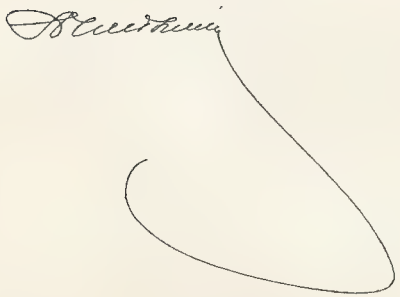
Во исполненіе Монаршей Воли Генералъ-Адъютантъ Рихтеръ вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ соотвѣтственнымъ представленіемъ, которое въ 20 день Марта того же года удостоилось Высочайшаго утвержденія. [105]

Вслѣдъ затѣмъ, 23 числа того же мѣсяца, Генералъ-Адъютантъ Рихтеръ представилъ къ подписанію Его Величества указъ о назначеніи Главноуправляющимъ преобразованною Канцеляріею Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Егермейстера Дмитрія Сергѣевича Сипягина.

Родившійся въ 1854 г. и окончившій курсъ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, Сипягинъ въ 1876 г. поступилъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, которую затѣмъ продолжалъ нѣкоторое время по выборамъ отъ дворянства въ качествѣ Уѣзднаго Предводителя Волоколамскаго уѣзда. Перейдя въ 1886 г. въ администрацію, онъ послѣдовательно былъ Курляндскимъ и Московскимъ Губернаторомъ, послѣ чего, въ 1893 г., получилъ назначеніе на постъ Товарища Министра Государственныхъ Имуществъ, а затѣмъ Товарища же Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Глубоко сердечный и отзывчивый, онъ не имѣлъ въ средѣ крестьянъ родного Волоколамскаго уѣзда иного имени, какъ „справедливаго барина". Вѣрный своему долгу и преданный своему Монарху, онъ, будучи впослѣдствіи Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, палъ отъ руки политическаго убійцы.

Принявъ въ Апрѣлѣ 1895 г. Высочайше ввѣренную ему Канцелярію, Егермейстеръ Сипягинъ получилъ вмѣстѣ съ нею обширное дѣловое наслѣдье. Къ этому времени обычное годовое поступленіе всеподданнѣйшихъ прошеній почти утроилось подъ вліяніемъ состоявшагося въ 1894 году бракосочетанія Ихъ Величествъ Государя Императора Николая Але-



ксандровича и Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Приведенная ранѣе цифра въ 21.000 всеподданнѣйшихъ прошеній возросла въ этомъ году до 55.000, не считая массы просьбъ и докладныхъ записокъ на имя Командовавшаго Императорскою Главною Квартирою. Наличныхъ канцелярскихъ силъ не хватало, и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта 13 Ноября 1895 г., состоялось временное увеличеніе штата Канцеляріи на одного Старшаго и одиннадцать Младшихъ Помощниковъ Дѣлопроизводителя.

Прошло, однако, немного времени и наблюденіе надъ цифровыми данными о ежегодномъ поступленіи всеподданнѣйшихъ обращеній къ Монаршему Милосердію убѣдило Сипягина, что существовавшій штатъ скоро не въ состояніи будетъ удовлетворять требованіямъ, которыя предъявитъ накоплявшаяся работа. Если въ концѣ царствованія Императора Александра III число прошеній опредѣлялось двадцать одною тысячью, а всеподданнѣйшихъ докладовъ Генералъ-Адъютанта Рихтера двумя тысячами въ годъ, то тѣ же цифры въ первое пятилѣтіе послѣ преобразованія Канцеляріи превысили 32.000 просьбъ и 7.000 докладовъ. А такъ какъ умноженіе обращеній подданныхъ къ подножію Престола не имѣло характера случайнаго, но, напротивъ того, давало весьма послѣдовательно повышавшуюся величину, то Егермейстеръ Сипягинъ, озабочиваясь правильною постановкою порученнаго ему дѣла и на будущее время, счелъ своимъ долгомъ разработать новый штатъ Канцеляріи. Въ его составъ вошли: Управляющій дѣлами, получившій это наименованіе взамѣнъ прежняго — Начальника Канцеляріи, 2 его Помощника, 5 Старшихъ Чиновниковъ съ 12-ю Помощниками, изъ нихъ 6 высшаго оклада и столько же низшаго, 24 Младшихъ Чиновника, изъ коихъ 12 также высшаго оклада и 12 низшаго, Секретарь, 2 Чиновника для порученій, Казначей (онъ же и Экзекуторъ), его Помощникъ, Архиваріусъ съ однимъ Помощникомъ и Журналистъ съ тремя, и 20 чиновниковъ для письма.

Этотъ штатъ, по обсужденіи его въ Государственномъ Совѣтѣ, 4 Іюня 1899 г. удостоился Высочайшаго утвержденія,

причемъ измѣнилось и самое названіе Канцеляріи, которая получила носимое и нынѣ наименованіе „Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній“.

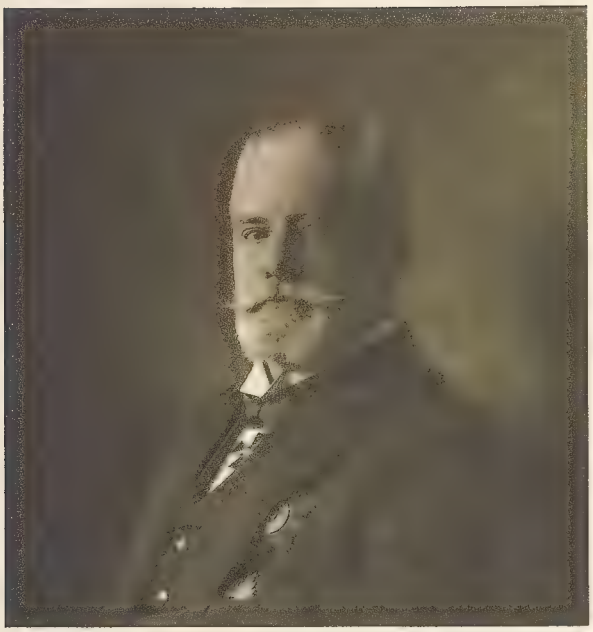
Такимъ образомъ, дѣйствующее теперь Установленіе состоитъ изъ 75 штатныхъ служащихъ, 27 сверхштатныхъ канцелярскихъ служителей и 4 вольнонаемныхъ писцовъ, а всего изъ 106 человѣкъ.

Вскорѣ послѣ проведенія новаго штата Егермейстеръ Сипягинъ былъ призванъ на постъ Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ,[106] а на его мѣсто былъ назначенъ Товарищъ Главноуправляющаго Канцеляріею Прошеній, въ должности Шталмейстера Высочайшаго Двора, Баронъ Александръ Андреевичъ Будбергъ.

Кандидатъ правъ С.-Петербургскаго Университета выпуска 1875 г., Баронъ Будбергъ короткое время состоялъ по Министерству Юстиціи, откуда, въ Маѣ 1876 г., поступилъ, для отбыванія воинской повинности, въ Л.-Гв. Гусарскій Его Императорскаго Величества полкъ. Послѣ производства въ офицеры въ Ингерманландскій полкъ онъ принималъ участіе въ Русско-Турецкой войнѣ, причемъ, за мужество и храбрость въ дѣлѣ подъ Телишемъ, былъ переведенъ снова въ тотъ же Гусарскій полкъ, въ которомъ началъ службу. Получивъ 2 боевыхъ отличія, Баронъ Будбергъ, по окончаніи войны, вышелъ въ отставку и вернулся на поприще гражданской дѣятельности, состоя сначала при Одесскомъ, а затѣмъ при Виленскомъ Генералъ-Губернаторѣ. Въ Мартѣ 1882 г. онъ получилъ назначеніе Дѣлопроизводителемъ Военно-Походной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, въ которой и пребывалъ до перевода, 29 Января 1891 г., въ Канцелярію Прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, въ качествѣ Помощника ея Начальника. 3 Мая 1893 г. онъ былъ назначенъ Начальникомъ Канцеляріи, а съ 10 Іюня 1895 г.—Товарищемъ Главноуправляющаго, пока не замѣстилъ въ 1899 г. Егермейстера Сипягина. Въ настоящее время Шталмейстеръ Баронъ Будбергъ состоитъ Членомъ Государственнаго Совѣта, Попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, Алексѣев-

Баронъ Будбергъ.

B. Mamand



скаго Главнаго Комитета и Почетнымъ Членомъ Александровской Общины сестеръ милосердія, имѣетъ званіе Статсъ-Секретаря Его Императорскаго Величества и ордена до Бѣлаго Орла включительно.

Должность Товарища Главноуправляющаго занимаетъ нынѣ Егермейстеръ Василій Ильичъ Мамантовъ.

Родившись въ 1863 г., онъ, по окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, началъ службу съ 1887 г. въ Канцеляріи Прошеній, изъ которой временно перешелъ въ Императорскую Главную Квартиру, Помощникомъ Начальника ея Канцеляріи. Занявъ затѣмъ должность Начальника Канцеляріи, В. И. Мамантовъ вернулся въ 1900 г. въ Канцелярію Прошеній уже Товарищемъ Главноуправляющаго, которымъ состоитъ и нынѣ, будучи кавалеромъ Св. Владиміра II степени.

При образованіи Канцеляріи Прошеній въ 1895 г. ея Начальникомъ, а затѣмъ Управляющимъ дѣлами, былъ назначенъ Вице-Директоръ Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Викторъ Ивановичъ Финне, родившійся въ 1846 г. и поступившій на службу въ 1866 г.

13 Мая 1900 г. онъ уступилъ свое мѣсто Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, нынѣ Тайному Совѣтнику, Барону Вильгельму Михайловичу Аккурти фонъ Кенигсфельсъ, который управляетъ дѣлами Канцеляріи и по настоящее время.

Правовѣдъ по образованію, въ началѣ своей службы онъ состоялъ, съ 1872 г., по Министерству Юстиціи; 15 Іюля 1879 г. онъ поступилъ въ Канцелярію Статсъ-Секретаря у принятія прошеній и съ тѣхъ поръ безъ перерыва служитъ въ Учрежденіяхъ по принятію прошеній, пройдя всѣ должности до занимаемой теперь и имѣя орденъ Бѣлаго Орла.

ГЛАВА II.

На основаніи Инструкціи, утвержденной Главноуправляющимъ 16 Іюня 1901 г., дѣйствующая Канцелярія состоитъ изъ 5-ти Отдѣленій, во главѣ каждаго изъ коихъ поставленъ Старшій Чиновникъ. Кромѣ того въ составъ Канцеляріи входятъ Части Секретарская, Казначейская, Журнальная и Архивъ. Кругъ дѣйствія всѣхъ этихъ частей точно опредѣленъ: I Отдѣленіе завѣдываетъ дѣлами о подданствѣ, о сословныхъ и служебныхъ правахъ и преимуществахъ, а также имѣющими отношеніе къ вопросамъ брачнаго права; II Отдѣленіе занимается разсмотрѣніемъ ходатайствъ по имущественнымъ дѣламъ, судебно-гражданскимъ, вѣроисповѣднымъ и административнымъ; III Отдѣленіе вѣдаетъ оказаніемъ всякаго рода денежной помощи и покровительства въ дѣлѣ полученія образованія; IV Отдѣленіе разсматриваетъ жалобы на Департаменты Правительствующаго Сената, просьбы о помилованіи или смягченіи участи и объ освобожденіи отъ воинской повинности; въ кругъ обязанностей V Отдѣленія входитъ разборъ дѣлъ о семейныхъ несогласіяхъ, а равно испрошеніе различнаго рода пенсіонныхъ обезпеченій, и, наконецъ, Секретарской Части подвѣдомственны дѣла по личному составу Канцеляріи, сношенія по всякаго рода общимъ вопросамъ и наблюденіе за перепискою всеподданнѣйшихъ докладовъ, повергаемыхъ еженедѣльно [107] лично Главноуправляющимъ на Высочайшее благоволзрѣніе, и ихъ храненіе. Пріемы просителей Главноуправляющимъ или Товарищемъ Главноуправляющаго, для личныхъ объясненій, на которые собирается иногда до 100 человѣкъ, бываютъ ежедневно, причемъ первый изъ нихъ принимаетъ по Понедѣльникамъ, Вторникамъ, Пятницамъ и Субботамъ, а второй въ два остальные дня. Кромѣ того каждодневно, двумя спеціально откомандированными для этого чиновниками, просителямъ выдаются справки по всѣмъ дѣламъ, кромѣ семейныхъ.

Такова, въ общихъ чертахъ, организація дѣлопроизводства Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній. Но очеркъ остался бы неполнымъ, если бы

перо его составителя обошло молчаніемъ существо ея дѣятельности.

Кругъ вѣдомства этого Учрежденія, какимъ очерчиваетъ его сама жизнь, въ настоящее время до такой степени обширенъ, что едва ли возможно перечислить всѣ тѣ разнообразные случаи, въ которыхъ горе, нужда или послѣдняя надежда побуждаютъ русскаго человѣка обращаться къ Царской Милости. Поэтому нижеприводимый для наглядности перечень хотя и состоитъ изъ 40 подраздѣленій, тѣмъ не менѣе являетъ собою лишь приблизительную сводку всего, съ чѣмъ приходится имѣть дѣло Канцеляріи. Не даромъ же оказалось необходимымъ ввести въ него такой отдѣлъ прошеній, какъ 38-ой „о льготахъ, выше не перечисленныхъ", достигающихъ болѣе 1.000 нумеровъ въ годъ.

Изъ перечня видно, что въ настоящее время на Высочайшее Имя ежегодно поступаетъ болѣе 65.000 прошеній; въ числѣ ихъ, какъ показываетъ статистика 1908 г.:

1) Объ изъятіяхъ изъ правилъ объ исповѣданіи вѣры и отправленіи богослуженій . .	52
2) Объ изъятіяхъ изъ церковныхъ правилъ о законности и расторженіи браковъ . . .	377
3) Объ изъятіяхъ изъ правилъ о регистраціи старообрядческихъ браковъ и рожденій .	1
4) Объ изъятіяхъ изъ правилъ о бракахъ военнослужащихъ	203
5) О покровительствѣ по дѣламъ о семейныхъ несогласіяхъ	1.508
6) Объ узаконеніи дѣтей, усыновленіи и предоставленіи усыновленнымъ правъ сословныхъ и пріобрѣтенныхъ службою . . .	358
7) О присвоеніи или перемѣнѣ фамиліи или отчества	445
8) О предоставленіи титуловъ или дворянства и вообще о сословныхъ правахъ	92

9) О принятіи на службу, награжденіи за нее и о предоставленіи служебныхъ льготъ .	2.748
10) О пожалованіи пенсій и пособій изъ казны или изъ различныхъ спеціальныхъ источниковъ	5.798
11) О постоянныхъ или единовременныхъ денежныхъ выдачахъ отставнымъ нижнимъ чинамъ	4.939
12) О денежныхъ пособіяхъ	16.360
13) О предоставленіи продажи билетовъ классной лотереи губерній Царства Польскаго	12
14) О призрѣніи и помѣщеніи въ больницы . .	143
15) Объ оказаніи помощи и льготъ по воспитанію и образованію	4.122
16) О предоставленіи казенныхъ, удѣльныхъ и войсковыхъ земель или оброчныхъ статей и о льготахъ при пользованіи ими . . .	1.679
17) О земельномъ устройствѣ и обзаведеніи крестьянъ и переселенцевъ	262
18) О выдачѣ ссудъ изъ казны и объ оказаніи льготъ по дѣламъ, сопряженнымъ съ казеннымъ интересомъ	1.759
19) Объ обмѣнѣ кредитныхъ билетовъ стараго образца, изъятыхъ изъ обращенія . . .	46
20) О сложеніи казенныхъ взысканій	1.064
21) О предоставленіи выморочныхъ имуществъ	36
22) О заповѣдныхъ имѣніяхъ и маіоратахъ, объ отступленіи отъ общихъ правилъ о наслѣдованіи, а также объ учрежденіи опекъ и администрацій	144
23) О вознагражденіи за увѣчья	48
24) О покровительствѣ въ имущественныхъ дѣлахъ	2.022
25) Объ освобожденіи отъ взноса 100-рублеваго кассаціоннаго залога	72
26) О принятіи въ русское подданство и объ увольненіи изъ него	581

27) Объ изъятіяхъ изъ ограничительныхъ законовъ о владѣніи недвижимостью въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ 113
28) Объ изъятіяхъ изъ спеціальныхъ правилъ о евреяхъ 223
29) О льготахъ по исполненію воинской повинности. 4.532
30) Жалобы на опредѣленія Департаментовъ Правительствующаго Сената 331
31) Жалобы на постановленія другихъ Высшихъ Государственныхъ Установленій 5
32) Жалобы на дѣйствія и распоряженія Министровъ и Главноуправляющихъ 27
33) Жалобы на дѣйствія прочихъ должностныхъ лицъ 96
34) Жалобы по уголовнымъ дѣламъ 597
35) О помилованіи лицъ, осужденныхъ или подвергнутыхъ административнымъ мѣрамъ взысканія 12.952
36) О предоставленіи лицамъ, исключеннымъ изъ службы, правъ государственной службы и объ исключеніи отмѣтокъ о судимости изъ документовъ 48
37) О воспріятіи отъ Св. Купели Высочайшимъ Именемъ 27
38) О льготахъ, выше не перечисленныхъ . . 1.108
39) Подношенія и выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ 169
40) Прошенія безъ смысла и анонимныя . . . 258

Итого 65.337

Естественно, что столь обширное поступленіе вызываетъ и не менѣе обширную переписку, достигающую въ настоящее время болѣе 40.000 входящихъ бумагъ въ годъ и около 100.000 исходящихъ. Такимъ образомъ, цифры возбуждаемыхъ

ежегодно ходатайствъ и переписки, принятыя въ расчетъ при соображеніи въ 1899 г. новаго штата Канцеляріи, за послѣднія 10 лѣтъ увеличились болѣе чѣмъ на 34.000 прошеній и на 40.000 входящихъ и исходящихъ бумагъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря напряженной работѣ личнаго состава Канцеляріи, количество неполучающихъ разрѣшенія дѣлъ не превышаетъ обыкновенно 14% ихъ общей суммы, причемъ всѣ они относятся или къ такимъ, по которымъ еще не доставлены отвѣты отъ вѣдомствъ, или же къ возбужденнымъ въ самомъ концѣ года. Число ходатайствъ, повергаемыхъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе, равняется ежегодно приблизительно 12%, всѣ же прочія или отклоняются (26%), по отсутствію основаній къ ихъ удовлетворенію, или же передаются по принадлежности (48%) въ вѣдомства на основаніи Учрежденія Канцеляріи.

Подробное описаніе порядка направленія всѣхъ безъ исключенія всеподданнѣйшихъ ходатайствъ представлялось бы не только слишкомъ обременительнымъ для настоящаго очерка, но подчасъ и безполезнымъ, ибо нѣкоторыя изъ нихъ, возникая подъ вліяніемъ временныхъ причинъ, быстро затѣмъ уступаютъ свое мѣсто инымъ, столь же непостояннымъ, другія же не имѣютъ серьезнаго общественнаго значенія. Но есть среди нихъ и такія, которыя заслуживаютъ особаго вниманія, ибо повторяются изъ года въ годъ и настойчиво указываютъ на пробѣлъ въ дѣйствующемъ законѣ, или на существованіе въ общественномъ быту неблагопріятныхъ для отдѣльныхъ лицъ условій.

О нихъ и будетъ рѣчь въ послѣдующихъ главахъ.

ГЛАВА III.

ъ числу особенно наболѣвшихъ сторонъ текущей жизни относится, прежде всего, участь дѣтей, рожденныхъ внѣ брака.

Законъ 3 Іюня 1902 г. объ улучшеніи ихъ положенія, какъ бы завершившій собою благія начинанія, предпринятыя въ этомъ направленіи Императорами Александромъ I и Александромъ II, открывъ возможность отцу усыновлять своихъ внѣбрачныхъ дѣтей, предусматриваетъ ее лишь въ отношеніи родившихся отъ его сожитія съ незамужнею. Что же касается дѣтей, матери которыхъ состоятъ въ бракѣ, то всѣ они, даже и рожденныя не отъ мужа, записываются на его имя и не могутъ быть переузаконены даже въ случаѣ послѣдующаго брака матери съ ихъ кровнымъ отцомъ. Между тѣмъ, практика жизни указываетъ, что огромное большинство такихъ дѣтей является плодомъ связи именно съ замужними, притомъ принадлежащими къ низшимъ сословіямъ, чему, въ значительной степени, способствуетъ все усиливающійся приливъ сельскаго населенія къ городамъ съ развитою промышленностью. Правильно ли при такихъ условіяхъ препятствовать отцу, движимому сознаніемъ нравственнаго долга, передать своему кровному ребенку хотя тѣ права состоянія, которыя въ обычномъ порядкѣ сплошь и рядомъ предоставляются при усыновленіи лицамъ, совершенно постороннимъ усыновителю. И слѣдовательно, законъ 3 Іюня 1902 г. едва ли можетъ быть признанъ вполнѣ соотвѣтствующимъ той широкой цѣли, къ которой стремился Государственный Совѣтъ, неоднократно высказывавшій, что „дѣти не могутъ и не должны отвѣчать за грѣхи своихъ родителей“.

Такимъ образомъ, пока законодательная власть не восполнила этого пробѣла дѣйствующихъ правилъ, единственнымъ путемъ для родителей загладить свой грѣхъ предъ неповиннымъ ребенкомъ является обращеніе къ Милосердію Царя. И практика Канцеляріи Его Императорскаго Величества не бѣдна примѣрами Монаршаго снисхожденія къ подобнымъ ходатайствамъ.

Съ вопросомъ объ усыновленіи внѣбрачныхъ дѣтей тѣсно связанъ вопросъ о присвоеніи имъ отчества.

На основаніи того же закона 1902 г. эти дѣти именуются по отчеству сообразно имени ихъ воспріемника, если имъ не присвоено отчества при внесеніи въ метрическую книгу записи объ ихъ рожденіи. Строгое соблюденіе такого правила представляется въ практической жизни особенно неудобнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда у одной женщины имѣются нѣсколько внѣбрачныхъ дѣтей, нерѣдко живущихъ одною общею семейною жизнью съ нею и съ кровнымъ своимъ отцомъ. При такихъ условіяхъ именованіе родныхъ братьевъ и сестеръ разными отчествами по имени воспріемника каждаго изъ нихъ является для нихъ весьма тягостнымъ и вноситъ въ ихъ незаконную, но, быть можетъ, оттого не менѣе дружную, семью отчужденность другъ отъ друга. Поэтому всеподданнѣйшія прошенія о разрѣшеніи такимъ дѣтямъ именоваться по отчеству одинаково, сообразно имени кровнаго ихъ отца, воспитателя или иного близкаго лица, какъ клонящіяся къ укрѣпленію родственной связи между лицами, родными по крови, получаютъ благопріятное направленіе въ путяхъ Монаршаго Милосердія и удовлетворяются ежегодно въ количествѣ приблизительно 35%.

Въ заключеніе нельзя обойти молчаніемъ также вопроса о практикуемомъ допущеніи изъятій изъ закона 12 Марта 1891 г., которымъ, между прочимъ, воспрещено лицу привилегированнаго состоянія, имѣющему законныхъ или узаконенныхъ дѣтей, усыновлять чужого ребенка.

Не подлежитъ сомнѣнію, что основаніемъ къ этому служитъ стремленіе оградить интересы кровныхъ дѣтей усыновителя. Однако нельзя отрицать, что такое ограниченіе можетъ представляться излишне суровымъ въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда усыновленіе касается малолѣтнихъ, которые вслѣдствіе своего круглаго сиротства, или по причинѣ матеріальной безпомощности ихъ родителей, или, наконецъ, забвенія ими обязанностей, возложенныхъ на нихъ самою природою, воспитываются въ пріютившихъ ихъ семьяхъ на пра-

вахъ и наравнѣ съ законными дѣтьми, не вѣдая о своемъ происхожденіи. Такое отношеніе къ нимъ закона, только въ виду наличности у ихъ воспитателей нисходящихъ, нерѣдко уже взрослыхъ, пристроенныхъ и живущихъ вдали отъ родителей, не оправдывается требованіями человѣколюбія и не соотвѣтствуетъ необходимости уменьшать, по возможности, безпризорное сиротство.

Приведенныя соображенія и служатъ однимъ изъ главныхъ основаній къ представленію на Всемилостивѣйшее благовоззрѣніе Его Величества немалочисленныхъ ходатайствъ по настоящему предмету. Замѣтное изъ года въ годъ увеличеніе ихъ числа, указывающее на существованіе въ этомъ отношеніи потребности въ общественномъ сознаніи, а также всегдашнее Монаршее къ нимъ снисхожденіе побудили Главноуправляющаго Канцеляріею Прошеній высказать, еще при разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ правилъ объ улучшеніи положенія незаконныхъ дѣтей, пожеланіе о необходимости, въ цѣляхъ сохраненія драгоцѣннаго времени Государя, дозволенія усыновлять чужихъ дѣтей и такимъ лицамъ, которыя имѣютъ собственныхъ взрослыхъ законныхъ дѣтей, при условіи на то ихъ согласія.

Затронувъ въ настоящей главѣ вопросъ объ упорядоченіи, въ путяхъ Милосердія, участи нисходящаго потомства, нельзя обойти молчаніемъ многочисленныхъ случаевъ оказанія Монаршей помощи и въ дѣлѣ образованія дѣтей.

Для того, чтобы очертить дѣятельность Учрежденія по принятію прошеній въ этомъ направленіи, нѣтъ надобности обращать взглядъ въ глубь исторической перспективы, ибо ежегодные всеподданнѣйшіе отчеты Коммисіи Прошеній давали въ этомъ отношеніи скудныя цифры, не превышавшія двухъ, трехъ сотъ ходатайствъ въ годъ. Объясненіе этому весьма просто. Въ прежнее время дворянство, находясь въ иныхъ, чѣмъ нынѣ, экономическихъ условіяхъ, не имѣло нужды утруждать Монарха просьбами о помощи въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей. Съ другой же стороны, темная народная масса еще не ощущала потребности въ просвѣщеніи своего подрастаю-

щаго поколѣнія. Лишь съ того времени, когда Царь-Освободитель призвалъ закрѣпощенное крестьянство къ новой жизни и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, матеріальное благосостояніе привилегированнаго сословія измѣнилось къ худшему, забота о воспитаніи и образованіи молодежи, въ извѣстной степени, была принята на себя Правительствомъ. Несмотря однако на усилія этого послѣдняго и самого общества къ увеличенію числа учебныхъ и воспитательныхъ заведеній, возраставшая потребность стала умножать просьбы отдѣльныхъ лицъ о Монаршей помощи въ этомъ дѣлѣ.

Озабочиваясь поэтому введеніемъ болѣе устойчиваго порядка въ направленіи подобныхъ ходатайствъ, Егермейстеръ Сипягинъ испросилъ 14 Марта 1896 г. Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы всѣ просьбы о допущеніи изъятій изъ установленныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ правилъ передавать, по Высочайшему повелѣнію, Главнымъ Начальникамъ подлежащихъ вѣдомствъ для доклада, въ уважительныхъ случаяхъ, Его Императорскому Величеству и чтобы ходатайства о денежной помощи, когда дѣло касалось завершенія образованія въ теченіе не болѣе двухъ лѣтъ, а равно и просьбы о разрѣшеніи исключенныхъ за проступки поступить вновь въ учебныя заведенія, повергать на Монаршее благовоззрѣніе при наличности, разумѣется, достаточныхъ къ тому основаній.

Но по прошествіи 7 лѣтъ со дня воспослѣдованія этого Высочайшаго повелѣнія выяснилось, что вѣдомства, въ которыя передавались просьбы, не располагая суммами, потребными для принятія на свои средства новыхъ расходовъ по воспитанію сверхкомплектныхъ молодыхъ людей, бываютъ принуждены отклонять препровождаемыя къ нимъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 14 Марта 1896 г., прошенія безъ доклада Его Величеству. Въ зависимости же отъ этого въ Канцелярію стали поступать въ большомъ количествѣ жалобы со стороны просителей, получавшихъ неблагопріятный отвѣтъ отъ власти, предъ которою они и не ходатайствовали. Многіе изъ нихъ отказывались даже вѣрить, что надежда ихъ на Милосердіе Царя могла бы оказаться тщетною, если бы домо-

22598
6755

Ваше Императорское Величество

Отъ Е.И.В.

29 АПР. 1908

Всемилостивѣйшій Государь

Августѣйшій Монархъ.

Принято Дежурнымъ Флигель-Адъютантомъ въ Г. Царскомъ Селѣ

29 Апрѣля 1908 г.

ШТ. ОТД. КОРН. ЖАНД.
4 ОКТЯБРЯ 1908
ВХОД. ЖУРН. № 24648

Къ Вѣрноподданнаго потомственнаго дворянина Николая Александровича Журомскаго, проживающаго въ городѣ Петербургѣ по Лиговской улицѣ въ домѣ № 93, въ квартирѣ № 24.

Обратить вниманіе

Собственною Его Величества рукою

Всеподданнѣйшее прошеніе.

Крушеніе поѣзда № 37/33 произошло по винѣ желѣзнодорожныхъ агентовъ на 355 верстѣ Китайской Восточной желѣзной дороги въ ночь съ 24 на 25 Апрѣля 1904 года, приблизительно въ 20 верстахъ отъ большой станціи Гуньджулинъ. На этой станціи въ то время всегда смѣнялись всѣ бригады, а также имѣлись постоянныя: желѣзнодорожная больница съ полнымъ штатомъ врачебнаго персонала, канцелярія и квартира начальника 5 отдѣленія полицейскаго надзора той же желѣзной дороги ротмистра Левенцова.

Въ моментъ крушенія этого поѣзда, я спалъ въ бронированномъ вагонѣ III класса № 720 или № 721 (№ вагона

Царское Село 29 Апрѣля 1908 г.

Безъ документовъ 1933 53

4297
15/29/8
20/III

Первый листъ всеподданнѣйшаго прошенія съ Высочайшею резолюціею.

гательства ихъ въ дѣйствительности были повергнуты на благовоззрѣніе Его Величества.

Тогда Главноуправляющій Канцеляріею Баронъ Будбергъ, нисколько не умаляя значенія принимаемыхъ Правительствомъ мѣръ къ облегченію родителямъ возможности дать своимъ дѣтямъ образованіе, но полагая, что въ подобныхъ случаяхъ главная помощь должна заключаться въ предоставленіи имъ денежныхъ средствъ внѣ всякихъ правилъ, т. е. въ путяхъ Монаршаго Милосердія, представилъ на Высочайшее благовоззрѣніе всеподданнѣйшій докладъ объ ассигнованіи въ распоряженіе Канцеляріи Прошеній спеціальной суммы на этотъ предметъ. Государь Императоръ, одобривъ приведенныя въ докладѣ соображенія, въ 14 день Іюня 1903 г. Всемилостивѣйше соизволилъ повелѣть отпускать ежегодно изъ Государственнаго Казначейства 100.000 р. для выдачи отъ Монаршихъ щедротъ пособій на воспитаніе дѣтей.

Въ настоящее время въ Канцеляріи возникаетъ болѣе 4.000 ходатайствъ въ годъ, изъ которыхъ удовлетворяется около одной трети, причемъ обыкновенно большая часть средствъ расходуется для уплаты за образованіе, получаемое въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

ГЛАВА IV.

Не менѣе широкое общественное значеніе имѣютъ дѣла о семейныхъ несогласіяхъ, вошедшія въ кругъ вѣдомства Учрежденія по принятію прошеній болѣе четверти вѣка тому назадъ.

Какъ было выяснено въ одной изъ предшествующихъ главъ, еще въ 20-хъ годахъ минувшаго столѣтія Правительство стало допускать отступленія отъ коренного начала о нерасторгаемости брачнаго союза и, чрезъ посредство III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, обнаруживало стремленіе оградить личность неполноправныхъ членовъ семьи отъ рѣзкихъ проявленій произвола или жестокости ея главы. Рѣшеніе этого рода дѣлъ по существу зависѣло всецѣло отъ Управлявшаго III-мъ Отдѣленіемъ, который могъ допускать раздѣльное жительство супруговъ по своему усмотрѣнію, опираясь лишь на словесное полномочіе, даваемое отъ Его Величества.

Съ теченіемъ времени, когда чувство законности получило въ обществѣ болѣе широкое развитіе, и, въ особенности, послѣ введенія въ дѣйствіе Судебныхъ Уставовъ 20 Ноября 1864 г., такой порядокъ сталъ обнаруживать существенныя неудобства. Сдѣлалось желательнымъ, чтобы производство подобныхъ дѣлъ, какъ затрагивающее область частныхъ правовыхъ отношеній и влекущее за собою извѣстныя юридическія послѣдствія, было поставлено на твердую законную почву въ тѣхъ, разумѣется, случаяхъ, если въ наличности не было особаго Высочайшаго повелѣнія по данному дѣлу.

Поэтому, когда Учрежденіе, вѣдавшее, между прочимъ, и дѣла о семейныхъ несогласіяхъ, получило самостоятельное бытіе, вылившись въ форму нынѣ существующей Канцеляріи Прошеній, управлявшій ею Егермейстеръ Сипягинъ сдѣлалъ попытку сообщить большую твердость ея постановленіямъ по такого рода дѣламъ. Въ этихъ видахъ, 1 Іюня 1895 г. и 1 Апрѣля 1899 г., онъ испросилъ Высочайшія повелѣнія, которыя и легли въ основу дальнѣйшей практики Канцеляріи при разсмотрѣніи производствъ, возникавшихъ по жалобамъ супруговъ.

Эти руководящія наставленія, однако, далеко не обнимали всѣхъ вопросовъ, которые присущи дѣламъ о разлученіи жены отъ мужа, а между тѣмъ потребность въ объединеніи и закрѣпленіи разновременно послѣдовавшихъ по этимъ вопросамъ словесныхъ Высочайшихъ указаній стала ощущаться съ каждымъ годомъ все настоятельнѣе.

Вслѣдствіе этого заступившій Егермейстера Сипягина въ управленіи Канцеляріею Шталмейстеръ Баронъ Будбергъ выработалъ Особую Секретную Инструкцію для руководства при производствѣ дѣлъ о семейныхъ несогласіяхъ супруговъ. Въ основу ея были положены указанія опыта, свидѣтельствовавшаго, что большинство всеподданнѣйшихъ ходатайствъ сводится къ просьбѣ одного изъ супруговъ о предоставленіи ему права отдѣльнаго жительства или о разрѣшеніи такихъ споровъ, возникшихъ на почвѣ ихъ личныхъ отношеній и родительскихъ правъ, которые не подлежатъ разсмотрѣнію въ общемъ законномъ порядкѣ. Сюда же относится и разсмотрѣніе вопроса объ опредѣленіи, при разлукѣ супруговъ, дальнѣйшей судьбы ихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей, который, въ интересахъ этихъ послѣднихъ, нерѣдко требуетъ разрѣшенія также въ путяхъ Монаршаго Милосердія, несмотря на подвѣдомственность его, въ принципѣ, общимъ судебнымъ установленіямъ. Наконецъ, особое мѣсто среди дѣлъ настоящей категоріи занимаютъ ходатайства обоихъ супруговъ объ утвержденіи Верховною Властью такихъ состоявшихся между ними соглашеній по вопросу объ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу или къ ихъ дѣтямъ, которыя съ точки зрѣнія формальнаго закона недѣйствительны, какъ клонящіяся къ разлученію супруговъ, но желательны къ общей выгодѣ разлучающихся. Обобщивъ, такимъ образомъ, сущность возникающихъ при этихъ условіяхъ дѣлъ, Инструкція указывала далѣе порядокъ ихъ направленія, причемъ устанавливала, какъ непремѣнное правило, утвержденіе всѣхъ состоявшихся по Канцеляріи рѣшеній Властью Его Императорскаго Величества.

Въ 22 день Января 1902 г. Секретная Инструкція удостоилась Высочайшаго одобренія и вступила въ дѣйствіе.

Поставляя себѣ главнѣйшею задачею прежде всего охраненіе цѣлости семьи, Канцелярія начинаетъ всякое возникающее по всеподданнѣйшему прошенію производство съ попытки примирить враждующія стороны, чего обыкновенно и удается достигнуть по 40% дѣлъ ежегодно. Затѣмъ уже, въ случаѣ неудачи въ этомъ отношеніи, ходатайства получаютъ законный ходъ, причемъ въ благопріятномъ смыслѣ разрѣшается приблизительно 10% всего поступленія, прочія же или оставляются безъ уваженія, какъ неосновательныя, или прекращаются въ виду того, что просители обратились къ Монаршему Милосердію, не исчерпавъ предоставленные имъ закономъ способы къ улаженію недоразумѣній, возникшихъ между ними на почвѣ обострившихся семейныхъ отношеній.

Въ теченіе первыхъ семи лѣтъ существованія Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній всѣхъ прошеній по дѣламъ о семейныхъ несогласіяхъ поступало ежегодно приблизительно нѣсколько болѣе 4.000. Съ 1903 г. картина рѣзко измѣнилась и эта цифра сразу понизилась до 2.800, а въ настоящее время до 1.500. Ближайшимъ поводомъ послужило новое направленіе измѣнившейся съ 1902 г. практики Правительствующаго Сената по дѣламъ о снабженіи крестьянокъ отдѣльными отъ мужей паспортами, разъяснившаго въ цѣломъ рядѣ опредѣленій, что въ извѣстныхъ случаяхъ мѣстныя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія обязаны принимать къ своему разсмотрѣнію и разрѣшенію по существу просьбы крестьянокъ о выдачѣ имъ документовъ на отлучку изъ семей вопреки волѣ мужей. А такъ какъ большинство ходатайствъ (свыше 50%) возбуждалось женщинами именно изъ этого класса населенія, то само собою разумѣется, что послѣ такого разъясненія сразу же и обнаружился отливъ поступавшихъ отъ нихъ обращеній на Высочайшее Имя.

Однако приведенныя опредѣленія Сената, послѣдовавшія по отдѣльнымъ дѣламъ, не будучи распубликованными во всеобщее свѣдѣніе, остались неизвѣстными многимъ изъ подлежащихъ должностныхъ лицъ, что и вызвало крайне разнообразную практику въ разрѣшеніи подобныхъ дѣлъ, ибо хо-

датайства объ отдѣльныхъ видахъ на жительство возбуждались одними — у мѣстныхъ властей, другими — путемъ обращенія къ Монаршему Милосердію. Озабочиваясь установленіемъ необходимаго единства въ направленіи подобнаго рода дѣлъ, Канцелярія Прошеній сообщила объ этомъ нежелательномъ явленіи Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который, по ея просьбѣ, преподалъ всѣмъ подлежащимъ учрежденіямъ и лицамъ необходимыя указанія по содержанію состоявшихся разъясненій Правительствующаго Сената. Съ тѣхъ поръ ежегодная цифра всеподданнѣйшихъ прошеній по дѣламъ о семейныхъ несогласіяхъ и стала замѣтно уменьшаться.

Въ заключеніе не лишнимъ будетъ указать, для примѣра, на случаи, въ которыхъ Канцелярія не ограничивалась только разсмотрѣніемъ возникающихъ въ ея производствѣ дѣлъ, но принимала на себя извѣстный починъ въ цѣляхъ упорядоченія нѣкоторыхъ частностей, относящихся къ вопросу о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ.

Усмотрѣвъ ненормальность въ положеніи женъ, мужья которыхъ лишены свободы, и прійдя къ мысли о необходимости измѣненія существующихъ законоположеній въ смыслѣ предоставленія женамъ, при подобныхъ условіяхъ, права на полученіе отдѣльныхъ видовъ на жительство помимо согласія мужей, Канцелярія вошла въ соотвѣтственное сношеніе съ подлежащими вѣдомствами. Слѣдствіемъ этого было внесеніе въ Государственный Совѣтъ настоящаго вопроса, который и былъ разрѣшенъ въ предположенномъ смыслѣ. [108]

Равнымъ образомъ, въ виду неимѣнія въ дѣйствующихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго законоположеніяхъ какихъ либо правилъ о выдачѣ мѣстнымъ жительницамъ паспортовъ въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія ихъ мужей, Канцелярія сочла своимъ долгомъ обратить вниманіе Варшавскаго Генералъ-Губернатора на неудобство подобнаго положенія вещей. И Начальникъ Края не замедлилъ принять необходимыя мѣры къ установленію единообразнаго порядка выдачи въ такихъ случаяхъ видовъ на жительство мѣстными административными властями.

Независимо отъ возникающихъ въ Канцеляріи дѣлъ о семейныхъ несогласіяхъ, въ нее поступаютъ въ значительномъ количествѣ прошенія, касающіяся также области брачныхъ правоотношеній. Они распадаются на двѣ группы. Къ первой относятся ходатайства о расторженіи, или о признаніи дѣйствительности браковъ, заключенныхъ по обрядамъ Православной Церкви и о разрѣшеніи вступать въ новые браки ранѣе истеченія установленныхъ для этого сроковъ, а вторая обнимаетъ собою подобныя же просьбы, возбуждаемыя лицами инославныхъ христіанскихъ исповѣданій.

Такъ какъ, по общему правилу, рѣшенія по дѣламъ о православныхъ бракахъ основываются не столько на законахъ гражданскихъ, сколько на канонахъ Вселенской Церкви, то дѣятельность Канцеляріи въ этихъ случаяхъ сводится къ разъясненію просителямъ законнаго порядка обращенія къ подлежащему духовному начальству.

Иначе направляются дѣла о бракахъ лицъ, состоящихъ въ различныхъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданіяхъ. По закону искъ о расторженіи этихъ браковъ разсматривается въ духовномъ судѣ того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ отвѣтчикъ. Между тѣмъ римско-католическая церковь не допускаетъ развода и, слѣдовательно, когда отвѣтчикомъ является католикъ, стороны вовсе лишены возможности прекратить свои брачныя сопряженія, нерѣдко уже нарушенныя вслѣдствіе невѣрности и другихъ причинъ, признаваемыхъ правилами иныхъ исповѣданій достаточными для развода. Въ этихъ случаяхъ вмѣшательство Монаршаго Милосердія выражается въ разрѣшеніи лютеранскимъ и реформатскимъ консисторіямъ принимать къ разсмотрѣнію и рѣшенію подобныя бракоразводныя дѣла.

ГЛАВА V.

Видное мѣсто въ дѣятельности Канцеляріи Прошеній занимаютъ также производства, возникающія по ходатайствамъ о разнаго рода матеріальной помощи, въ видѣ назначенія пенсій изъ суммъ казны или единовременныхъ выдачъ отъ Монаршихъ щедротъ.

Ежегодно въ Канцелярію Его Императорскаго Величества поступаетъ значительное количество просьбъ о пенсіонномъ обезпеченіи. Цифра ихъ не представляется величиною постоянною, но быстро возрастающею, въ особенности въ послѣднее время. Причина этого явленія кроется, главнымъ образомъ, въ полномъ несоотвѣтствіи экономическихъ условій современной жизни съ совершенно обветшавшими правилами пенсіоннаго устава, утвержденными въ 20-хъ годахъ минувшаго столѣтія, когда денежное счисленіе велось на ассигнаціи. О справедливости такого соображенія свидѣтельствуютъ слѣдующія цифровыя данныя относительно поступленія прошеній по этого рода дѣламъ и о расходахъ казны на ассигнованіе пенсій, взятыя сравнительно изъ недавняго прошлаго—примѣрно изъ 50-хъ и 70-хъ годовъ минувшаго столѣтія, и за 1908 г. текущаго:

Въ 1854 г. ходатайствъ возбуждено 345. Назначено пенсій на 3.000 р.

Въ 1875 г. ходатайствъ возбуждено 351. Назначено пенсій на 7.646 р.

Въ 1907 г. ходатайствъ возбуждено 5.798. Назначено пенсій на 179.287 р. 89 к.

Хотя Правительство и приходитъ на помощь служилому сословію учрежденіемъ эмеритальныхъ кассъ или установленіемъ болѣе льготныхъ правилъ по нѣкоторымъ вѣдомствамъ, однако всѣ эти мѣры, распространяющіяся на небольшой, сравнительно, кругъ лицъ и сводящіяся, главнымъ образомъ, не столько къ увеличенію размѣра пенсій, сколько къ сокращенію сроковъ выслуги, не въ силахъ кореннымъ образомъ устранить возникшее несоотвѣтствіе между жгучими требованіями жизни и полною недостаточностью послѣслужебнаго

обезпеченія. Въ этомъ отношеніи многолѣтній опытъ Канцеляріи Прошеній по пенсіоннымъ дѣламъ могъ бы послужить весьма цѣннымъ матеріаломъ при разработкѣ въ законодательномъ порядкѣ новыхъ, болѣе жизненныхъ, пенсіонныхъ правилъ.

Большая часть поступающихъ просьбъ имѣетъ своимъ предметомъ назначеніе и увеличеніе пенсій, на что ежегодно расходуется болѣе 60.000 р. Далѣе идутъ ходатайства о возобновленіи пенсій лицамъ, которыя, выйдя изъ возраста, дающаго право на поддержку отъ казны, не въ состояніи, однако, зарабатывать себѣ пропитаніе по причинѣ болѣзненнаго состоянія. И, наконецъ, послѣднюю группу составляютъ ходатайства о продленіи пенсій молодымъ людямъ, которые, также лишившись пенсіи вслѣдствіе достиженія пенсіоннаго совершеннолѣтія, еще не окончили свое образованіе. На удовлетвореніе тѣхъ и другихъ просьбъ въ послѣднее время ассигновывалось казною ежегодно свыше 40.000 р.

Не менѣе поучительною, для уясненія перемѣны, происшедшей въ экономическомъ положеніи населенія, представляется численность ходатайствъ о единовременной денежной помощи, возникавшихъ прежде и возбуждаемыхъ теперь. По отчету Статсъ-Секретаря Кикина, за время съ 1812 г. по 1817 г., отъ лицъ, проживавшихъ внѣ С.-Петербурга, въ общей сложности было подано прошеній не болѣе 200, т. е. около 40 въ годъ. Въ настоящее же время ежегодно всего поступаетъ не менѣе 16.000 просьбъ, изъ которыхъ на долю иногородныхъ можно смѣло отнести болѣе половины всего числа. Это сопоставленіе будетъ особенно знаменательнымъ, если вспомнить, что упомянутое пятилѣтіе совпадало какъ разъ съ эпохою разорительныхъ войнъ, которыя, казалось бы, должны были отозваться особенно тяжело на благосостояніи страны.

Сумма, находящаяся нынѣ въ распоряженіи Канцеляріи Прошеній (193.000 р.), совершенно недостаточна по сравненію съ числомъ лицъ, обращающихся за помощью. Большинство ходатайствъ, невзирая на ихъ полную основательность, приходится оставлять безъ послѣдствій, удовлетворяя лишь самыя

вопіющія и низводя размѣръ оказываемыхъ пособій до низшаго предѣла. Обыкновенно пособій удостоиваются 3.000—4.000 просителей въ годъ, причемъ большинству выдаются суммы менѣе 100 р. и лишь 9% оказывается помощь въ большемъ размѣрѣ.

Въ противоположность порядку, предписанному Учрежденіемъ Коммисіи Прошеній, въ настоящее время не дѣлается различія между жителями С.-Петербурга и другихъ городовъ. Какъ извѣстно, прежде прошенія столичныхъ обывателей, всѣ безъ изъятія, должны были препровождаться въ Императорское Человѣколюбивое Общество, теперь же это требованіе закона отмѣнено и въ означеное Общество, по установившейся практикѣ, передаются лишь тѣ прошенія, которыя исходятъ отъ лицъ, не состоявшихъ на государственной службѣ, чтобы тѣмъ дать возможность болѣе широко пользоваться поддержкою отъ Монаршихъ щедротъ просителямъ, имѣющимъ хотя какія нибудь заслуги предъ Престоломъ и Отечествомъ.

Возникновеніе Русско-Японской войны послужило поводомъ къ проявленію цѣлаго ряда Милостей, дарованныхъ Государемъ Императоромъ ея участникамъ и ихъ семьямъ.

Такъ, напримѣръ, офицеры, возвращавшіеся съ войны вслѣдствіе ранъ или болѣзней, должны были, по дѣйствовавшему тогда правилу, представлять особаго рода аттестаты для полученія полностью причитавшагося имъ содержанія. Въ противномъ случаѣ, таковое выдавалось имъ въ размѣрѣ всего одной трети, пока они не добывали этихъ документовъ.

Обративъ Монаршее вниманіе на ихъ тяжелое матеріальное положеніе, Государь Императоръ соизволилъ повелѣть Главноуправляющему Канцеляріей Прошеній сообщить объ этомъ Военному Министру для доклада Его Величеству вопроса объ удовлетвореніи этихъ лицъ полнымъ содержаніемъ, а пока выдавать имъ изъ суммъ Канцеляріи пособіе, по 300 р. женатымъ и 200 р. холостымъ, на что были отпущены особыя средства въ размѣрѣ 178.000 р.

Затѣмъ, въ виду возбужденнаго бывшими вольнонаемными рабочими крѣпости „Портъ-Артуръ“ ходатайства объ удовле-

твореніи ихъ содержаніемъ до 1 Января 1906 г. Его Величеству благоугодно было пожаловать имъ по 300 р. каждому.

И, наконецъ, во вниманіе къ лишеніямъ, которыя были перенесены дружинниками той же крѣпости во время ея осады, Государь Императоръ повелѣлъ Статсъ-Секретарю Барону Будбергу входить въ обсужденіе возбуждаемыхъ ими всеподданнѣйшихъ ходатайствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщить Военному Министру, что Его Величеству угодно выслушать докладъ его по вопросу о состоявшемся въ свое время представленіи Генералъ-Лейтенанта Смирнова о награжденіи дружинниковъ почетными наградами за оказанные подвиги.

ГЛАВА VI.

Большой процентъ поступающихъ въ Канцелярію просьбъ имѣетъ своими предметами сложеніе казенныхъ взысканій, предоставленіе льготъ по исполненію воинской повинности, покровительство по имущественнымъ дѣламъ и, наконецъ, помилованіе и смягченіе участи лицъ, подвергнутыхъ уголовной карѣ или административнымъ взысканіямъ.

Расходъ финансоваго вѣдомства по удовлетворяемымъ ходатайствамъ о сложеніи казенныхъ взысканій достигаетъ приблизительно 150.000 р. въ годъ, не считая допускаемыхъ по ихъ уплатѣ разсрочекъ. Среди лицъ, прибѣгающихъ въ данномъ случаѣ къ Монаршему Милосердію, по преимуществу встрѣчаются крестьяне пограничныхъ губерній Царства Польскаго, отлучающіеся для заработка за границу безъ установленнаго паспорта, просрочившіе платежи арендаторы казенныхъ земельныхъ участковъ, чиновники, излишне получившіе по службѣ деньги, или начальствующія лица, обязанныя пополнить казенныя суммы, растраченныя ихъ подчиненными.

Еще значительнѣе въ количественномъ отношеніи представляется число всеподданнѣйшихъ прошеній о льготахъ по воинской повинности. Казалось бы, что введеніе въ 1874 г. болѣе справедливаго и равномѣрнаго распредѣленія между всѣми классами населенія обязанности по несенію службы въ рядахъ арміи должно было если не совсѣмъ устранить случаи обращеній призываемыхъ къ Монаршему Милосердію, то хотя бы значительно уменьшить таковыя. Однако, въ дѣйствительности, цифра всеподданнѣйшихъ ходатайствъ по этому предмету, доходившихъ въ концѣ первой половины прошлаго столѣтія до 1.000 въ годъ, въ настоящее время увеличилась въ четыре съ половиною раза. Не вдаваясь въ обсужденіе причинъ такого явленія, нельзя, однако, не замѣтить, что многія изъ возбуждаемыхъ ходатайствъ въ основѣ своей имѣютъ почтенную цѣль продолженія педагогической дѣятельности просителей, или предпринятыхъ ими научныхъ занятій. При такихъ условіяхъ, а равно и въ тѣхъ случаяхъ, когда эти лица, пользуясь правомъ на льготу по семейному положенію,

или на отсрочку по образованію, не могли по уважительнымъ причинамъ исходатайствовать въ указанный срокъ принадлежавшихъ имъ льготъ, Монаршая Милость освобождала ихъ отъ обязанности отбыть повинность.

Что касается до многочисленныхъ ходатайствъ о покровительствѣ по имущественнымъ дѣламъ, то въ большинствѣ случаевъ они сводятся къ домогательствамъ о пересмотрѣ рѣшенныхъ судебными установленіями дѣлъ, о несчитаніи истеченія давности препятствіемъ къ начатію исковъ, о возстановленіи сроковъ и т. п.

Удовлетвореніе ихъ, сопряженное съ нарушеніемъ интересовъ и правъ противной стороны, не должно, конечно, быть предметомъ Милости. Единственно, въ чемъ можетъ иногда выражаться Монаршее покровительство, это въ содѣйствіи просителю путемъ переписки съ вѣдомствами, которыя также заинтересованы въ исходѣ дѣла, или въ склоненіи частныхъ лицъ, являющихся противною стороною, посредствомъ увѣщаній и моральнаго воздѣйствія, на уступки. Тѣмъ не менѣе, число такихъ дѣлъ, въ которыхъ считаетъ себя въ правѣ принимать участіе Канцелярія, не нарушая интересовъ третьихъ лицъ, не велико и въ лучшемъ случаѣ не превышаетъ обыкновенно 1% всего поступленія въ годъ.

Есть, однако, среди дѣлъ этой категоріи и такія, въ отношеніи которыхъ Монаршее покровительство выражается въ болѣе реальной формѣ,—это дѣла о предоставленіи вымороченыхъ имуществъ. Ходатайства по этому предмету возбуждаются обыкновенно или родственниками, не имѣющими по закону наслѣдственыхъ правъ послѣ умершаго, а между тѣмъ находившимися съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ; или воспитанниками, о которыхъ покойный имѣлъ попеченіе, какъ о своихъ дѣтяхъ; или долголѣтними вѣрными слугами; или благотворительными и иными общеполезными учрежденіями, пользовавшимися особымъ участіемъ наслѣдодателя. Особенно же часты случаи ходатайствъ оставшихся въ живыхъ супруговъ о предоставленіи имуществъ, пріобрѣтеніе которыхъ явилось послѣдствіемъ совмѣстныхъ трудовъ и сбереженій мужа и

жены. При этомъ нерѣдко обнаруживается, что покойнымъ было даже совершено завѣщаніе, оставшееся затѣмъ безъ утвержденія по формальнымъ основаніямъ, или что сохранились достовѣрныя доказательства намѣренія безпотомно умершаго завѣщателя оставить просителю свое достояніе.

При такихъ условіяхъ и, въ особенности, когда изъ собираемыхъ свѣдѣній выясняется, что умершій матеріально поддерживалъ просителя, Канцелярія всегда входитъ въ разсмотрѣніе подобнаго рода ходатайствъ, причемъ Монаршаго вниманія изъ нихъ удостоиваются нерѣдко до 20% въ годъ.

Въ заключеніе нельзя не сказать нѣсколько словъ о той отрасли дѣятельности Канцеляріи Его Императорскаго Величества, которая имѣетъ своимъ предметомъ смягченіе участи лицъ, осужденныхъ за преступленія.

Изъ сѣдой старины и до настоящихъ дней у всѣхъ народовъ не переводится обычай взывать къ милосердію Главы Государства, когда суровая кара постигаетъ ослушника закона. Въ Русской же землѣ этотъ обычай проникъ въ сознаніе народа особенно глубоко, умножая изъ года въ годъ число просьбъ о помилованіи, достигающихъ нынѣ одной шестой части всѣхъ ежегодныхъ обращеній на Высочайшее Имя.

На основаніи своего Учрежденія Канцелярія Его Императорскаго Величества обязана препровождать такія просьбы Министрамъ, которымъ подчинены суды, постановившіе приговоръ, ограничивая такимъ образомъ, за весьма рѣдкими исключеніями, свою дѣятельность ролью безучастной передаточной инстанціи. Въ своемъ мѣстѣ были приведены различныя мнѣнія о цѣлесообразности этого порядка и дальнѣйшее обсужденіе этого вопроса выходило бы изъ предѣловъ задачи, положенной въ основаніе настоящаго труда. Но, опираясь на указанія, даваемыя многолѣтнимъ опытомъ Канцеляріи, нельзя не засвидѣтельствовать одной непреложной истины, что подобное направленіе ходатайствъ о помилованіи весьма далеко отъ упованій, питаемыхъ людьми, которые умоляютъ своего Монарха о снисхожденіи: многочисленныя повторительныя прошенія и жалобы, въ случаяхъ отклоненія просьбъ, красно-

рѣчиво свидѣтельствуютъ, что эти лица обманулись въ своей послѣдней надеждѣ, получивъ вмѣсто Царскаго слова прощенія холодный отказъ изъ вѣдомства, въ которое даже и не обращались.

ГЛАВА VII.

Цифры, помѣщенныя въ послѣднихъ главахъ настоящаго очерка, относящихся къ дѣятельности органа Монаршаго Милосердія, который замѣнилъ собою бывшую Коммисію Прошеній, свидѣтельствуютъ, что Канцелярія, въ теченіе четверти вѣка своего существованія, приняла къ производству и разсмотрѣла около 600.000 всеподданнѣйшихъ ходатайствъ, т. е. почти столько же, сколько Коммисія за три четверти столѣтія всей своей дѣятельности. Такимъ образомъ, съ одной стороны очевидно, что существующій нынѣ порядокъ представляетъ собою совокупность условій, болѣе благопріятныхъ для скораго разрѣшенія возникающихъ дѣлъ, нежели коллегіальное начало, господствовавшее въ Коммисіи Прошеній; съ другой стороны несомнѣнно, что ни повышеніе уровня умственнаго развитія въ широкихъ слояхъ обывателей, ни обновленіе государственнаго строя не только не сократили поводы обращенія къ неисчерпаемому источнику Монаршаго Милосердія, но, напротивъ того, умножили ихъ до чрезвычайности. Ибо непримиримый внутренній разладъ, наблюдаемый въ общественномъ быту, рознь, все глубже залегающая между отдѣльными классами населенія и, наконецъ, законодательное творчество, быстро развивающееся въ соотвѣтствіи съ требованіями вѣка, все это вызываетъ взаимное треніе между новыми и старыми формами жизни, которое не всегда можно смягчить воздѣйствіемъ одного только права.

Поэтому, когда въ Совѣщаніи объ Основныхъ Законахъ, происходившемъ въ Апрѣлѣ 1906 г. въ Царскомъ Селѣ подъ Личнымъ предсѣдательствомъ Государя Императора, былъ затронутъ вопросъ о помилованіи, Главноуправляющій Канцеляріею Прошеній всеподданнѣйше обратился къ Его Величеству со слѣдующими словами:

„Къ вопросу о Верховномъ правѣ помилованія я желалъ бы пріурочить вопросъ, имѣющій, на мой взглядъ, важное значеніе. Какъ извѣстно Вашему Величеству, въ настоящее время, кромѣ просьбъ о помилованіи и о сложеніи казенныхъ взысканій, въ путяхъ Монаршаго Милосердія, въ большомъ коли-

чествѣ разрѣшаются просьбы о допущеніи для отдѣльнаго случая изъятія изъ дѣйствующаго закона. Пока Власть Царская признавалась неограниченною, не было надобности въ Основныхъ Законахъ упоминать о правѣ Царя допускать такія изъятія. Въ настоящее же время, когда съ высоты Престола подтверждено о неуклонномъ соблюденіи законности, слѣдуетъ или Царской Власти отказаться отъ прежней своей прерогативы, или о ней особо упомянуть въ Основныхъ Законахъ.

Вопросъ самъ по себѣ, конечно, можетъ казаться спорнымъ; найдутся, вѣроятно, голоса и въ сегодняшнемъ Совѣщаніи, которые укажутъ Вашему Величеству на опасность допущенія изъятій изъ закона хотя бы и тогда, когда примѣненіе закона къ данному случаю не соотвѣтствуетъ понятію справедливости.

Я лично придерживаюсь иного взгляда.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ государствѣ, въ которомъ издавна водворена законность, основанная на законахъ, дѣйствительно ограждающихъ не только интересы государства, но и отдѣльныхъ лицъ,—строгое соблюденіе закона и возможно, и желательно, и полезно. Но едва ли наше Отечество въ настоящее время находится въ такомъ положеніи. Встрѣчаясь ежедневно, и уже много лѣтъ, съ этимъ вопросомъ, я вполнѣ убѣжденно заявляю, что строгое примѣненіе закона у насъ пока немыслимо. Пройдутъ еще многіе годы, пока исчезнетъ у насъ потребность благодѣтельнаго вмѣшательства Верховной Власти въ это постоянное противорѣчіе между положительнымъ правомъ и справедливостью.

Мнѣ могутъ возразить, что ни въ одномъ иностранномъ законодательствѣ о такомъ правѣ не упомянуто. Мнѣ это хорошо извѣстно, но я утверждаю, что и передъ этимъ останавливаться не слѣдуетъ.

Думаю, что народъ Вашего Величества не повѣрилъ бы тому, что ему нельзя къ Вамъ обращаться съ просьбами по всѣмъ его нуждамъ, и убѣжденъ, что по его понятіямъ для Вашего Величества слова „Я не могу“ не существуютъ. Пусть эта вѣра въ народѣ останется возможно дольше“.

По выслушаніи этой рѣчи и возраженій нѣкоторыхъ изъ Членовъ Совѣщанія, Его Императорскому Величеству благоугодно было сказать:

„Я согласенъ съ Барономъ Будбергомъ. Такъ и сдѣлать“. [109]

Сравнительная таблица

данныхъ о дѣятельности: Коммисіи Прошеній, Канцеляріи Прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, и Канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній.

Наименованіе Учрежденій.		Поступило всеподданнѣйшихъ прошеній и жалобъ.	Доложено Его Императорскому Величеству.	Всего рѣшено.	Входящихъ бумагъ.	Исходящихъ бумагъ.
Коммисія Прошеній . .	1825 г.	5.354	377	5.354	891	2.324
	1845 г.	11.582	741	11.483	3.848	8.852
Канцелярія Прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ	1893 г.	21.382	1.164	21.366	23.240	48.831
Канцелярія Его Императорскаго Величества по принятію прошеній	1899 г.	32.336	7.278	32.382	33.051	63.860
	1908 г.	65.357	7.550	64.174	41.276	98.377

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Соловьевъ „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ т. VI.

[2] Тамъ же.

[3] Лихачевъ: Происхожденіе А. Ѳ. Адашева. „Историч. Вѣстн.“ 1890 г., Май.

[4] Соловьевъ „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ т. VI.

[5] „Акты Московскаго Государства“ изд. Имп. Акад. Наукъ, т. I.

[6] Котошихинъ „О Россіи въ царствованіе Алексія Михаиловича“.

[7] Брикнеръ „Исторія Петра Великаго“.

[8] П. С. З. № 2957, 1715 г.

[9] П. С. З. № 3581, 1720 г.

[10] П. С. З. № 3972, 1722 г.

[11] П. С. З. № 3900, 1722 г.

[12] Воронежскія Губернскія Вѣдомости 1849 г. № 41.

[13] П. С. З. № 17990, 1797 г.

[14] П. С. З. №№ 4765, 1725 г.; 5188, 1727 г.; 8575, 1742 г.

[15] П. С. З. № 8288, 1740 г.

[16] Брикнеръ „Исторія Екатерины Великой“.

[17] П. С. З. № 11868, 1763 г.

[18] Вейдемейеръ „Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи“.

[19] Храповицкій „Дневникъ“.

[20] П. С. З. № 12881, 1767 г.

[21] Лопухинъ, Нелединскій-Мелецкій, Трощинскій, Брискорнъ.

[22] „Записки изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы Д. Т. С. и Сенатора И. В. Лопухина“.

[23] „Историческ. Вѣстн.“ 1881 г., Январь, стр. 216.

[24] С.-Петерб. Вѣдом. 1797 г. № 3.

[25] Пыпинъ „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, стр. 40.

[26] Тамъ же, стр. 87.

[27] Письмо къ Императору Александру I изъ Перми въ Январѣ 1813 г.

[28] Пыпинъ „Общ. движ. въ Россіи при Александрѣ I“, стр. 87.

[29] Журналы Коммисіи Прошеній.

[30] „Біографія А. И. Кошелева“, изд. О. Ѳ. Кошелевой 1889 г.

[31] Въ 1801 г., по случаю вступленія на Престолъ, было болѣе 24.000, не считая принятыхъ Генералъ-Рекетмейстеромъ, а затѣмъ, въ среднемъ, около 8.000 въ годъ.

[32] Вс. доклады Ст.-Секр. Молчанова за 1809 г.

[33] Сборникъ историческихъ матеріаловъ изъ Архива Соб. Е. И. В. Канцеляріи, вып. VII.

[34] „О старой и новой Россіи“.

[35] Сборникъ историческихъ матеріаловъ изъ Архива Соб. Е. И. В. Канцеляріи, вып. V.

[36] П. С. З. № 24064 §§ 88—113.

[37] Изъ журнала Комитета 6 Декабря 1826 г. (записка Тайнаго Совѣтника Енгеля 21 Ноября 1828 г.).

[38] § 100.

[39] § 103.

[40] п. 1 § 97.

[41] § 107.

[42] § 109.

[43] §§ 112 и 113.

[44] Записки Адмирала Шишкова.

[45] Кошелевъ родился 31 Мая 1749 г.

[46] „Біографія А. И. Кошелева".

[47] Струдза „Судьба Русской Церкви въ царствованіе Александра I".

[48] „Записки архимандрита Фотія".

[49] „Біографія А. И. Кошелева".

[50] Тамъ же.

[51] Въ 1827 г.

[52] Родился въ 1771 г.

[53] „Русск. Арх." 1873 г., стр. 1026 и далѣе.

[54] Тамъ же.

[55] Вигель „Воспоминанія".

[56] Кн. Горчаковъ къ этому времени умеръ.

[57] Письмо Барона Кампенгаузена къ Графу Аракчееву. Изъ Сборн. историч. матеріаловъ изъ Архива Собств. Е. И. В. Канцеляріи, вып. VII.

[58] Тамъ же, вып. V.

[59] П. С. З. № 22958, 1808 г.

[60] Сборникъ историческихъ матеріаловъ изъ Архива Соб. Е. И. В. Канцеляріи, вып. V.

[61] Тамъ же.

[62] Въ подлинномъ подчеркнуто. Сборн. историч. матеріаловъ изъ Архива Собств. Е. И. В. Канцеляріи, вып. V.

[63] Тамъ же, вып. VII.

[64] „Русскій Біографическій Словарь".

[65] Тамъ же.

[66] Тамъ же.

[67] Род. 23 Марта 1760 г., умеръ 18 Января 1831 г.

[68] Бантышъ-Каменскій „Словарь достопримѣчательныхъ людей".

[69] „Русскій Біографическій Словарь".

[70] Род. 27 Декабря 1775 г.

[71] Журналы Ком. Прош. за 1816 г.

[72] Журналы Ком. Прош. за 1818 г.

[73] Высоч. Манифестъ 1 Января 1810 г., п. 3 § 90.

[74] 16 Ноября 1824 г.

[75] Родился въ 1753 г., умеръ въ 1831 г.

[76] „Вѣстн. Европы" 1867 г. Іюнь, стр. 175.

[77] „Дневникъ Сенатора Дивова".

[78] Тамъ же. Кикинъ скончался 18 Мая 1834 г.

[79] Тамъ же.

[80] П. С. З. № 1820, 20 Февраля 1828 г.

[81] Объ этомъ будетъ сказано ниже.

[82] П. С. З. № 14292, 19 Февраля 1841 г.

[83] Объ этомъ будетъ подробно изложено ниже.

[84] На какой улицѣ находился этотъ домъ, свѣдѣній не имѣется.

[85] Эти и дальнѣйшія свѣдѣнія и подлинныя выраженія почерпнуты изъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества (т. 74), заключающаго въ себѣ журналы засѣданій Комитета 6 Декабря 1826 г.

[86] П. С. З. №№ 7771 и 7772, 1835 г.

[87] Журналъ засѣданія Ком. Прошеній 21 Марта 1841 г.

[88] По Средамъ и Пятницамъ.

[89] Приводимыя здѣсь біографическія свѣдѣнія заимствованы изъ записокъ дяди Ѳнгеля, Адмирала Графа Литке.

[90] Семи лѣтъ. Родился около 1770 г.

[91] Бар. Корфъ „Жизнь Графа Сперанскаго".

[92] Знаменитый военный инженеръ того времени, строитель почти всѣхъ крѣпостей на нашей западной границѣ.

[93] Лакруа. „Исторія жизни и царствованія Николая I, Императора Всероссійскаго".

[94] Всеподданнѣйшая записка Министра Юстиціи 24 Февраля 1847 г.

[95] Настоящій разсказъ почерпнутъ изъ „Русскаго Архива" 1878 г. т. II. (Приключенія Лифляндца въ Петербургѣ).

[96] Письмо его къ Государственному Секретарю отъ 12 Марта 1864 г. по дѣлу о преобразованіи судебной части въ Россіи (Архивъ Госуд. Совѣта).

[96] Стараго устройства.

[97] Журналъ Высочайше учрежденной Коммисіи для подробной разработки проекта законоположенія объ упраздненіи Коммисіи Прошеній.

[98] За исключеніемъ Кассаціонныхъ Департаментовъ.

[99] Профессоръ Бернеръ.

[100] Общее Собраніе состоялось 14 Мая 1884 г.

[101] Вторникъ.

[102] Понедѣльникъ, Вторникъ и Пятница.

[103] Высоч. повел. 1 Ноября 1884 г.

[104] Собр. Узак. и Расп. Прав. 2 Марта 1895 г. № 37.

[105] Тамъ же 18 Апрѣля 1895 г. № 64.

[106] 20 Октября 1899 г.

[107] По Четвергамъ.

[108] Высоч. утвержд. мнѣніе Гос. Совѣта 25 Декабря 1901 г.

[109] Во исполненіе таковой Монаршей Воли въ Основные Законы была включена 23-я статья, которая гласитъ:

„Государю Императору принадлежитъ помилованіе осужденныхъ, смягченіе наказаній и общее прощеніе совершившихъ преступныя дѣянія съ прекращеніемъ судебнаго противъ нихъ преслѣдованія и освобожденіемъ ихъ отъ суда и наказанія, а также сложеніе, въ путяхъ Монаршаго Милосердія, казенныхъ взысканій и вообще дарованіе милостей въ случаяхъ особыхъ, не подходящихъ подъ дѣйствіе общихъ законовъ, когда симъ не нарушаются ничьи огражденные закономъ интересы и гражданскія права".